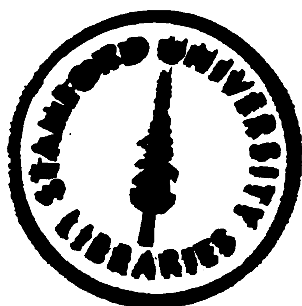
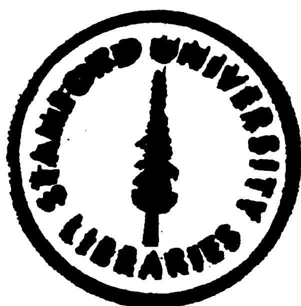
PAPERNA
B. SPINOZA

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

в. ценз. Спб., 15 мая 1894 г. Тип. тов. „Общ. польза", Б. Подъяч., 39.

Спиноза.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Б. СПИНОЗА

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Г. А. Паперна

Съ портретомъ Спинозы, гравированнымъ въ С.-Петербургѣ К. Адтомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ
Бол. Подъяческая, 39
1895

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Марта 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.	Страничка изъ исторіи	5
II.	Семья и школа	10
III.	Новыя вліянія	17
IV.	Отлученіе	28
V.	Среди коллегіантовъ	35
VI.	Ворбургъ и Гага	47
VII.	Смерть. Анаѳема и апоѳеозъ	67
VIII.	Философія Спинозы	78

ЛИТЕРАТУРА.

Наиболѣе полное оригинальное изданіе произведеній Спинозы принадлежитъ ванъ-Влотену и Ланду (Гага, 1882—83). На русскомъ языкѣ имѣются: 1) «Этика» въ двухъ переводахъ—проф. Модестова (I изд. 1886. III изд. 1894) и Н. А. Иванцова (1892), и 2) «Переписка» въ пер. г-жи Гуревичъ, подъ ред. г. Волынскаго (1891). На нѣмецкомъ языкѣ хорошіе и доступные по цѣнѣ переводы важнѣйшихъ произведеній Спинозы появились въ «Библіотекѣ Реклама».

Важнѣйшимъ источникомъ для біографіи Спинозы остается до сихъ поръ «Жизнь Б. де-Спинозы, описанная Іог. Колерусомъ» (переводъ ея приложенъ къ русскому изданію «Переписки»).

Изъ другихъ сочиненій, посвященныхъ біографіи Спинозы и изложенію его философіи, приведемъ только главнѣйшія:

1) *Kuno Fischer*. «Geschichte der neueren Philosophie», III изд., значительно переработанное сравнительно съ первымъ, съ котораго сдѣланъ русскій переводъ.

2) *F. Pollock*. «Spinoza, his life and philosophy.» Lond. 1880 (лучшее изъ извѣстныхъ намъ сочиненій о Спинозѣ по объективности изложенія и широтѣ взгляда автора).

3) *I. Martineau*. «A study of Spinoza» Lond. 1882 (біографія и излож. философіи).

4) *Caird*. «Spinoza» (Blacwoods Philosophical Classics).—Изложеніе философіи.

5) *Am. Saintes*. «Histoire de la vie et des ouvrages de B. de Spinoza, fondateur de l'éxegèse et de la philosophie moderne». Paris. 1842.

6) *Ginsberg*. «Leben und Charakterbild Spinoza's». Leipz. 1876.

7) *A. v. der Linde*. «Spinoza's Lehre und deren erste Nachwirkungen in Holland» Gött. 1862.

8) *Ioel*. «Spinozas Theolog.-Polit. Tractat auf seine Quellen geprüft». Bresl. 1870.

9) *Avenarius*. «Über die beiden ersten Phasen des Spinoza. Pantheismus». Leipz. 1868.

10) *L. Stein*. «Leibniz und Spinoza». Berl. 1890.

11) *L. Brunschwieg*. Spinoza». Paris. 1894. (Изложеніе философіи).

12) *К. Ярошъ*. «Спиноза и его ученіе о правѣ». Харьковъ, 1877. Интересный очеркъ государственно-правовыхъ воззрѣній Спинозы Къ сожалѣнію въ цитатахъ много пропусковъ, по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ.

Подробныя библіографическія указанія читатели найдутъ въ «Исторіи новой философіи» *Ибервега-Гейнце*, перев. Я. Н. Колубовскаго. Спб. 1890.

I. Страничка изъ исторіи.

Возникновеніе еврейской колоніи въ Амстердамѣ.—Судьбы евреевъ въ Испаніи и Португаліи. —Марраны. — Положеніе дѣлъ въ Нидерландахъ.—Коллегіанты.—Янъ де-Виттъ.

Еврейская колонія въ Амстердамѣ возникла всего за сорокъ лѣтъ до рожденія Спинозы: въ 1591 году здѣсь поселилась горсть португальскихъ маррановъ, спасавшихся отъ преслѣдованій инквизиціи, и Спиноза принадлежалъ слѣдовательно къ первому поколѣнію, родившемуся на новой почвѣ.

Новыя условія не успѣли еще сколько-нибудь существенно повліять на внутреннюю жизнь общины, и обстановка, въ которой выросъ мыслитель, въ значительнѣйшей своей части создалась подъ вліяніемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ возникновеніе колоніи. Обстоятельствомъ этимъ было одно изъ жесточайшихъ преслѣдованій, какимъ когда либо подвергался много-гонимый народъ,— преслѣдованіе, продолжавшееся безъ малаго три столѣтія. И если обстановка, въ которой выросъ Спиноза, не представляла картины полнаго опустошенія, если въ окружавшей его духовной атмосферѣ бродили идеи, въ значительной части потомъ вошедшія въ его міросозерцаніе, то объясняется это во-первыхъ тѣмъ, что народъ, къ которому онъ принадлежалъ, считаетъ свою культурную жизнь тысячелѣтіями и свято оберегаетъ остатки своей многовѣковой культуры; во-вторыхъ — тѣмъ, что до гоненій, обрушившихся на испанскихъ и португальскихъ евреевъ въ концѣ среднихъ и началѣ новыхъ вѣковъ, они благоденствовали: цѣлыхъ четыре столѣтія они жили при условіяхъ, о которыхъ не могли и мечтать ихъ единовѣрцы въ христіанскихъ государствахъ Европы: они были граждански-полноправны.

Завоеваніе арабами Пиренейскаго полуострова въ 711 году доставило угнетеннымъ испанскимъ евреямъ полное равноправіе. Они не только пользовались полной религіозной свободой, но часто становились во главѣ арабскихъ школъ, допускались къ высшимъ государственнымъ должностямъ. При такихъ условіяхъ они быстро достигли высокой степени культурнаго и матеріальнаго благосостоянія. Положеніе испанскихъ евреевъ рѣзко измѣнилось къ худшему съ возстановленіемъ на полуостровѣ христіанскаго владычества. Сначала ихъ умственная жизнь продолжала еще въ силу инерп гаться тѣмъ ускореннымъ темпомъ, который сообщила ей гр

ская свобода,—и XII вѣкъ былъ вѣкомъ расцвѣта испанско-еврейской образованности. Послѣ него начался періодъ гоненій и упадка.

Двѣ причины способствовали усиленію въ Испаніи въ данную эпоху нетерпимости, которая была общимъ удѣломъ евреевъ въ то время и много вѣковъ спустя въ христіанскихъ странахъ Европы. Во-первыхъ, многовѣковая борьба испанцевъ съ маврами вызывала естественный ростъ національнаго и религіознаго самосознанія, скоро выродившагося въ національную исключительность и религіозную нетерпимость. Во вторыхъ, со вступленіемъ на папскій престолъ Иннокентія III и съ возникновеніемъ нищенствующихъ орденовъ римская церковь приняла воинствующій характеръ и вступила въ энергическую борьбу съ невѣрующими и еретиками.

Уже въ 1205 году Латеранскій соборъ принялъ рядъ ограничительныхъ мѣръ противъ евреевъ: воспретилъ имъ занимать государственныя должности, вступать въ общеніе съ христіанами, носить туземныя имена, лечить христіанъ, установилъ для нихъ особую одежду. Мѣры эти, направленныя противъ всѣхъ евреевъ, жившихъ въ католическихъ странахъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду привыкшихъ къ равноправію испанскихъ евреевъ, давно слившихся съ коренньмъ населеніемъ по обычаямъ и языку,—на испанскомъ языкѣ до сихъ поръ говорятъ ихъ потомки въ Азіи и Африкѣ. Онѣ ставили себѣ цѣлью искусственно обособить ихъ, пріучить населеніе смотрѣть на нихъ, какъ на низшую расу, какъ на паріевъ, стоящихъ внѣ покровительства законовъ. Не всѣ онѣ могли быть осуществлены на практикѣ. Даже въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ евреевъ лейбъ-медиками у королей и папъ въ виду недостатка въ научно-образованныхъ врачахъ-христіанахъ. Но ограничительныя мѣры достигали своей цѣли, постепенно фанатизируя массу, цѣлыя столѣтія мирно уживавшуюся съ евреями и дружелюбно относившуюся къ нимъ въ Испаніи даже въ фанатическую эпоху крестовыхъ походовъ, записанную кровавыми чертами въ исторіи евреевъ другихъ европейскихъ странъ. Въ 1391 году надъ испанскими евреями разразилось первое кровавое гоненіе, сопровождавшееся насильственнымъ обращеніемъ ихъ въ католичество. За нимъ слѣдовали другія, и наконецъ въ 1492 году, послѣ взятія Гранады—послѣдняго оплота Мавританскаго владычества на полуостровѣ,—Фердинандъ-Католикъ и Изабелла издали указъ объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи. Имъ разрѣшено было остаться въ странѣ подъ условіемъ принятія католичества. Усло-
то было невыполнимо, и почти все еврейское населеніе Испа-
около 300 тыс. человѣкъ—покинуло родину. Часть ихъ на-

правилась въ болѣе терпимые Египетъ и Турцію, гдѣ они были радушно приняты султаномъ Баязетомъ, — большинство (около 200тыс.) переселилось въ сосѣднюю Португалію. Послѣднихъ ждала еще болѣе тяжкая участь.

Сочувственно относившійся къ нимъ вначалѣ король Эммануилъ, послѣ бракосочетанія съ дочерью Фердинанда и Изабеллы, инфантой Изабеллой, повторилъ указъ своего тестя, но въ то же время принялъ мѣры, чтобы лишить евреевъ возможности оставить страну въ назначенный срокъ. Послѣ этого они были объявлены, какъ преступившіе королевское повелѣніе, рабами короля и насильственно обращены въ католичество. Обращеніе это сопровождалось массовыми самоубійствами и самосожженіями. Несмотря на настойчивыя требованія папъ, находившихъ образъ дѣйствій португальскаго короля несоотвѣтствующимъ достоинству католической религіи, разрѣшеніе выселиться дано было - уже потомкамъ новообращенныхъ — только спустя столѣтіе, въ 1582 году, но опять было у нихъ отнято черезъ пять лѣтъ, когда Португалія была присоединена къ владѣніямъ Филиппа II. Впрочемъ выселиться было некуда: во всей Европѣ ихъ ждали тѣ же гоненія и преслѣдованія.

Благодаря описаннымъ событіямъ, на Пиренейскомъ полуостровѣ появилось множество насильственно-обращенныхъ, «новыхъ христіанъ» (novos christianos) или марановъ. Они ненавидѣли насильственно навязанную имъ вѣру и тѣмъ страстнѣе были преданы религіи своихъ отцовъ, обряды которой исполняли втайнѣ. Несмотря на преслѣдованія инквизиціонныхъ трибуналовъ, превратившихъ Пиренейскій полуостровъ въ гигантскій костеръ, на которомъ ежегодно сжигались тысячи человѣческихъ жертвъ, эта преданность сохранилась даже въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи марановъ, пользовавшихся всякимъ удобнымъ случаемъ для возвращенія въ іудейство. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ эта возможность представилась, когда возстаніе Нидерландовъ противъ Филиппа II создало на сѣверѣ Европы свободную республику, провозгласившую основнымъ принципомъ своего государственнаго строя религіозную вѣротерпимость.

Долгія преслѣдованія развиваютъ подозрительность, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что испанскіе евреи ожидали встрѣтить во всякомъ христіанинѣ притѣснителя, обидчика и врага. Бѣглецы, прибывшіе въ Амстердамъ въ 1591 году, не рѣшались довѣриться обѣщаніямъ правительства и долгое время скрывались, тайкомъ собираясь для общаго богослуженія. тайныя собранія возбудили подозрѣнія властей и молельня

въ день покаянія оцѣплена войсками. Фактъ, казавшійся несчастнымъ марранамъ началомъ новыхъ гоненій, послужилъ къ выясненію ихъ положенія: имъ была предоставлена полная религіозная свобода и всѣ гражданскія права, за исключеніемъ права занимать государственныя должности, но о послѣднемъ они и не мечтали. Впослѣдствіи и это ограниченіе—естественное по отношенію къ чужеземцамъ—было отмѣнено. Вѣсть о вѣротерпимости, встрѣченной въ Нидерландахъ первыми переселенцами, вызвала приливъ туда новыхъ бѣглецовъ изъ Португаліи, несмотря на трудности, которыми обставлено было переселеніе. Въ 1670 г. португальская община насчитывала уже 4.000 семействъ. Вскорѣ здѣсь возникли типографія и правильно организованное семиклассное училище. Исполненные глубокой благодарности къ пріютившей ихъ странѣ, евреи называли Амстердамъ «новымъ Іерусалимомъ». На почвѣ полной вѣротерпимости между туземнымъ населеніемъ и переселенцами скоро установились ничѣмъ не омрачавшіяся хорошія отношенія. Спустя нѣсколько поколѣній, переселенцы усвоили себѣ обычаи и языкъ своей новой родины и превратились въ вѣрныхъ гражданъ, дорожащихъ ея учрежденіями и гордящихся своей принадлежностью къ свободной и вѣротерпимой республикѣ.

Положеніе дѣлъ въ Нидерландахъ въ эпоху переселенія туда первыхъ португальскихъ выходцевъ носило еще всѣ черты смутнаго времени. Война съ Испаніей продолжалась, и нидерландцы часто терпѣли пораженія въ борьбѣ съ превосходившимъ ихъ и силою, и опытностью полководцевъ непріятелемъ. Тѣмъ не менѣе становилось уже яснымъ, что маленькій народецъ, упорно отстаивавшій свою независимость отъ деспотическаго гнета могущественнѣйшей тогда въ мірѣ монархіи, достигнетъ своей цѣли. Фактически признанная гагскимъ перемиріемъ 1609 года независимость Штатовъ получила юридическое признаніе только въ 1648 году, уже при жизни Спинозы.

Внутри страна переживала періодъ броженія. Штатамъ предстояла трудная организаціонная задача—создать государство, въ которомъ верховенство народнаго представительства (общаго сейма) и разнообразныя привилегіи отдѣльныхъ штатовъ и городовъ уживались бы съ сильной центральной властью. Послѣдняя казалась необходимой въ неокрѣпшей еще молодой республикѣ, которой въ первые же годы ея независимой жизни пришлось вести [войны] съ Испаніей, Англіей и Франціей. Населеніе дѣлилось на [пар]тіи. Большинство, привязанное къ памяти великаго основателя

республики, Вильгельма Молчаливаго, принадлежало къ оранской партіи, требовавшей сосредоточенія исполнительной власти и командованія войсками въ рукахъ наслѣдственнаго штатгальтера изъ оранскаго дома. Образованное и зажиточное меньшинство, входившее въ составъ республиканской партіи, опасаясь превращенія Штатовъ въ неограниченную монархію, стремилось къ отдѣленію административной власти отъ военной и къ расширенію правъ общаго сейма.

Политическія разногласія осложнялись религіозными распрями. Даже въ самомъ вѣротерпимомъ тогда государствѣ Европы,—республикѣ, независимость которой выросла на принципѣ религіозной свободы,—«еретики», секты, отдѣлившіяся отъ общаго протестантскаго вѣроученія, подвергались преслѣдованію. Политическія и религіозныя партіи отчасти совпадали: диссидентскія ученія имѣли сторонниковъ главнымъ образомъ среди республиканской партіи, вообще склонной терпимо относиться къ сектантамъ; оранская партія поддерживала тѣсный союзъ съ фанатическимъ кальвинистскимъ духовенствомъ. Изъ сектантскихъ ученій наиболѣе распространеннымъ было ученіе анабаптистовъ-меннонитовъ, свившее себѣ прочное гнѣздо въ Нидерландахъ еще въ первыя времена реформаціи. Многочисленныя общины анабаптистовъ, организованныя потомъ Менно Симонсомъ и получившія названіе меннонистовъ, обращали мало вниманія на развитіе догматической стороны ученія, но были тѣсно сплочены практической моралью, основными положеніями которой были воздержаніе отъ войны и братская помощь другъ другу. Другой сектой, вызывавшей еще болѣе ожесточенныя преслѣдованія, была секта арминіанъ, послѣдователей лейденскаго профессора Арминія, смягчившаго суровое ученіе Кальвина о предопредѣленіи.

Упорная политическая и религіозная борьба длится втеченіи всего перваго періода существованія республики. При сынѣ Вильгельма Оранскаго, Морицѣ, вождь республиканской партіи, одинъ изъ основателей республики, престарѣлый Ольдебарневельдтъ сложилъ голову на плахѣ; другіе видные представители ея, въ томъ числѣ создатель науки о международномъ правѣ, Гуго Гроцій, заключены были въ тюрьму. Въ то же время дортрехтскій соборъ (1618) осудилъ ученіе арминіанъ, какъ еретическое. Имъ воспрещено было публично отправлять богослуженіе, и они скоро слились съ поставленными въ такое-же безвыходное положеніе меннонитами. Религіозныя собранія ихъ, не имѣя характера публичнаго богослуженія, такъ и назывались «собраніями» (со-

legia), откуда и произошло названіе «коллегіантовъ», подъ которымъ мы встрѣтимъ ихъ въ дальнѣйшихъ главахъ. Республиканская партія получила перевѣсъ только во время малолѣтства Вильгельма III, когда во главѣ республики сталъ человѣкъ незапятнанной честности и благороднаго разносторонне развитого ума, великій пенсіонарій Голландіи, Янъ-де-Виттъ, другъ и, по нѣкоторымъ даннымъ, ученикъ Спинозы. Двадцать лѣтъ его правленія были эпохой величайшаго могущества и процвѣтанія Штатовъ. Какъ читатели помнятъ изъ учебниковъ исторіи, Янъ-де-Виттъ погибъ трагической смертью, вина въ которой почти всецѣло падаетъ на разбойничью политику Людовика XIV. Въ 1672 году громадная французская армія, подъ предводительствомъ принца Конде, неожиданно вторглась въ предѣлы состоявшихъ въ союзѣ съ Франціей Нидерландовъ. Штаты были захвачены врасплохъ, и непріятельская армія подвигалась впередъ, не встрѣчая сопротивленія. Чувствуя невозможность продолжать войну. Янъ-де-Виттъ вступилъ въ переговоры съ непріятелемъ; оранская партія распустила слухъ объ измѣнѣ, и Янъ-де-Виттъ былъ растерзанъ настроенной противъ него толпой. Въ біографіи Спинозы намъ придется говорить объ эпизодѣ, относящемся къ этой войнѣ.

II. Семья и школа.

Скудныя свѣдѣнія о семьѣ. — Учителя Спинозы. — Школьныя вліянія: Маймонидъ, Крескасъ, Ибнъ-Эзра, каббала.—Итоги.—Начало сомнѣній.

Барухъ Спиноза родился въ Амстердамѣ 24 ноября 1632 года. Родители его были марраны, переселившіеся изъ Португаліи или Испаніи. Послѣднее представляется болѣе правдоподобнымъ. Свой протестъ противъ административной высылки изъ Амстердама Спиноза написалъ на испанскомъ языкѣ, тогда какъ оффиціальнымъ языкомъ общины былъ португальскій. Самая фамилія «Спиноза» ведетъ повидимому свое начало отъ одной изъ многочисленныхъ деревушекъ того-же имени, расположенныхъ въ окрестностямъ Бургоса. Это конечно второстепенныя мелочи, и мы касаемся ихъ только для того, чтобы показать читателю, какъ скудны наши свѣдѣнія даже относительно элементарныхъ фактовъ жизни Спинозы.

О семьѣ Спинозы мы знаемъ очень мало. Родител го были повидимому зажиточные люди и занимались торговлей. У Спинозы были двѣ сестры, имена которыхъ сохранилъ намъ Колерусъ,— о интересныя имена, не оставившія по себѣ никакихъ слѣдовъ изни мыслителя. О дѣтствѣ его мы ничего не знаемъ и пре-

доставляемъ на этотъ счетъ фантазіи читателя неограниченный просторъ. Позднѣйшія событія жизни Спинозы сдѣлали невозможнымъ полученіе о немъ какихъ-либо свѣдѣній отъ его семьи. Близкіе же друзья Спинозы не оставили намъ никакихъ біографическихъ замѣтокъ, вѣроятно по желанію самого Спинозы: онъ осуждалъ авторское честолюбіе и запретилъ даже выставить на посмертныхъ произведеніяхъ свое имя.

Учебные годы Спинозы прошли вѣроятно всѣ въ школѣ, основанной португальскими выходцами въ 1639 году, т. е. когда ему было семь лѣтъ. Это было правильно организованное училище, въ старшихъ классахъ котораго ученики изучали богословіе, еврейскую филологію, риторику и піитику. Во главѣ его стояли раввины: Саулъ Мортейра, Исаакъ Абоабъ и Манассе-бенъ-Израэль. Всѣ трое были люди мало выдающіеся. Старшій изъ нихъ, Саулъ Мортейра, ученикъ и родственникъ знаменитаго врача Элія Монтальто, лейбъ-медика королевы Маріи Медичи, былъ сравнительно мало знакомъ даже съ богословской литературой. Оставшіяся послѣ него сочиненія—проповѣди и небольшіе трактаты философскаго и апологетическаго содержанія – обнаруживаютъ въ немъ нѣкоторое знакомство съ философской литературой, но представляютъ мало оригинальнаго. Несравненно большей извѣстностью, въ качествѣ талантливаго проповѣдника, пользовался Абоабъ, но, судя по литературнымъ его произведеніямъ, и онъ не представлялъ ничего выдающагося. Младшій товарищъ ихъ, М.-б.-Израэль, тоже талантливый проповѣдникъ, владѣлъ нѣсколькими языками, въ томъ числѣ латинскимъ, и, благодаря личнымъ качествамъ, пользовался дружбой многихъ современныхъ христіанскихъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей. Настойчивый, всецѣло отдававшій себя любимому дѣлу, онъ добился допущенія евреевъ въ Англію (при Кромвеллѣ), но въ умственномъ отношеніи стоялъ не выше своихъ товарищей. Подобно имъ, онъ увлекался мистикой, считалъ ересью критическое отношеніе къ Талмуду и апокрифическимъ книгамъ каббалы. Всѣ трое не отвѣчали тѣмъ требованіямъ, какія вправѣ была предъявлять къ своимъ руководителямъ молодая община, и безъ того, въ силу самихъ условій своего возникновенія, стремившаяся держаться буквы преданія. Въ руководимую ими школу они внесли вѣроятно тотъ же духъ мертвящаго, сосредоточеннаго на обрядовой сторонѣ формализма, который они закрѣпляли въ религіозной жизни общины.

Тѣмъ не менѣе амстердамское училище дало вѣроятно Спинозѣ то же, чтò могла дать тогдашняя школа вообще. По характеру пр

подаванія оно мало чѣмъ отличалось отъ тогдашнихъ христіанскихъ школъ. И здѣсь, и тамъ преобладало богословіе—изученіе Св. Писанія и толкованій къ нему. Разница была только въ томъ, что въ однѣхъ изучалась патристика и схоластическая философія, въ другихъ —талмудъ и религіозная философія Маймонида и его послѣдователей. Аналогія тутъ полнѣе, чѣмъ можетъ думать читатель. Подобно схоластикѣ, средневѣковая еврейская философія, возникновеніе и расцвѣтъ которой на сто лѣтъ предшествуетъ возникновенію и расцвѣту схоластики, стоитъ на почвѣ аристотелевской философіи и стремится слить ее съ религіей. Если западная церковь одно время носилась съ мыслію о причисленіи Аристотеля къ лику святыхъ, то для Маймонида Аристотель—почти такой-же Богомъ ниспосланный источникъ истины, какъ Св. Писаніе. Философія и вѣра (т. е. догматика) не могутъ противорѣчить другъ другу, такъ какъ обѣ онѣ—продукты божественной природы. И въ этихъ попыткахъ сліянія науки съ богословіемъ— какъ во всѣхъ подобныхъ попыткахъ - буква преданія не всегда торжествуетъ, и ясный смыслъ эпическаго разсказа произвольно истолковывается въ угоду требованіямъ метафизики. Чтобы дать читателю понятіе объ этой своеобразной манерѣ мышленія, приведемъ одно мѣсто изъ Маймонида, цитируемое Спинозой.

Рѣчь идетъ о вѣчности міра, одномъ изъ основныхъ положеній аристотелевской философіи. На этотъ разъ Маймонидъ не присоединяется къ своему учителю, но, — какъ онъ характерно заявляетъ,— «совсѣмъ не потому, что этому противорѣчитъ разсказъ Библіи о сотвореніи міра. Вѣдь несмотря на то, что въ Св. Писаніи встрѣчаются мѣста, какъ будто указывающія на тѣлесную природу Бога, мы признаемъ Его однакоже безтѣлеснымъ, такъ какъ безтѣлесная природа его ясно доказана, а потому всѣ мѣста Св. Писанія, противорѣчащія этому, должны быть толкуемы въ соотвѣтствующемъ смыслѣ. Вѣчность же міра не доказана; поэтому нѣтъ необходимости насиловать смыслъ Библіи ради взгляда, который, правда, привлекателенъ, но быть можетъ будетъ замѣненъ противоположнымъ, если найдены будутъ достаточныя основанія». Какъ бы ни былъ дикъ этотъ взглядъ, послѣдовательное проведеніе его открывало извѣстный просторъ научной дѣятельности, и Маймонидъ является въ значительной степени раціоналистомъ. Нѣкоторые изъ его взглядовъ не могли не показаться смѣлыми въ XII вѣкѣ, но попытка осудить произведенія Маймонида, какъ еретическія, сдѣланная спустя четверть вѣка послѣ его

смерти (1206), вызвала такой единодушный взрывъ негодованія, что обскуранты поспѣшили отказаться отъ своей затѣи. Когда эта попытка была возобновлена въ XIV вѣкѣ, то община и раввины Монпелье объявили, что предадутъ отлученію всякаго, кто будетъ изъ религіозныхъ побужденій отклонять своихъ дѣтей отъ изученія любой науки на любомъ языкѣ,—всякаго, кто будетъ осуждать писателя, трактующаго о богословскихъ предметахъ, на основаніи философскихъ его убѣжденій, и наконецъ всякаго, кто позволитъ себѣ назвать еретическими произведенія Маймонида,—любопытный образчикъ огражденія свободы мысли при помощи обычнаго орудія богословской нетерпимости.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ, спустя четыре слишкомъ столѣтія послѣ смерти Маймонида, онъ былъ вѣками освященный авторитетъ, и взгляды его получили силу почти религіозныхъ догматовъ. Изъ вліяній, окружавшихъ Спинозу въ школьные годы, вліяніе произведеній Маймонида было однимъ изъ наиболѣе сильныхъ: какъ показала новѣйшая критика, слѣды внимательнаго изученія Маймонида встрѣчаются въ важнѣйшихъ произведеніяхъ Спинозы—главнымъ образомъ въ «Теологико-Политическомъ трактатѣ», но также и въ «Этикѣ». Можетъ показаться страннымъ, что, несмотря на значительную примѣсь раціонализма во взглядахъ Маймонида, несмотря на то, что его взгляды нерѣдко тѣсно соприкасаются со взглядами Спинозы, послѣдній въ своихъ произведеніяхъ относится къ Маймониду съ нескрываемой враждебностью. И однакоже явленіе это вполнѣ понятно. Прежде всего научная честность Спинозы возмущалась пріемами, которые Маймонидъ примѣнялъ къ истолкованію Св. Писанія. У Маймонида они были слѣдствіемъ искренняго его убѣжденія, что наука и Св. Писаніе не могутъ противорѣчить другъ другу. Но въ XVII вѣкѣ наивная непосредственность эпохи Маймонида исчезла безвозвратно. Въ «Теологико-Политическомъ трактатѣ» Спиноза будетъ прибѣгать къ сходнымъ пріемамъ, но они будутъ у него носить характеръ ѣдкой ироніи. И пріемы эти у теологовъ будутъ вызывать ожесточеніе и ненависть, которыя были бы можетъ быть менѣе сильны, еслибы Спиноза выступилъ съ простымъ отрицаніемъ.

Кромѣ того пріемы Маймонида, какъ и всѣ попытки сліянія науки съ богословіемъ, вели въ концѣ концовъ къ застою. Метафизическія и научныя представленія извѣстной эпохи, закрѣпляясь, принимали характеръ догматовъ, и критическое отношеніе къ нимъ становилось невозможнымъ. Создавалось привилегированное положеніе для ученій извѣстныхъ научныхъ и метафизическихъ шк
и съ этимъ положеніемъ приходилось считаться борцамъ, п

гавшимъ новые пути для человѣческой мысли. Естественно, что единственныя мыслимыя отношенія были отношенія борьбы, и во время этой борьбы некогда было считаться съ точками духовнаго родства и соприкосновенія.

Изъ противниковъ Маймонида и аристотелевской философіи Спиноза былъ знакомъ съ произведеніями Крескаса (XIV в.). Въ богатой литературѣ о «предшественникахъ Спинозы» вопросъ о вліяніи на него ученія Крескаса играетъ важную роль, но мы за недостаткомъ мѣста не можемъ его касаться. Укажемъ только, что философія Крескаса носитъ яркую детерминистскую окраску, и что мистическій языкъ основныхъ ея положеній сильно напоминаетъ смущающія современнаго читателя теоремы послѣдней части «Этики».

Несравненно симпатичнѣе, чѣмъ Маймонидъ, былъ Спинозѣ другой комментаторъ Св. Писанія, Ибнъ-Эзра, старшій современникъ Маймонида. Безпокойная натура, проведшая въ скитаніяхъ почти всю вторую половину своей жизни, поэтъ, математикъ, астрономъ и филологъ, Ибнъ-Эзра соединялъ съ рѣдкимъ критическимъ талантомъ и смѣлостью мысли громадную и разностороннюю эрудицію, необходимую для экзегета. Опасаясь обвиненія въ ереси, Ибнъ-Эзра высказывалъ свои взгляды туманными намеками. Спиноза относился къ нему всегда съ большимъ уваженіемъ, и въ его рукахъ туманные намеки Ибнъ-Эзры превратились въ безпощадную критику преданія.

Кромѣ этихъ вліяній, носившихъ уже въ себѣ зародыши борьбы съ унаслѣдованной традиціей, Спинозу въ школьные годы окружали другія еще вліянія, дѣйствовавшія въ томъ же смыслѣ. Подобно тому какъ въ христіанской средневѣковой философіи рядомъ со схоластикой существовала мистика, такъ философіи Маймонида и его продолжателей приходилось бороться съ каббалой. Происхожденіе каббалы съ точностью не выяснено; повидимому она выросла на той же почвѣ, что и новоплатонизмъ, возникшій на востокѣ,— какъ кажется, подъ вліяніемъ ученія Зороастра. Впослѣдствіи ново-платоновскіе элементы привходили въ каббалу неоднократно. Распространяясь медленно и осторожно, ученіе каббалы сдѣлалось общедоступнымъ, благодаря изданію книги «Зогаръ» только въ XIV вѣкѣ, увлекло въ свое время гуманистовъ Рейхлана и Пико-де-Мирандолу и достигло высшей степени вліянія въ еврейскомъ мірѣ въ XVII вѣкѣ; какъ мы видѣли, учителя Спинозы были мистики и каббалисты. Каббала являлась протестующимъ элементомъ [т]огдашнемъ еврействѣ, противопоставляя авторитету раввин[скаго] ученія свой авторитетъ таинственнаго и древняго преданія,

и если она мирно уживалась съ неуклоннымъ слѣдованіемъ буквѣ закона и раціоналистической философіей Маймонида въ головахъ учителей Спинозы, то происходило это благодаря силѣ рутины и изумительной способности заурядныхъ людей спокойно носить въ своей душѣ рядъ вопіющихъ противорѣчій. Заключая въ себѣ развитую съ чрезмѣрной обстоятельностью демонологію, каббала въ то же время въ ученіи о божествѣ, какъ и весь позднѣйшій іудаизмъ, совершенно свободна отъ антропоморфическихъ элементовъ и достигаетъ значительной философской глубины. Богъ, по ученію каббалы, настолько выше всего сущаго, даже бытія и мышленія, что ему нельзя приписывать дѣйствій, мышленія, желаній, намѣреній. Единственное его свойство—безграничность или безконечность (En-Sof). Въ этой своей необъятной всеобщности божество непознаваемо и слѣдовательно какъ бы не существуетъ, такъ какъ то, чтó не можетъ быть познано мыслящимъ духомъ, для него не существуетъ. Въ этомъ смыслѣ En-Sof совпадаетъ съ Ничто (Ajin). Въ ученіи о происхожденіи міра каббала близка къ пантеизму: міръ она считаетъ истеченіемъ (эманаціей) божества, возникшимъ вслѣдствіе того, что божество, чтобы сдѣлать себя познаваемымъ, должно было начать творить. Отношенія Бога къ міру она сравниваетъ, — переходя здѣсь уже въ полный пантеизмъ,—съ отношеніями платья къ складкамъ платья. Все въ мірѣ она признаетъ одушевленнымъ, даже камень. Позднѣйшіе приверженцы каббалы, суевѣрные и часто душевнобольные, страдавшіе галлюцинаціями и переживавшіе моменты религіознаго экстаза, наполнили каббалу измышленіями своей разстроенной фантазіи, вызвавшими презрительно-насмѣшливый отзывъ со стороны Спинозы въ «Т.-Пол. трактатѣ». Какъ мы говорили уже выше, каббала достигла высшей степени вліянія въ еврейскомъ мірѣ въ 17-мъ столѣтіи, и окружавшая Спинозу втеченіи его дѣтства и юности умственная атмосфера была насыщена идеями, пущенными въ обращеніе каббалой, въ той же, если не въ большей мѣрѣ, чѣмъ идеями средневѣковой еврейской схоластики.

Признавая всю важность этихъ вліяній, окружавшихъ Спинозу до двадцатаго почти года его жизни, дѣйствовавшихъ на не-сформировавшійся еще мозгъ, мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе той роли, которую они играли въ образованіи міровоззрѣнія мыслителя. Отмѣтимъ только двѣ черты этого міровоззрѣнія, бросающіяся въ глаза уже при грубомъ анализѣ и стоящія въ н-сомнѣнной связи съ впечатлѣніями его молодыхъ лѣтъ.

Во-первыхъ, «царь атеистовъ», какъ по недоразумѣнію любили называть Спинозу, оставался втеченіи всей своей жизни глубоко-религіознымъ человѣкомъ; онъ искренно возмущается, когда его называютъ атеистомъ; отводя «Богу» такое выдающееся мѣсто въ своей философской системѣ, онъ не руководится побочными соображеніями. Религіозный элементъ подвергся у Спинозы втеченіи его жизни коренной метаморфозѣ, въ «Этикѣ» онъ превращается въ глубоко субъективное, нѣсколько мистическое чувство, имѣющее объектомъ міровой порядокъ. Но метаморфоза эта совершалась постепенно, и вѣроятно самъ Спиноза не сознавалъ глубокаго различія между Богомъ окружавшей его среды и Богомъ—«природой» *Этики*.

Во-вторыхъ, идея Бога даже въ самомъ раннемъ произведеніи Спинозы — юношескомъ его трактатѣ, написанномъ, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи еще до двадцати-четырехлѣтняго возраста,—свободна отъ антропоморфическихъ элементовъ. Изъ переписки Спинозы съ Ольденбургомъ за послѣдніе годы его жизни видно, какъ трудно было Спинозѣ даже освоиться съ возраженіями, выставлявшимися противъ его міросозерцанія другой стороной. Ему легко далась свобода отъ извѣстныхъ представленій, которая могла быть достигнута другими только послѣ тяжелой внутренней борьбы или какъ результатъ предстоящаго еще впереди долгаго культурнаго процесса.

Мы не беремся рѣшить поставленный Поллокомъ вопросъ, не имѣли ли бы мы въ лицѣ Спинозы великаго мистика, еслибы на него не подѣйствовали впослѣдствіи другія вліянія. Во всякомъ случаѣ критическая мысль пробудилась у Спинозы рано, рано у него возникли религіозныя сомнѣнія. Говорятъ, ему было 15 лѣтъ, когда онъ обратился за разъясненіемъ ихъ къ своему учителю, Саулу Мортейрѣ, и поставилъ втупикъ стараго раввина. Какъ бы то ни было, его дарованія, нравственная чистота и серьезность его натуры рано обратили на него общее вниманіе. Въ немъ видѣли будущаго великаго учителя, «надежду Израиля», считали его будущимъ «великимъ столпомъ синагоги».

Вскорѣ къ описаннымъ въ настоящей главѣ вліяніямъ присоединились другія, шедшія изъ иной среды.

III. Новыя вліянія.

Знакомство съ латинскимъ языкомъ.—Ванъ-денъ-Энде.—Романъ, дѣйствительный или вымышленный. — Научное движеніе семнадцатаго вѣка.—Декартъ.—Душевный переломъ.

Латинскій языкъ Спиноза началъ изучать вѣроятно еще во время своего ученія въ амстердамской школѣ. Первоначальные уроки онъ бралъ у какого-то нѣмца, для дальнѣйшаго же усовершенствованія обратился къ Франциску ванъ-денъ-Энде, врачу, занимавшемуся преподаваніемъ его въ Амстердамѣ. Въ качествѣ преподавателя, ванъ-денъ-Энде пользовался большой популярностью, и у него брали уроки дѣти почтеннѣйшихъ гражданъ, пока одно чрезвычайное обстоятельство не положило конца его учительской дѣятельности. Вотъ что объ этомъ обстоятельствѣ разсказываетъ біографъ Спинозы, лютеранскій пасторъ Колерусъ, добросовѣстной біографіей котораго намъ часто придется пользоваться:

«Ванъ-денъ-Энде обучалъ своему предмету съ большимъ успѣхомъ и пользовался прекрасной репутаціей, такъ что всѣ богатые купцы города приглашали его давать уроки своимъ дѣтямъ, пока не обнаружилось, что ученики поучались у него не одной латыни, но и нѣкоторымъ другимъ вещамъ, не имѣющимъ съ послѣдней ничего общаго. Ибо оказалось, что онъ забрасывалъ въ умы молодыхъ людей первыя сѣмена атеизма. Это фактъ, который я могъ бы подтвердить свидѣтельствами многихъ почтенныхъ людей, которые и по сіе время еще здравствуютъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимали должность старосты при нашей амстердамской церкви, причемъ исполняли свои обязанности самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Эти добрыя души не перестаютъ благословлять память своихъ родителей за то, что они поспѣшили взять ихъ изъ школы столь опаснаго учителя и успѣли такимъ образомъ во-время вырвать ихъ изъ когтей Сатаны».

Разсказъ этотъ даетъ намъ нѣкоторое представленіе объ учителѣ Спинозы, хотя конечно мы должны внести въ него извѣстныя оговорки. «Атеизмъ», «сатана» и его «когти», какъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться еще неразъ, мерещились тогда богословамъ во всемъ, что не совпадало въ точности съ ихъ воззрѣніями. Часто они даже и не мерещились, а просто были обычнымъ, удобнымъ по тогдашнему времени полемическимъ пріемомъ и въ умѣлыхъ рукахъ съ успѣхомъ исполняли ту же роль, какую въ средніе вѣка исполняло слово «чернокнижникъ», а въ болѣе близкую къ намъ эпоху слова: «матеріалистъ», «нигилистъ» и «соціалистъ». Несомнѣнно одно, что ванъ-денъ-Энде не ограничивался обученіемъ своихъ учениковъ тонкостямъ латинской грамматики. Гуманистъ и врачъ, онъ знакомилъ ихъ съ богатой литературой гуманизма, процвѣтавшаго еще недавно на нидерландской почвѣ, и съ современнымъ научнымъ движеніемъ, однимъ

важнѣйшихъ центровъ котораго были опять-таки Нидерланды. Ванъ-денъ-Энде окончилъ свою жизнь печальнымъ образомъ. Когда амстердамскіе богословы забили тревогу по поводу гибельнаго вліянія его на молодежь, ванъ-денъ-Энде лишился всякихъ средствъ къ существованію. Въ 1671 году онъ переѣхалъ въ Парижъ и занимался здѣсь медицинской практикой. Во время войны Людовика XIV съ Нидерландами онъ принялъ участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью передать послѣднимъ Нормандію. Заговоръ этотъ, во главѣ котораго стояли кавалеръ Роганъ и Ла-Треомонъ, былъ открытъ, и ванъ-денъ-Энде, принявшій въ немъ участіе изъ патріотическаго желанія помочь родинѣ въ годину тяжелаго бѣдствія, окончилъ въ 1674 году жизнь на висѣлицѣ.

Ко времени занятій съ ванъ-денъ-Энде относится единственный романъ Спинозы, о которомъ повѣствуютъ его біографы.

«Ванъ-денъ-Энде,—разсказываетъ Колерусъ, имѣлъ единственную дочь, которая въ такомъ совершенствѣ владѣла латинскимъ языкомъ и музыкой, что могла въ отсутствіи отца обучать его учениковъ. Спинозѣ приходилось часто видѣться и говорить съ нею—и онъ полюбилъ ее. Онъ часто признавался, что имѣлъ намѣреніе жениться на ней. Она не отличалась особенной красотой или стройностью стана, но выдавалась своимъ умомъ, способностями и оживленностью въ разговорѣ. Эти то качества тронули сердце Спинозы, а также другого ученика ванъ-денъ Энде, гамбургскаго уроженца, Керкеринга. Послѣдній скоро замѣтилъ, что у него есть соперникъ и, приревновавъ къ нему, удвоилъ свою предупредительность и любезности по отношенію къ любимой дѣвушкѣ. Ухаживаніе его имѣло успѣхъ, хотя жемчужное ожерелье, цѣною въ 200—300 пистолей, которое онъ еще ранѣе ей поднесъ, безъ сомнѣнія значительно содѣйствовало пріобрѣтенію ея благоволенія. Такимъ образомъ она склонилась на его сторону и обѣщала ему выйти за него замужъ, что и было ею исполнено послѣ того, какъ Керкерингъ покинулъ исповѣдуемую имъ лютеранскую религію и перешелъ въ католичество».

По поводу этого романа біографами Спинозы написано много пламенныхъ страницъ, самъ же Спиноза—если въ основѣ разсказа Колеруса лежитъ дѣйствительный историческій фактъ—оставилъ намъ одну только замѣтку, которая съ нѣкоторой натяжкой можетъ быть отнесена къ воспоминанію объ этомъ эпизодѣ его жизни. Вотъ эта замѣтка, помѣщенная въ «Этикѣ»:

«Тѣ, которые были дурно приняты своей любовницей, думаютъ только о непостоянствѣ женщинъ, ихъ лживой душѣ и другихъ прославленныхъ ихъ порокахъ; но все это они тотчасъ же предаютъ забвенію, какъ только снова будутъ благосклонно приняты ею. Поэтому тотъ, кто старается умѣрить свои аффекты и влеченія, долженъ—насколько это возможно—стараться познавать добродѣтели и ихъ причины и наполнять свой духъ радостью, возникающею изъ ихъ познанія; всего же менѣе обращать вниманіе на людскіе пороки, унижать

людей и обольщаться ложнымъ призракомъ свободы. Кто тщательно наблюдалъ это (ибо это вовсе не трудно) и будетъ упражняться въ этомъ, тотъ въ короткое время будетъ въ состояніи направлять большинство своихъ дѣйствій по предписанію разума».

Повидимому однакоже весь этотъ романъ вымышленъ. Ванъ-Влотенъ разыскалъ брачное свидѣтельство Клары-Маріи ванъ-денъ-Энде и Керкеринга, изъ котораго видно, что бракъ между ними заключенъ былъ въ 1671 году, и что жениху тогда было 32 года, а невѣстѣ—27 лѣтъ. Такимъ образомъ въ годъ отлученія Спинозы отъ синагоги, когда ему пришлось оставить Амстердамъ (1656), Кларѣ-Маріи было всего 12 лѣтъ. Спинозѣ было тогда 24 года, и допустить съ его стороны увлеченіе маленькой дѣвочкой можно только, по примѣру Поллока, путемъ рискованной аналогіи съ фантастической любовью Данте къ Беатриче. «Лучезарной госпожѣ души» поэта было, какъ извѣстно, девять лѣтъ (самому Данте—10), когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ и почувствовалъ: «Вотъ богъ, который придетъ и овладѣетъ мною»... Самъ Поллокъ признаетъ впрочемъ свою аналогію рискованной, и входить въ ея обсужденіе мы не будемъ. Куно-Фишеръ старается спасти достовѣрность разсказа предположеніемъ, что любовь Спинозы къ дочери ванъ-денъ-Энде относится къ 1663 году, когда онъ неоднократно пріѣзжалъ въ Амстердамъ ради изданія своего перваго сочиненія. Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что Спиноза въ свои пріѣзды оставался въ Амстердамѣ только короткое время, и что разсказъ Колеруса о данномъ эпизодѣ почерпнутъ, по собственному его заявленію, изъ источниковъ вообще мало достовѣрныхъ: словаря Бэйля и полемическаго сочиненія Кортгольта. Въ перепискѣ Спинозы имя ванъ-денъ-Энде не упоминается ни разу.

Какъ бы то ни было, если даже Спиноза дѣйствительно когда нибудь и любилъ, романъ его, какъ замѣчаетъ Куно-Фишеръ, «былъ мимолетной мечтой, за которой навсегда послѣдовалъ отказъ отъ счастья. Это отреченіе не представляло для Спинозы чего-либо тяжелаго; оно соотвѣтствуетъ его привычному, основному душевному настроенію. Спиноза никогда не зналъ бурныхъ страстей, страсти никогда не оказывали на него подавляющаго вліянія. Ошибочно было бы смотрѣть на его романъ съ сентиментальной, меланхолической точки зрѣнія. Умъ его слишкомъ ясенъ и свѣтелъ для того, чтобы обольщаться чувствомъ счастья и впадать въ угнетенное настроеніе подъ вліяніемъ грустныхъ ощущеній. Въ герои романа Спиноза не годится. Тѣ, которые превращаютъ біографію Спинозы въ слащавую любовную драму, забываютъ объ его умѣ, обнаруживаютъ непониманіе силы его характера».

Занятія съ ванъ-денъ-Энде имѣли громадное вліяніе на дальнѣйшую жизнь Спинозы. Если Куно-Фишеръ, высоко, по-свое

цѣнящій Спинозу, увѣряетъ насъ, что Спиноза овладѣлъ латинскимъ языкомъ въ совершенствѣ, то это —увлеченіе, доказывающее, какъ горячо біографъ любитъ своего героя, какъ горячо желаетъ онъ надѣлить его особенно цѣнимыми имъ добродѣтелями. Латинскій языкъ произведеній Спинозы дѣйствительно прозраченъ и ясенъ, какъ его мысль, но пуристомъ слога онъ вѣроятно не былъ, такъ какъ передъ печатаніемъ отдавалъ свои рукописи для исправленія другу своему, Л. Мейеру. Объ этомъ Спиноза откровенно разсказываетъ самъ въ письмѣ къ Ольденбургу и въ томъ же письмѣ съ необычною въ немъ горячностью отстаиваетъ свои химическія воззрѣнія противъ критики Бойля. Химія никогда не была предметомъ спеціальныхъ занятій Спинозы; полемика по химическому вопросу возникла случайно. Откуда же такая горячность въ отстаиваніи химическихъ взглядовъ и такое равнодушное сознаніе въ своемъ филологическомъ невѣжествѣ? Неужели же Спиноза, въ противоположность Куно-Фишеру и другимъ современнымъ философамъ, признавалъ болѣе необходимымъ для занятій философіей точное знаніе химіи, чѣмъ знаніе латинскаго языка?! Да, Спиноза признавалъ знаніе химіи болѣе необходимымъ,—и тутъ же отмѣтимъ, что не совершенное знаніе латинскаго языка было крупнымъ результатомъ его знакомства съ ванъ-денъ-Энде; знаніе это было полезно, такъ какъ латинскій языкъ былъ тогда международнымъ научнымъ языкомъ. Но знакомство съ ванъ-денъ-Энде имѣло для Спинозы несравненно болѣе важныя послѣдствія. Свободомыслящій врачъ заронилъ и въ его душу «сѣмена атеизма» или, выражаясь не специфическимъ языкомъ богослововъ, обратилъ вниманіе юноши на совершавшееся въ это время замѣчательное научное движеніе.

Для сколько-нибудь правильнаго пониманія явленій XVII вѣка необходимо не забывать, что это—вѣкъ глубокой политической и религіозной реакціи. Реакція торжествуетъ здѣсь на всѣхъ флангахъ, ограничиваетъ и урѣзываетъ пріобрѣтенія реформаціонной эпохи. Папство, которому энтузіасты XVI вѣка предсказывали близкую гибель, оправляется отъ нанесенныхъ ему ударовъ и расширяетъ предѣлы своего вліянія. Во Франціи воцаряется нетерпимый абсолютизмъ Людовика XIV. Весь югъ Европы, въ томъ числѣ южная Германія, надолго представляется изъятымъ изъ всякаго прогрессивнаго движенія. Даже въ тѣхъ теченіяхъ, которыя достались XVII вѣку въ наслѣдство отъ его предшественника,—въ теченіяхъ, возникшихъ въ силу стремленія къ осво-

божденію отъ авторитета,—реакціонные элементы получаютъ рѣшительный перевѣсъ. Протестантская церковь принимаетъ тотъ же нетерпимый характеръ, какимъ отличалось католичество, ограничивается замѣною авторитета папы авторитетомъ Лютера и «Гейдельбергскаго катехизиса» и преслѣдуетъ ересь и всякіе проблески свободомыслія въ своей средѣ едва ли не съ бо̀льшимъ фанатизмомъ, чѣмъ тотъ, какой проявляло папство по отношенію къ гуманистамъ и первымъ провозвѣстникамъ реформаціи. Какъ это часто бываетъ послѣ энергическихъ, почти стихійныхъ усилій общества сбросить съ себя сковывающія его оболочки, теперь обществомъ овладѣваетъ такой же стихійный, инстинктивный страхъ, что вмѣстѣ съ неудобными оболочками разрушатся узы, соединяющія людей въ общественный союзъ. Въ сферѣ сознательной общественной дѣятельности это выражается сплоченіемъ реакціонныхъ элементовъ, такъ называемыхъ партій порядка противъ крайнихъ элементовъ. Завязываются даже переговоры о возсоединеніи протестантской и католической церквей.

Слово «крайній элементъ» понимается въ этомъ вѣкѣ въ необычайно-широкомъ смыслѣ: даже набожный, глубоко-религіозный Ньютонъ попадаетъ въ разрядъ «атеистовъ». Дѣйствительно крайнихъ элементовъ поразительно мало. Торжествующая реакція накладываетъ особый отпечатокъ на передовыхъ дѣятелей эпохи. На континентѣ мы не встрѣчаемъ цѣльныхъ героическихъ натуръ вродѣ Ульриха фонъ-Гуттена, Джіордано Бруно. Преобладаютъ люди компромисса, робость и осторожность которыхъ часто не внушаетъ къ нимъ уваженія, «pusillanimi simul et audaces», — какъ выражался Бэконъ, говоря объ Аристотелѣ,—смѣлые въ области теоретической, чисто-научной мысли и малодушные во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ окружающимъ свѣтомъ. Галилей шопотомъ произносилъ свое «E pur si muove!»; «господинъ Декартъ,—какъ замѣчаетъ Боссюэтъ,—постоянно боится быть замѣченнымъ церковью и принимаетъ для этого предосторожности, доходящія до крайности», передѣлываетъ свои рукописи, когда до него доходитъ извѣстіе объ осужденіи Галилея и посвящаетъ свои «Meditationes» Сорбоннѣ. Реакція въ сознаніи своего торжества несравненно послѣдовательнѣе: она требуетъ дѣла, а не словъ, заноситъ въ «Index» посвященное папѣ Павлу III сочиненіе Коперника, а Сорбонна и протестантскій дортрехтскій соборъ объявляютъ еретическими сочиненія Декарта.

Итакъ, реакція торжествуетъ, и притомъ не только во в… имущихъ сферахъ, но—что того горше—чувство усталос…

реакціонное настроеніе овладѣваютъ и обществомъ. И однакоже ошибочно было бы считать этотъ періодъ моментомъ остановки въ теченіи историческаго процесса. Съ одной стороны въ глубинѣ продолжается процессъ перегруппировки общественныхъ силъ, съ другой—именно въ 17-мъ вѣкѣ совершается одинъ изъ величайшихъ переворотовъ въ исторіи человѣческой мысли: установка на прочныхъ основахъ научнаго, свѣтскаго міросозерцанія, которымъ въ главныхъ его чертахъ мы живемъ до сихъ поръ

Въ началѣ XVII вѣка ученіе Коперника—гипотеза, превосходящая ученіе Птолемея простотой, но не доказанная и притомъ противорѣчащая повседневному житейскому опыту. Къ концу XVII вѣка оно, несмотря на «Index»,—общепризнанная истина: оно подведено подъ общій принципъ, изъ котораго выведены слѣдствія математическимъ путемъ, и теоретическія вычисленія подтверждаются наблюденіемъ. Для того, чтобы это стало возможно, астрономія, механика, математика и физика должны были сдѣлать громадный шагъ впередъ. И дѣйствительно, важныя открытія слѣдуютъ во всѣхъ этихъ областяхъ одно за другимъ съ поразительной быстротой. Нѣкоторую аналогію по умственной энергіи съ этой эпохой представляетъ только періодъ, предшествовавшій обнародованію дарвиновскаго ученія и непосредственно за нимъ слѣдовавшій. Открытія здѣсь такъ многочисленны, что мы принуждены ограничиться однимъ перечисленіемъ, и притомъ важнѣйшихъ только, имѣющихъ посредственно или непосредственно философскій интересъ.

Около 1609 года Галилей строитъ себѣ телескопъ и уже въ 1609 году можетъ сообщить о рядѣ важныхъ открытій. Луна оказалась совсѣмъ не такой, какой описалъ ее Аристотель. Поверхность ея неровна и неправильна, телескопъ обнаружилъ на ной возвышенности, горы. Открыта система спутниковъ Юпитера, аналогичная системѣ Коперника. Доказано существованіе фазъ у Венеры, что неизбѣжно вытекало изъ ученія Коперника. Спустя нѣкоторое время открыты спутники и у Сатурна. Въ 1619 году Кеплеръ устанавливаетъ третій законъ движенія планетъ, позволяющій судить о характерѣ центральной силы, дѣйствующей въ солнечной системѣ, въ 1622 г.—первый и второй законы, опредѣляющіе пути движенія планетъ. Механика дѣлаетъ громадный шагъ впередъ съ установкой законовъ движенія (Галилей—1639, Декартъ—1644). Законы толчка тѣлъ, неправильно установленные Декартомъ, исправляются Гюйгенсомъ въ 1669 году; Гюйгенсъ-же устанавливаетъ законы качанія маятника. Создаются

новыя науки—аналитическая геометрія (Декартомъ), дифференціальное исчисленіе (Ньютономъ и Лейбницемъ), и предчувствіе новыхъ великихъ открытій настолько сильно, такъ велика увѣренность въ неизбѣжномъ близкомъ рожденіи великой теоріи, что лондонское королевское общество настойчиво проситъ Ньютона зарегистровать свои неопубликованныя изслѣдованія во избѣжаніе споровъ о первенствѣ. Въ 1687 году выходятъ наконецъ въ свѣтъ безсмертныя «Philosophiae naturalis principia mathematica» Ньютона, завершающія собой этотъ блестящій періодъ въ исторіи человѣческой мысли. Въ то-же время создаются гидравлика и гидродинамика (Галилеемъ, Кастелли, Торричелли, Паскалемъ); простой опытъ Торричелли сразу вычеркиваетъ изъ науки ученіе Аристотеля о томъ, что природа боится пустоты, со всѣми комментаріями, написанными по этому поводу «бумажными философами»; въ 1622 году Азелли описываетъ лимфатическую систему; въ 1628 году Гарвей издаетъ свое, составляющее эпоху въ исторіи физіологіи, изслѣдованіе о кровеобращеніи.

Въ основѣ всѣхъ этихъ открытій лежитъ одинъ общій принципъ. Онъ является исходной точкой всѣхъ изслѣдованій, часто безсознательной; къ нему неизбѣжно приводятъ всѣ открытія, какъ къ конечному обобщенію. Принципъ этотъ, говоря словами наиболѣе полнаго и яркаго выразителя научнаго духа XVII вѣка въ философіи, Спинозы, состоитъ въ слѣдующемъ: «*природа всюду одна и та-же; законы и правила природы, по которымъ все происходитъ и измѣняется изъ однѣхъ формъ въ другія, вездѣ и всегда одни и тѣ-же, а слѣдовательно и способъ познанія природы вещей, каковы-бы онѣ ни были, долженъ быть одинъ и тотъ-же*»; тѣ-же законы, которые мы открываемъ въ движеніи падающихъ тѣлъ, управляютъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ; одна изъ важнѣйшихъ функцій животнаго организма цѣликомъ сводится на механическіе законы: насоса и движенія жидкости по развѣтвляющимся трубкамъ.

Примѣненіе этого принципа не ограничивается одной областью математики и естественныхъ наукъ. Открытія, совершающіяся въ области послѣднихъ, имѣютъ такую очевидную важность, успѣхи, дѣлаемые ими, такъ громадны, что всѣ лучшіе люди эпохи, люди со сколько-нибудь развитыми умственными запросами, обращаются къ изученію ихъ и часто сами становятся работниками и дѣятелями въ области точныхъ наукъ. Обращаясь впослѣдствіи къ тѣмъ спеціальнымъ областямъ, къ которымъ влекутъ ихъ естестве[нныя] склонности, они вносятъ въ нихъ научный методъ и при

мысли, выработанныя на точныхъ наукахъ. Возникаетъ извѣстная требовательность по отношенію къ доказательствамъ, антипатія къ «бумажной философіи», подносящей вмѣсто опытовъ и наблюденій пережеванныя до тошноты мысли прежнихъ мыслителей, является сознаніе, что простой опытъ несравненно важнѣе авторитета величайшаго мыслителя, и что поэтому слѣдуетъ мыслить самому и не подчиняться авторитету. Философія, выростающая на этой почвѣ, проникнута научнымъ методомъ и научными принципами: она избѣгаетъ «разсудочныхъ понятій», старается имѣть дѣло съ реальностями, выясняетъ закономѣрныя соотношенія между явленіями въ спеціально изучаемыхъ ею областяхъ, главнымъ образомъ въ области психологіи и этики, и стремится свести ихъ на простѣйшіе законы, лежащіе въ основѣ всѣхъ явленій природы—механическіе. Близость философіи къ наукѣ въ эту эпоху доходитъ до полнаго почти ихъ слиянія. Вожди философской мысли этой эпохи, Декартъ, Гассенди, Гоббсъ, Спиноза, живутъ одними интересами съ наукой, радуются ея радостями, болѣютъ ея разочарованіями. Когда выходитъ въ свѣтъ безсмертное изслѣдованіе Гарвея, встрѣтившее со стороны схоластиковъ XVII вѣка такую-же оппозицію, какую со стороны современныхъ схоластиковъ встрѣтило ученіе Дарвина, Декартъ съ восторгомъ привѣтствуетъ новую теорію. Онъ выясняетъ ея философское значеніе, переходитъ къ приложенію механическихъ принциповъ къ нервнымъ актамъ, излагаетъ свою теорію животнаго автомата, до нѣкоторой степени напоминающую вызвавшіе столько брани со стороны современныхъ схоластиковъ «рефлексы головного мозга», и съ характеризующей его страстностью заявляетъ, что дальнѣйшую свою дѣятельность онъ посвятитъ научному обоснованію медицины. Этой близостью къ наукѣ, этимъ господствомъ механическихъ принциповъ, а не тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ вопроса о количествѣ субстанцій, даже не знаменитымъ «мыслю, слѣдовательно существую» характеризуется новая философія. Она развиваетъ міросозерцаніе научное, а такимъ міровоззрѣніемъ въ XVII вѣкѣ могло быть только—механическое. И если у Декарта послѣдовательное проведеніе научныхъ принциповъ наталкивается на препятствія: на личную робость и осторожность мыслителя, на предразсудки, раздѣляемые имъ съ обществомъ его эпохи (мы не можемъ строго относиться къ этимъ чертамъ: только онѣ могли обезпечить за философіей Декарта громадное вліяніе въ эту реакціонную эпоху, старательно избѣгавшую касаться ...чкихъ острыхъ вопросовъ),—то у слѣдующаго за нимъ пред...вителя философской мысли, Спинозы, они проведены съ цѣль-

ностью и полнотою, приближающими его ученіе къ нашему современному научному міросозерцанію.

Изъ научной литературы XVII вѣка наибольшее вліяніе оказали на Спинозу произведенія Декарта. Самъ Спиноза впослѣдствіи съ благодарностью вспоминалъ объ этомъ вліяніи и, по словамъ Колеруса, часто высказывалъ, что «всѣми своими свѣдѣніями по философіи онъ обязанъ Декарту. Особенно пришлось ему по душѣ, прибавляетъ Колерусъ, правило этого философа, гласящее, что ничто не должно быть признаваемо истиннымъ, пока не будетъ доказано на основаніи вѣскихъ и прочныхъ аргументовъ». У французскаго мыслителя и у Спинозы было много родственнаго: у обоихъ былъ «тонкій математическій умъ»—какъ характеризуетъ Спинозу въ одномъ письмѣ Ольденбургъ, у обоихъ поразительной силы достигала способность къ широкому обобщенію, къ отвлеченному мышленію. Не слѣдуетъ однако-же преувеличивать этого вліянія. Такія преувеличенія вполнѣ естественны въ метафизической исторіи философіи и съ неизбѣжностью вытекаютъ изъ основной ея точки зрѣнія. Съ точки зрѣнія метафизическихъ историковъ философіи, философія представляетъ самостоятельную, обособленную область мышленія, не имѣющую ничего общаго съ наукой ни по методу, ни по задачамъ. Исторія философіи представляется въ видѣ цѣпи философскихъ системъ, съ логической необходимостью развивающихся одна изъ другой, на подобіе того какъ историческія событія, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, развиваются изъ дипломатическихъ нотъ. Система Спинозы съ этой точки зрѣнія съ неизбѣжностью вытекаетъ изъ системы Декарта, система Лейбница—изъ системы Декарта и Спинозы, Канта—изъ системы Лейбница и Юма и т. д. до безконечности. Въ дѣйствительности такой обособленности философіи не существуетъ; успѣхи философіи стоятъ въ тѣсной связи съ общественными, религіозными и политическими условіями своего времени и главнымъ образомъ зависятъ отъ успѣховъ науки. Когда наступаетъ такая обособленность, когда философія отрѣшается отъ общественныхъ условій своего времени и отъ материнской своей почвы—науки, то она вырождается въ схоластику конца среднихъ вѣковъ и современную, пережевывающую Канта и Гегеля, сочетающую ихъ на разные лады съ Гартманомъ и Шопенгауэромъ и не вносящую ничего оригинальнаго въ сокровищницу человѣческой мысли.

Вліяніе Декарта на Спинозу сводится къ тому-же, къ ч[illegible] сводится вліяніе Декарта на развитіе философской мысли вос[illegible]

«Отецъ новой философіи» не далъ сколько-нибудь удовлетворительнаго рѣшенія важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ. Сочиненія его читались очень мало уже вскорѣ послѣ его смерти. а въ настоящее время—за исключеніемъ занимательнаго въ автобіографическомъ отношеніи «Разсужденія о методѣ»—не читаются никѣмъ. Сила Декарта, значеніе его въ исторіи философіи опредѣляются не данными имъ отвѣтами и рѣшеніями. Онъ далъ могущественный толчокъ философской мысли, вызвалъ небывалое въ исторіи философіи броженіе тѣмъ, что ясно поставилъ вопросы и указалъ на необходимость приложенія въ философіи общаго научнаго метода. Правда, въ ту эпоху, когда Спиноза впервые познакомился съ произведеніями французскаго мыслителя, Голландія кишѣла «тупоумными картезіанцами» (какъ называлъ ихъ Спиноза), повторявшими слова учителя и не выходившими изъ круга его идей. Но Спиноза никогда не принадлежалъ къ ихъ числу. Мы (да не только мы. этого не могутъ сдѣлать и метафизическіе историки философіи) не въ состояніи указать періода. когда-бы онъ раздѣлялъ важнѣйшія положенія Декарта. Уже въ юношескомъ произведеніи Спинозы—недавно найденномъ «Трактатѣ о Богѣ, человѣкѣ и его блаженствѣ»—мы находимъ всѣ основныя черты его философскаго ученія въ томъ-же почти видѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ въ самомъ зрѣломъ его произведеніи «Этикѣ»,—ученія настолько оригинальнаго, что даже метафизическіе историки философіи принуждены назвать его «изолированной системой».

Болѣе сильнымъ было вліяніе Декарта на Спинозу въ области математики, механики и физики, въ которыхъ вообще его дѣятельность оставила болѣе прочные слѣды. Но и здѣсь о полномъ единомысліи не можетъ быть и рѣчи. Спиноза впослѣдствіи мечталъ написать большой физическій трудъ; этотъ планъ остался неосуществленнымъ, и мы въ точности не знаемъ, въ чемъ онъ расходился съ декартовой физикой. Разногласіе повидимому было существенное. Если въ перепискѣ съ Ольденбургомъ онъ говоритъ только о своемъ несогласіи съ однимъ изъ законовъ движенія Декарта (шестымъ), то впослѣдствіи въ письмѣ къ Чирнгаусу онъ называетъ «естественно-научные принципы Декарта совершенно безполезными, чтобы не сказать абсурдными». Любопытно, что этотъ рѣзкій приговоръ Спиноза высказываетъ по поводу вопроса о связи между протяженіемъ и движеніемъ, который сталъ впослѣдствіи центромъ борьбы противъ картезіанской физики.—Физіологическіе взгляды Спинозы въ тѣхъ немногихъ случаяхъ. когда онъ ихъ высказываетъ, свободны отъ грубыхъ заблужденій, въ

которыя часто впадаетъ Декартъ, и поражаютъ своей точностью. Въ области психологіи Спиноза раздѣляетъ еще въ упомянутомъ юношескомъ трактатѣ нѣкоторыя воззрѣнія Декарта, но основная его точка зрѣнія на взаимныя отношенія между духомъ и тѣломъ (что душа и тѣло — одно и то же, представляютъ двѣ стороны одной и той-же реальности) выражена уже здѣсь ясно и опредѣленно. Отъ остатковъ декартовой психологіи Спиноза отрѣшился скоро, въ «Этикѣ» онъ уже рѣзко расходится съ Декартомъ и во многомъ предвосхищаетъ положенія современной психологіи.

Изъ другихъ мыслителей XVII вѣка Спиноза былъ знакомъ съ Бэкономъ и Гоббсомъ. Бэконъ, отрицавшій за математикой всякое значеніе для естественныхъ наукъ и съ диллетантскою поверхностностью трактовавшій объ естественно-научныхъ вопросахъ, былъ ему несимпатиченъ; вліяніе Гоббса сказалось на политическихъ теоріяхъ Спинозы. Въ общемъ однако-же Спиноза читалъ очень мало. Одинъ изъ современныхъ историковъ философіи, измѣряющій величіе философовъ количествомъ прочитанныхъ ими книжекъ и возбужденныхъ послѣдними идей, справедливо поэтому ставитъ Лейбница на «недосягаемую высоту». «Все-то вѣдь онъ зналъ!» восклицаетъ восхищенный историкъ; «онъ былъ юристъ, историкъ, дипломатъ, математикъ, физикъ, философъ, теологъ и филологъ», и съ комическимъ нѣсколько изумленіемъ прибавляетъ, что Лейбницъ «вычитывалъ изъ книгъ больше, чѣмъ въ нихъ было написано» (Фалькенбергъ). Въ сравненіи съ этой подавляющей ученостью, эрудиція Спинозы—мы должны съ грустью сознаться—была ничтожна; его цитаты—преимущественно изъ Овидія и Квинта-Курція — могутъ вызвать только улыбку состраданія въ читателѣ... Подобно Декарту, Спиноза не стремился къ книжной учености. Со свойственнымъ всѣмъ реформаторамъ отвращеніемъ къ прошлому, они оба не только не находили въ этомъ прошломъ ничего привлекательнаго, но старались освободиться отъ остатковъ его, навязанныхъ имъ воспитаніемъ. Декартъ хотѣлъ-бы «не знать, что до него существовали другіе люди», Спиноза пренебрежительно заявляетъ, что авторитетъ Сократа и Платона для него не существуетъ. Если таково было его отношеніе къ великимъ умамъ древности, то тѣмъ понятнѣе въ немъ полное отсутствіе интереса къ современной ему литературѣ. Схоластика, къ которой Лейбницъ питалъ родственную симпатію, вызывала въ немъ отвращеніе. Новая научная литература была еще бѣдна, и съ наукой Спиноза, подобно Декарту, справедливо предпочиталъ знакомит[ься] не изъ книгъ, а при помощи собственныхъ опытовъ и наблюде[ній].

* *
*

Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ своей жизни Спиноза накопляетъ научныя знанія и повидимому уже творитъ. Но не одна жажда научныхъ знаній мучитъ юношу. Какъ сообщаетъ онъ намъ въ своемъ «Трактатѣ объ исправленіи разума», уже въ раннюю пору его жизни передъ нимъ возникаетъ вопросъ: *«въ чемъ состоитъ истинное благо, гдѣ правда человѣческой жизни?»* Этотъ вопросъ будетъ приковывать вниманіе Спинозы всю его жизнь, придавая ей рѣдкую цѣльность и глубину. Отрицательный отвѣтъ дался Спинозѣ легко: рано пришелъ онъ къ заключенію, что нѣтъ блага ни въ славѣ, ни въ почестяхъ, ни въ чувственныхъ наслажденіяхъ, ни въ богатствѣ. Твердому научному обоснованію положительнаго рѣшенія посвящена вся его непродолжительная трудовая жизнь. Рѣшеніе состояло въ слѣдующемъ: «истинное благо можетъ быть найдено только въ жизни общественной, въ познаніи міроваго порядка и общественнаго процесса, въ сознательномъ и свободномъ сліяніи съ ними разумной личности». Познаніе истины выступаетъ такимъ образомъ на первый планъ; нужно безстрашно смотрѣть въ глаза истинѣ, какова-бы она ни была, п. ч. внѣ истины нравственной правды быть не можетъ.

Если уже раньше у Спинозы возникали религіозныя сомнѣнія, то теперь столкновеніе съ новымъ міромъ знаній заставило его, какъ нѣкогда Декарта, подвергнуть міровоззрѣніе, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, коренному пересмотру. Результаты получились не тѣ, что у французскаго мыслителя. Послѣдняго пересмотръ этотъ привелъ къ паломничеству въ Лорето и къ установкѣ правила, что слѣдуетъ держаться религіи, въ которой воспитанъ; Спинозу онъ привелъ къ отлученію отъ синагоги. Когда Спиноза спустя 15 лѣтъ опубликовалъ результаты этого пересмотра въ «Теологико-Политическомъ трактатѣ», его взгляды вызвали бурю негодованія со стороны протестантскихъ богослововъ. Еще болѣе рѣзкій отпоръ должны были они встрѣтить со стороны евреевъ, среди которыхъ господствовало тогда настроеніе, исключавшее всякую возможность терпимаго отношенія къ отщепенцамъ.

IV. Отлученіе.

Мессіанскія надежды и религіозная экзальтація среди амстердамскихъ евреевъ. — Уріель д'Акоста. — Разрывъ Спинозы съ синагогой. — Попытка подкупа. — Покушеніе на жизнь. — Отлученіе. — Административная высылка изъ Амстердама.

Какъ это ни странно, гоненія, обрушившіяся на еврейскій народъ въ началѣ новыхъ вѣковъ, вызвали въ немъ небывалый

подъемъ духа. Въ моменты благополучія онъ всегда обнаруживалъ рядъ свойствъ, мѣшавшихъ ему прочно и сносно устроить свою судьбу: не умѣлъ подчиняться дисциплинѣ, обнаруживалъ недостатокъ солидарности, всегда распадался на множество партій и фракцій, не стѣснявшихся ради партійной борьбы вступать въ союзъ съ общимъ врагомъ. Только въ минуты національныхъ бѣдствій онъ сплачивался въ единое цѣлое, связанное неразрывными узами богатаго историческаго прошлаго и общихъ страданій. Когда въ 1492 году вѣсть объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи разнеслась по общинамъ Европы, Азіи и Африки, всѣ онѣ были охвачены чуствомъ ужаса и сожалѣнія къ страдальцамъ. Когда въ XVII вѣкѣ возстаніе Малороссіи заставило покинуть родину сотни тысячъ польскихъ евреевъ, ставшихъ, въ силу роковыхъ историческихъ условій, орудіями угнетенія малороссійскаго крестьянства въ рукахъ польской шляхты,—разоренныя до тла тридцатилѣтней войной нѣмецкія общины дѣлились послѣдними крохами съ несчастными бѣглецами. Ни на минуту не ослабѣло у гонимаго народа сознаніе, что онъ—избранный народъ Божій. Напротивъ того, самый размѣръ гоненій и ихъ непрерывность укрѣпляли его въ этой вѣрѣ, убѣждали его, что только избранниковъ своихъ Богъ можетъ карать съ такой исключительной суровостью, какъ караетъ отецъ любимаго сына. Притомъ вѣдь, несмотря на всѣ гоненія, народъ былъ цѣлъ и готовъ былъ съ прежней стойкостью отстаивать вѣру своихъ отцовъ. Но порою у измученнаго народа являлась мысль, что испытаній и гоненій въ его исторіи было уже достаточно; ему казалось, что чаша страданій испита имъ уже до дна. Предсказанія пророковъ относительно преслѣдованій, ожидающихъ народъ израильскій, осуществились вполнѣ. Должна же въ такомъ случаѣ исполниться и вторая часть ихъ предсказаній: долженъ явиться избавитель, который поведетъ народъ Божій въ Сіонъ, возстановитъ царство Давидово «и будетъ судить не по взгляду глазъ своихъ и будетъ обличать не по слуху ушей своихъ. Но будетъ судить бѣдныхъ по правдѣ и рѣшать дѣла смиренныхъ на землѣ по справедливости... И раскуютъ тогда народы свои мечи на сошники и копья свои на серпы, не подниметъ народъ на народъ меча. Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ агнцемъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козлищемъ»...

Мессіанская идея ожила съ новой силой. Прихода Мессіи ожидали въ 1648 году въ виду указаній каббалистической книги «Зогаръ». 1648 годъ прошелъ, не принесши съ собой избавл
но мечты не остыли. До какой степени сильно было увле

можно видѣть изъ того, что одной изъ причинъ, побуждавшихъ Манассе-бенъ-Израэля такъ настойчиво ходатайствовать о допущеніи евреевъ въ Англію, было желаніе его осуществить одно изъ необходимыхъ предварительныхъ условій прихода Мессіи — разселеніе евреевъ по всему земному шару. Побужденій этихъ М.-б-Израэль не хранитъ про себя; онъ излагаетъ ихъ полностью въ качествѣ одного изъ аргументовъ въ петиціи, поданной имъ англійскому парламенту въ 1657 году, и — что всего страннѣе — этотъ аргументъ не показался смѣшнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, горячая вѣра евреевъ передавалась и христіанамъ, и къ описываемой нами эпохѣ относится рядъ сочиненій, написанныхъ христіанами (голландцемъ Генрикомъ Іессе, гугенотомъ Ла-Пейреръ, чешскимъ врачомъ Павломъ Фельгенгауэромъ и др.), въ которыхъ послѣдніе предсказываютъ евреямъ близкій приходъ Мессіи, возвѣщаютъ «грядущую славу израиля» и возстановленіе царства Давидова Напряженное ожиданіе не замедлило сказаться естественными слѣдствіями: во-второй половинѣ XVII вѣка появилось нѣсколько лжемессій, не то обманщиковъ, не то душевно-больныхъ... Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ анализъ этого любопытнаго историческаго факта. Несомнѣнно только, что онъ вполнѣ объяснимъ съ точки зрѣнія массовой психологіи. Напомнимъ, что подобное же увлеченіе мессіанской идеей имѣло мѣсто всего полвѣка тому назадъ у другого народа, тоже съ богатымъ историческимъ прошлымъ, въ трудную минуту національной жизни. Мы говоримъ о «товіанизмѣ,» увлекшемъ польскихъ эмигрантовъ послѣ разгрома возстанія 1830 года, — въ томъ числѣ такую выдающуюся личность, какъ Мицкевичъ.

Вѣсти, приходившія изъ Испаніи и Португаліи, могли только усиливать болѣзненно-экзальтированное настроеніе среди амстердамскихъ евреевъ. Гоненія на пиренейскомъ полуостровѣ продолжались. За двадцать съ небольшимъ лѣтъ (1632 — 1656) отъ рожденія Спинозы до разрыва его съ синагогой сохранились свѣдѣнія объ ауто-да-фе, совершенныхъ надъ марранами въ Мадридѣ, Вальядолидѣ, Лимѣ, Мексико, Куэнкѣ, Гранадѣ, Санъ-Яго-де-Кампостелла, Лиссабонѣ, Кордовѣ. Каждое почти судно, приходившее въ Амстердамъ изъ испанскихъ владѣній, приносило извѣстія о новыхъ преслѣдованіяхъ. И казалось, этому не было конца. Казни мучениковъ вызывали угрызенія совѣсти у болѣе слабыхъ духомъ ихъ единовѣрцевъ, они открыто присоединялись къ іудейству и вызывали тѣмъ новыя гоненія. Стойкость марррановъ, среди пламени провозглашавшихъ слова еврейской молитвы: «Слушай, Израиль, Господь Богъ твой есть богъ единый!», — производила такое впечат-

лѣніе на зрителей, что были случаи перехода въ іудейство природныхъ христіанъ(объ одномъ такомъ случаѣ упоминаетъ Спиноза въ письмѣ своемъ къ Альберту Бургу). Среди сожженныхъ были женщины, въ Мадридѣ сожжена была изувѣрами 12 ти-лѣтняя дѣвочка... Слѣдуетъ имѣть при этомъ въ виду, что амстердамскіе евреи были связаны съ оставшимися въ Испаніи и Португаліи марранами тѣсными родственными узами: у казненныхъ отцы, братья, сестры жили въ Амстердамѣ. Каждое ауто да-фе находило болѣзненный откликъ въ сердцахъ амстердамскихъ евреевъ не только какъ у единовѣрцевъ, но какъ у близкихъ родственниковъ. Въ то же время община быстро росла: каждый корабль привозилъ въ Амстердамъ бѣглецовъ, нерѣдко отказывавшихся отъ почетнаго положенія на родинѣ ради возможности свободно исповѣдывать свою вѣру въ чужой странѣ. Все это фанатизировало массу, вызывало у нея болѣзненный энтузіазмъ по отношенію къ своей вѣрѣ, святость которой подтверждалась въ ея глазахъ, какъ говоритъ Спиноза въ томъ же письмѣ,—«столькими мучениками и все возрастающимъ съ каждымъ днемъ числомъ соплеменниковъ, съ необычайной крѣпостью духа претерпѣвающихъ всякія муки ради исповѣдуемой ими вѣры».

Среди этой экзальтированной толпы стоялъ человѣкъ съ изумительно-яснымъ и сильнымъ умомъ, не поддававшимся вліянію аффектовъ, — человѣкъ, полагавшій, что чрезмѣрныя страсти «составляютъ виды сумасшествія, хотя и не причисляются къ болѣзнямъ» («Этика»). Вступая въ новый періодъ своей умственной жизни, онъ рѣшилъ, слѣдуя примѣру Декарта: освободиться отъ предубѣжденій, усомниться во всемъ, найти прочную основу для своихъ взглядовъ и не признавать ничего, что не будетъ ему представляться вполнѣ ясно и отчетливо. Для этого онъ отнесся къ Св. Писанію какъ къ естественно-историческому объекту и подвергъ его научному анализу. Анализъ этотъ привелъ его къ убѣжденіямъ, шедшимъ совершенно въ разрѣзъ съ убѣжденіями его соплеменниковъ. Трезвый, научный взглядъ на историческіе факты заставлялъ его насмѣшливо относиться къ наивной философіи исторіи, приведшей къ ученію объ избранничествѣ еврейскаго народа. Относительно откровенія, даннаго послѣднему чрезъ Моисея и пророковъ, у него были взгляды, которые должны были его соплеменникамъ показаться кощунственными. Провѣрка хронологическихъ данныхъ въ книгахъ Св. Писанія выяснила ему необходимость осторожнаго, критическаго пользованія ими. Для окружавшей его среды Св. Писаніе, талмудъ

раввинская литература были не только неприкосновенной религіозной святыней, но и палладіумомъ національнаго самосознанія, благодаря которому еврейскій народъ за многовѣковую свою страдальческую исторію не превратился въ цыганъ, не помнящихъ родства, и сохранилъ культурность въ такой степени, что при малѣйшемъ благопріятномъ поворотѣ колеса фортуны выдвигалъ изъ своей среды дѣятелей, становившихся на одинъ уровень съ лучшими сынами болѣе счастливыхъ націй; спокойное, критическое отношеніе къ этимъ книгамъ казалось ей не только религіознымъ кощунствомъ, но и надругательствомъ надъ мучениками, въ это самое время всходившими на костеръ за приверженность свою къ изложеннымъ въ нихъ догматамъ. Для Спинозы это было съ одной стороны собраніе книгъ, содержащихъ въ себѣ много противорѣчій, съ другой — умствованія, исполненныя схоластическаго, ненаучнаго духа и часто не выдерживающія малѣйшаго прикосновенія критики.

Столкновеніе было неизбѣжно. Организмъ, заключавшій мыслителя внутри себя, реагировалъ въ данный историческій моментъ слишкомъ болѣзненно на всякое стороннее воздѣйствіе, чтобы ему возможно было спокойно переносить присутствіе въ своей средѣ инороднаго тѣла. Онъ долженъ былъ или растворить его, или извергнуть. Для перваго Спиноза былъ слишкомъ сильной индивидуальностью, слишкомъ цѣльной натурой. Произошло второе.

Разрывъ подготовлялся медленно. «Я не пишу здѣсь ничего такого,—говоритъ Спиноза въ девятой главѣ «Теологико-Политическаго трактата,—чего бы я давно уже и долго не обдумывалъ. Хотя съ дѣтства мнѣ внушены были обычные взгляды относительно писанія, но я принужденъ былъ наконецъ отъ нихъ отказаться.» Мы можемъ съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ этому показанію Спинозы. Въ немъ не было ничего задорнаго и вызывающаго. Но въ то же время это была серьезная, цѣльная и глубоко-нравственная личность, выгодно выдѣляющаяся въ вѣкѣ, не богатомъ цѣльными характерами. Признавать что-нибудь ложнымъ въ теоріи и осуществлять это на практикѣ изъ страха, по привычкѣ или ради выгоды было для него невозможно. Послѣдствія своего образа дѣйствій онъ представлялъ себѣ ясно. Для этого ему достаточно было обратиться къ воспоминаніямъ изъ временъ своего дѣтства, вспомнить самоубійство отлученнаго отъ синагоги Уріэля д'Акосты.

Герой извѣстной драмы Гуцкова, значительно въ ней идеализированный, былъ человѣкъ пылкій, увлекающійся, но безхарактерный. Онъ родился въ Опорто и принадлежалъ къ марранскому

семейству, исповѣдывавшему католическую вѣру уже втеченіи нѣсколькихъ поколѣній. Отецъ его былъ убѣжденный католикъ и воспитывалъ сына въ преданности католичеству. Уріэль обучался у іезуитовъ и былъ уже посвященъ въ каноники, когда изученіе Библіи привело его къ рѣшенію принять іудейство. Онъ убѣдилъ мать и братьевъ послѣдовать его примѣру, бѣжалъ, несмотря на бдительный надзоръ инквизиціи, въ Амстердамъ и здѣсь открыто присоединился къ іудейству. Скоро однако же онъ сталъ испытывать разочарованіе. Онъ нашелъ, что ученіе раввиновъ имѣетъ мало общаго съ библейскимъ іудействомъ, но и послѣднее его не удовлетворяло. Д'Акоста стоялъ на деистической точкѣ зрѣнія, исповѣдывалъ нѣчто вродѣ естественной религіи, бывшей въ такомъ ходу въ слѣдующемъ, XVIII вѣкѣ. Раввины за открытое высказываніе имъ своихъ взглядовъ отлучили его отъ синагоги. Д'Акоста провелъ много лѣтъ въ полномъ отчужденіи отъ свѣта, но наконецъ, не будучи въ силахъ выносить одиночества, подвергся наложенному на него покаянію. Примиреніе не могло быть прочнымъ. По страстности темперамента онъ опять пришелъ въ столкновеніе съ раввинами, вторично былъ отлученъ и вторично подвергся покаянію, еще болѣе тяжелому. Послѣднее униженіе переполнило чашу. Вскорѣ послѣ покаянія онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ. Это было въ 1640 году, Спинозѣ было тогда 8 лѣтъ. Весьма вѣроятно, что онъ присутствовалъ въ синагогѣ во время сцены покаянія Уріэля д'Акосты, которая не могла не оставить по себѣ тяжелаго впечатлѣнія. Съ обстоятельствами его жизни и смерти онъ во всякомъ случаѣ былъ знакомъ: трагическая смерть д'Акосты была крупнымъ событіемъ въ жизни молодой и небольшой еще тогда общины.

Теперь Спинозѣ предстояло подвергнуться тѣмъ же преслѣдованіямъ. Но, несмотря на свою молодость, онъ вступалъ на тотъ путь, на которомъ его предшественникъ выказалъ такъ мало твердости духа, зрѣлымъ мужемъ съ вполнѣ сложившимся характеромъ и убѣжденіями. Послѣ происшедшаго въ немъ душевнаго перелома ему труднѣе всего было мириться съ обрядовой стороной еврейскаго ученія. Онъ сталъ уклоняться отъ посѣщенія синагоги. Раввины дорожили своимъ даровитымъ ученикомъ, и это не могло остаться незамѣченнымъ. Къ Спинозѣ обратились съ увѣщаніями. Въ то же время двое бывшихъ товарищей его по училищу донесли раввинамъ, что въ разговорѣ съ ними Спиноза выказалъ отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ догматамъ еврейской ре

Мало достовѣрный вообще разсказъ Люкаса гласитъ, что въ разговорѣ этомъ шла рѣчь о Богѣ, ангелахъ и душѣ. Самый фактъ доноса не можетъ однако же подлежать сомнѣнію, такъ какъ отсутствіе свидѣтельскихъ показаній лишало раввиновъ права произнести отлученіе. Послѣдовалъ допросъ, и результатомъ его было предоставленіе Спинозѣ мѣсячнаго срока для размышленія. Втеченіи этого срока ему было воспрещено вступать въ какія-либо сношенія съ членами общины; по истеченіи его, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, Спинозѣ грозило отлученіе. Спиноза не обнаруживалъ намѣренія подчиниться. Раввинамъ однако же не хотѣлось прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Какъ разсказываетъ Колерусъ, Спинозу часто видѣли въ обществѣ ученыхъ меннонитовъ, и раввины, не понимая, что Спиноза по своимъ убѣжденіямъ не могъ присоединиться ни къ какой положительной религіи, боялись толкнуть его въ объятія христіанства. Кромѣ того публичный разрывъ казался имъ неполитичнымъ. Незадолго передъ этимъ дортрехтскій соборъ осудилъ ученіе Декарта, нидерландское правительство принимало энергическія мѣры противъ сектантовъ. Публичный разрывъ въ связи съ незабытымъ еще отлученіемъ д'Акосты свидѣтельствовалъ бы о существованіи раздоровъ среди общины, и молодая община, недавно только нашедшая пріютъ послѣ долгихъ гоненій, опасалась, что обнаруженіе свободомыслія въ ея средѣ можетъ лишить ее терпимаго отношенія со стороны правительства. Вредно могъ отозваться публичный разрывъ также на миссіи Манассе-бенъ-Израэля, хлопотавшаго тогда въ Лондонѣ о допущеніи евреевъ въ Англію. Рѣшено было попытаться удержать Спинозу въ еврействѣ. Съ часто встрѣчающимся у представителей традиціонныхъ взглядовъ непониманіемъ силы новыхъ теченій тѣ самые люди, которыхъ ауто-да-фе не могли заставить отказаться отъ ихъ убѣжденій, надѣялись побудить къ этому Спинозу посредствомъ подкупа. Ему предложили ежегодную пенсію въ 1.000 флориновъ съ тѣмъ, чтобы онъ продолжалъ исполнять обряды и время отъ времени посѣщалъ синагогу. Спиноза отклонилъ предложеніе. Возникли напряженныя отношенія, которымъ одинъ фанатикъ, возмущенный вѣроятно медлительностью раввиновъ, думалъ положить конецъ убійствомъ. Однажды вечеромъ, когда Спиноза выходилъ изъ театра, на него бросился какой-то человѣкъ съ кинжаломъ. Спиноза во-время успѣлъ отстраниться отъ удара и инжалъ скользнулъ только по его одеждѣ; пробитый полукаф-нъ Спиноза впослѣдствіи сохранялъ на память объ этомъ прошествіи. Чувствуя себя небезопаснымъ въ Амстердамѣ, Спиноза

переѣхалъ къ одному другу, принадлежавшему къ сектѣ коллегіантовъ и жившему въ окрестностяхъ города.

О примиреніи послѣ этого не могло быть рѣчи, и въ четвергъ, 26 іюня 1656 года, Спиноза былъ отлученъ отъ синагоги «въ виду чудовищной ереси, имъ исповѣдуемой и проповѣдуемой, и ужасныхъ поступковъ, имъ совершаемыхъ». «Ужасными поступками» было вѣроятно неисполненіе обрядовъ; первое же обвиненіе, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, относится къ циркулировавшей между друзьями рукописи трактата «о Богѣ, человѣкѣ и его блаженствѣ», годъ составленія котораго въ точности не извѣстенъ. Полный текстъ отлученія, найденный ванъ-Влотеномъ въ 1862 году въ архивѣ еврейской общины въ Амстердамѣ, помѣщенъ въ русскомъ изданіи «Переписки» Спинозы.

Не довольствуясь отлученіемъ и желая оградить отъ вліянія Спинозы молодежь, раввины обратились къ городскимъ властямъ Амстердама съ просьбой о высылкѣ его изъ города. Власти передали вопросъ на обсужденіе протестантскаго духовенства. Послѣднее оказалось вполнѣ солидарнымъ съ своими еврейскими коллегами. Дальнѣйшій ходъ дѣла неизвѣстенъ; повидимому Спинозѣ былъ воспрещенъ въѣздъ въ Амстердамъ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Извѣстіе объ отлученіи Спиноза принялъ спокойно, но противъ административной высылки онъ счелъ своимъ долгомъ протестовать. Въ запискѣ, написанной на испанскомъ языкѣ, онъ доказывалъ, что пользовался неотъемлемымъ правомъ всякаго гражданина, когда подвергалъ обсужденію религіозные вопросы, хотя бы его убѣжденія и отклонялись отъ общепринятыхъ. Вѣроятно тогда уже у Спинозы возникла мысль подробнѣе развить эти взгляды, что онъ и сдѣлалъ въ «Теологико-Политическомъ Трактатѣ».

V. Среди коллегіантовъ.

Вліяніе отлученія на дальнѣйшую жизнь Спинозы.—Бенедиктъ или Малединктъ?—Ремесло.—Переселеніе въ Ринсбургъ.—Кружокъ учениковъ въ Амстердамѣ.—Переписка съ Ольденбургомъ.—«Основы декартовой философіи».—Переписка съ Блейенбургомъ.—Партійныя распри въ маленькомъ мѣстечкѣ и «зловредная личность».

Отлученіе отъ синагоги было естественнымъ и законнымъ слѣдствіемъ образа дѣйствій и образа мыслей Спинозы. Человѣкъ, не подчиняющійся правиламъ извѣстной корпораціи — духовной или свѣтской, не раздѣляющій ея основныхъ убѣжденій, тѣмъ мымъ исключаетъ себя изъ нея и не можетъ претендовать, его подвергаютъ формальному исключенію. Но «богословска

*

нависть (odium theologicum)—особый и жесточайшій видъ ненависти», — какъ выражается Спиноза въ «Теологико-Политическомъ Трактатѣ», не ограничивается исключеніемъ отступника изъ духовной корпораціи. Она посягаетъ на гражданскія права личности, не имѣющія ничего общаго съ его религіозными убѣжденіями, въ томъ числѣ на такія права, которыхъ не лишаютъ самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Практика жизни оказалась мягче буквы закона, и у Спинозы сохранились теплыя дружескія отношенія съ нѣкоторыми друзьями его дѣтства. Положеніе ихъ въ качествѣ врачей обезпечивало повидимому за ними нѣкоторую независимость, и мы не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы они подверглись карѣ за свою близость къ отлученному. Зато родственныя узы, столь сильныя въ той средѣ, изъ которой вышелъ Спиноза, были разорваны навсегда.

Съ извѣстной точки зрѣнія можно считать—какъ это и дѣлаетъ Куно-Фишеръ—отсутствіе семейныхъ и вообще всякихъ общественныхъ узъ условіемъ, обезпечивающихъ свободу и независимость личности, и поэтому находить, что разрывъ Спинозы съ окружавшей его средой благопріятно отозвался на его духовномъ развитіи. Слѣдуетъ однако же замѣтить, что самъ Спиноза держится на этотъ счетъ совершенно иныхъ взглядовъ. Онъ дорожитъ всѣмъ, что сплачиваетъ людей въ общественные союзы, полагаетъ, что полноты духовнаго развитія человѣкъ можетъ достигнуть только въ обществѣ. Нѣтъ ничего полезнѣе для человѣка, заявляетъ онъ, чѣмъ человѣкъ, и считаетъ необходимымъ мириться съ неудобствами, вытекающими изъ людскихъ несовершенствъ и пороковъ. Дорожа даже тѣми формами общественныхъ союзовъ, которыя основаны на необходимости, связаны съ извѣстнымъ принужденіемъ и самоограниченіемъ, онъ тѣмъ болѣе цѣнитъ сплачивающія людей узы привязанности и любви. Въ перепискѣ и по біографическимъ даннымъ Спиноза является любящей и нѣжной натурой, привлекавшей всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, своей добротой и участливостью къ ихъ нуждамъ. Но этому болѣзненному человѣку, нуждавшемуся въ теплѣ и свѣтѣ, пришлось вынести рядъ тяжелыхъ ударовъ, и у него развивается сдержанность и замкнутость, которыя могли только усилиться подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ его жизни. Удары судьбы ›еносились имъ съ отличающимъ его мужествомъ и самооблада- ›ъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы Спиноза относился къ нимъ ›одушно. Рѣзкую страстность нѣкоторыхъ страницъ «Теоло- ›-Политическаго Трактата» можно поставить въ связь только

съ воспоминаніемъ о глубокой обидѣ, причиненной ему въ молодости, – воспоминаніемъ, не изгладившимся втеченіи многихъ лѣтъ.

Если отлученіе имѣло благопріятное вліяніе на дальнѣйшее направленіе умственной жизни Спинозы, то въ другомъ смыслѣ. Оно поставило его лицомъ къ лицу съ глубокимъ общественнымъ зломъ, и благодаря этому мы получили въ Спинозѣ не только отвлеченнаго мыслителя, но и политическаго бойца. Уединенный мыслитель, который «былъ какъ бы похороненъ въ своемъ кабинетѣ», — такъ говоритъ о Спинозѣ одинъ изъ его біографовъ, Кортгольтъ,—покинетъ свое уединеніе и выступитъ въ качествѣ публициста со страстной защитой свободы мысли и слова.

Со времени удаленія Спинозы изъ Амстердама мы не встрѣчаемся болѣе съ *Барухомъ* Спинозой; въ письмахъ и на сочиненіяхъ онъ подписывается равнозначущимъ латинскимъ именемъ: Бенедиктъ (благословенный). Эту перемѣну имени врядъ ли можно ставить въ связь съ происшедшимъ разрывомъ: латинизація нетолько именъ, но и фамилій была тогда въ большомъ ходу: нѣмецкій философъ Окслейнъ извѣстенъ подъ фамиліей Таурелла, анатомъ Бахманъ подписывался Ривинусъ; ближайшій другъ Спинозы, врачъ Мейеръ, никогда не порывавшій связи съ еврействомъ, извѣстенъ подъ именемъ Людовика. Извѣстный уже намъ проф. Кортгольтъ въ своей книгѣ «о трехъ великихъ обманщикахъ» (Чербэри, Гоббсъ и Спиноза) разражается по поводу латинскаго имени Спинозы слѣдующей тирадой, казавшейся по тому времени остроумной:

«Скорѣе слѣдовало бы ему называться Маледиктомъ (проклятымъ), такъ какъ ставшая послѣ проклятія Господня (I кн. Моисея) тернистою земля (*Spinosa*-terra) никогда не носила на себѣ такого проклятаго человѣка, какъ этотъ Спиноза, сочиненія котораго усѣяны столькими терніями. Этотъ человѣкъ былъ сначала евреемъ, но, будучи потомъ отлученъ отъ синагоги, вкрался при помощи неизвѣстныхъ мнѣ уловокъ въ довѣріе христіанъ и перемѣнилъ свое имя.»

Христіанства однако же Спиноза не принялъ.

«Хотя, – говоритъ Колерусъ, – послѣ своего разрыва съ еврействомъ Спиноза имѣлъ частыя бесѣды съ нѣкоторыми учеными меннонитами, а также со многими просвѣщенными представителями другихъ христіанскихъ сектъ, однако же онъ никогда не высказывался ни за одну изъ нихъ и не примыкалъ къ ихъ вѣроученію.»

Новый періодъ жизни, въ который вступилъ Спиноза, требовалъ выбора занятія, которое давало бы ему средства къ существованію. Становиться въ положеніе облагодѣтельствованнаго, принимать подарки меценатовъ—единственное въ то время при бѣдности научной литературы и слабой потребности въ ней обще-средство существованія профессіональныхъ ученыхъ—Спино

могъ и всегда рѣшительно отклонялъ предложенія помощи со стороны друзей. Училъ онъ безплатно, чѣмъ вызвалъ негодующее замѣчаніе Себ. Кортгольта, сына упомянутаго уже біографа: «онъ даромъ распространялъ свои зловредныя атеистическія идеи». Еще въ Амстердамѣ, слѣдуя мудрому талмудическому правилу, предписывающему ученымъ изучить какое-нибудь ремесло, Спиноза изучилъ шлифовку стеколъ, руководствуясь, при выборѣ занятія, повидимому своимъ интересомъ къ оптикѣ. Теперь онъ занялся этимъ ремесломъ, а друзья приняли на себя трудъ продавать приготовленныя имъ стекла. Въ шлифовкѣ Спиноза достигъ значительнаго искусства, стекла его покупались по дорогой цѣнѣ, и онъ считался, какъ видно изъ писемъ Гюйгенса и Лейбница, однимъ изъ лучшихъ оптиковъ своего времени.

Такимъ образомъ, дѣля свое время между шлифовкой стеколъ и научными занятіями, Спиноза прожилъ четыре года (1654—1660) въ деревенскомъ домикѣ, лежавшемъ по пути изъ Амстердама въ Оверкерке. Въ 1661 году онъ переѣхалъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ въ городокъ Ринсбургъ (близь Лейдена), служившій однимъ изъ главныхъ центровъ секты коллегіантовъ, называвшихся потому еще *ринсбургцами*. Среди этихъ мирныхъ, терпимыхъ людей, интересовавшихся не тѣмъ, во что вѣритъ человѣкъ, а тѣмъ, какъ онъ живетъ, Спиноза прожилъ еще слишкомъ два года и оставилъ по себѣ среди нихъ добрую память. До сихъ поръ узенькая улица, на которой онъ жилъ, носитъ въ устахъ простонародья названіе «улицы Спинозы» (Spinoza laantien). Сердечнымъ отношеніямъ, существовавшимъ между нимъ и коллегіантами, мы обязаны тѣмъ, что сохранились подлинники нѣкоторыхъ его сочиненій и писемъ, найденные ванъ-Влотеномъ въ архивѣ коллегіантскаго сиротскаго дома въ Гаагѣ.

Чѣмъ заполнена была внутренняя жизнь мыслителя за четыре года жизни его въ окрестностяхъ Амстердама, мы не знаемъ. Изъ письма, относящагося уже ко времени поселенія Спинозы въ Ринсбургѣ, мы узнаемъ, что въ Амстердамѣ существуетъ кружокъ молодежи, занимающійся изученіемъ философіи подъ руководствомъ Спинозы. Членами этого кружка состоятъ между прочимъ Л. Мейеръ и молодой студентъ-медикъ Симонъ-де-Врисъ. Спиноза разъясняетъ имъ въ письмахъ ихъ недоразумѣнія, посылаетъ имъ наброски своихъ произведеній. Въ Ринсбургѣ у него есть ученикъ, олодой человѣкъ, близости котораго къ Спинозѣ завидуетъ гочо къ нему привязанный Симонъ-де-Врисъ. Но Спиноза отвѣетъ, что сожитель его еще очень молодъ, неустойчивъ во взгля-

дахъ и болѣе склоненъ къ новизнѣ, чѣмъ къ истинѣ. Поэтому Спиноза не считаетъ возможнымъ знакомить его со своими взглядами и ограничиваетъ свои занятія съ нимъ тѣмъ, что диктуетъ ему основныя положенія декартовой философіи, излагая ихъ по геометрическому методу. Этотъ сожитель—Альбертъ Бургъ, перешедшій впослѣдствіи въ католичество и обратившійся къ Спинозѣ съ приглашеніемъ послѣдовать его примѣру, чѣмъ и вызвалъ рѣзкую отповѣдь со стороны Спинозы. Дарованія Спинозы становятся извѣстны широкому кругу лицъ. Его навѣщаютъ люди, которые раньше съ нимъ не были знакомы; они дорожатъ завязавшимися отношеніями и стараются поддержать ихъ при помощи переписки.

Переписка Спинозы, изданная вскорѣ послѣ его смерти, была потомъ дополнена письмами, найденными Кузеномъ и ванъ-Влотеномъ. Благодаря ей, мы съ 1661 года, къ которому относится первое письмо Ольденбурга къ Спинозѣ, можемъ слѣдить за жизнью послѣдняго по безукоризненно-достовѣрнымъ даннымъ. Къ сожалѣнію эта переписка, являющаяся необходимымъ пособіемъ при изученіи философіи Спинозы, для біографіи собственно даетъ очень немного. Издавшіе ее друзья подвергли переписку строгой цензурѣ и исключили изъ нея почти все, что не относится непосредственно къ разъясненію философскихъ взглядовъ Спинозы. На одномъ изъ интереснѣйшихъ писемъ Спинозы (къ д-ру Брессеру отъ 1665 г.), выпущенномъ въ посмертномъ изданіи «Переписки», ванъ-Влотенъ нашелъ помѣтку: «is van geender Waarde» (лишено всякаго значенія), такъ какъ въ немъ не говорится о субстанціи, модусахъ и т. д. Только изрѣдка мелькомъ и кстати сообщаются въ перепискѣ біографическіе факты, и эти мелькомъ брошенныя указанія служатъ единственными почти данными, на основаніи которыхъ можно составить себѣ представленіе о внѣшней жизни Спинозы.

Если въ перепискѣ мы встрѣчаемъ немного указаній относительно внѣшней жизни Спинозы, то съ этимъ можно еще мириться въ виду того, что уединенная жизнь его вѣроятно вообще не была богата внѣшними фактами. Болѣе чувствителенъ другой пробѣлъ, оставляемый перепиской. Всѣ попытки выяснить на основаніи ея и сочиненій Спинозы ходъ его умственнаго развитія,—попытки, особенно оживившіяся послѣ того, какъ Бёмеромъ найденъ былъ «трактатъ о Богѣ, человѣкѣ и т. д.»,—привели къ ничтожнымъ результатамъ. Какъ при первомъ извѣстномъ намъ столкновеніи Спинозы съ жизнью—при разрывѣ его съ синагогой—мы встрѣчаемъ у него, несмотря на его молодость, вполнѣ сложившій[illegible] зрѣлый характеръ, такъ въ первыхъ дошедшихъ до насъ и[illegible]

ніяхъ философскихъ взглядовъ Спинозы мы находимъ вполнѣ сложившееся оригинальное міросозерцаніе. Разница между юношескимъ трактатомъ и «Этикой» конечно есть, но это - разница въ деталяхъ; основныя же черты міросозерцанія Спинозы, благодаря которымъ оно стоитъ особнякомъ среди философскихъ системъ и примыкаетъ къ научной философіи второй половины текущаго столѣтія,—единство начала, проникающаго вселенную, закономѣрность и необходимость всѣхъ явленій, какъ физическихъ, такъ и душевныхъ, отсутствіе цѣлей въ природѣ,—всѣ эти черты содержатся уже въ юношескомъ трактатѣ и въ первыхъ дошедшихъ до насъ письмахъ Спинозы. Какъ развилась эта оригинальная система? Фактическихъ данныхъ для рѣшенія вопроса нѣтъ. Остается обширное поле для объективнаго изученія дѣйствовавшихъ на мыслителя вліяній и для логическихъ схемъ; въ современныхъ руководствахъ по исторіи философіи, къ сожалѣнію, преобладаютъ послѣднія.

Первое мѣсто въ «Перепискѣ», какъ по времени и количеству писемъ, такъ и по важности затрогиваемыхъ вопросовъ, занимаетъ переписка Спинозы съ Ольденбургомъ. Ольденбургъ былъ саксонскимъ резидентомъ въ Лондонѣ, пользовался симпатіями Карла II и принадлежалъ къ кружку ученыхъ, превратившемуся скоро въ знаменитое Королевское Общество. Проѣздомъ въ Англію, онъ навѣстилъ въ 1661 году въ Ринсбургѣ Спинозу, и послѣдній произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что немедленно по возвращеніи въ Лондонъ Ольденбургъ спѣшитъ завязать съ нимъ письменныя сношенія. Онъ беретъ на себя роль связующаго звена между Спинозой и англійскими естествоиспытателями,—въ особенности близкимъ своимъ другомъ, знаменитымъ химикомъ и физикомъ Робертомъ Бойлемъ. Спиноза получаетъ отъ Ольденбурга подробныя извѣстія о работахъ Королевскаго Общества и печатныя сочиненія Бойля; Бойлю пересылаются отрывки изъ писемъ Спинозы, посвященные философскимъ вопросамъ. Такія личности, какъ Ольденбургъ, были необходимы въ вѣкѣ, когда личныя сношенія между учеными затруднялись плохими путями сообщенія, когда періодическая печать вообще, а тѣмъ болѣе научная, находились въ зародышѣ. Высоко образованный, съ широкими и разносторонними умственными интересами, Ольденбургъ сознательно ставитъ себѣ цѣлью сплочивать за общей работой разрозненныя умственныя силы. Коснувшись разногласій, возникшихъ между Спинозой и Бойлемъ по поводу химическихъ опытовъ послѣдняго, онъ говоритъ: «я не ·лалъ бы преувеличивать вашего разногласія; напротивъ, я гоь сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы вы соединили ваши

умственныя силы для разработки вопросовъ истинной прочной философіи». При этомъ онъ тактично и съ пониманіемъ индивидуальныхъ особенностей распредѣляетъ работу между друзьями:

«Васъ,—пишетъ онъ Спинозѣ,—я долженъ былъ бы поощрять главнымъ образомъ къ дальнѣйшему обоснаванію общихъ принциповъ философіи, что такъ подходитъ къ вашему тонкому математическому уму. На долю же моего благороднаго друга Бойля я не задумался бы предоставить подтвержденіе и иллюстрацію этихъ принциповъ посредствомъ многократныхъ, точно произведенныхъ опытовъ и наблюденій. Я убѣжденъ, что въ Англіи никогда не будетъ недостатка въ философахъ опытнаго направленія; не сомнѣваюсь и въ томъ, что вы выполните свои задачи до конца, какъ бы ни волновалась и какія бы клеветы ни распространяла про васъ чернь отъ философіи и теологіи. Вы видите, дорогой другъ, къ чему я стремлюсь, чего добиваюсь.»

Впослѣдствіи дружба между Ольденбургомъ и Спинозой, возникшая на чисто-идейной почвѣ, подверглась серьезному испытанію. Переписка, продолжавшаяся четыре съ половиной года (1661—1665), по неизвѣстной причинѣ прерывается на цѣлыхъ десять лѣтъ. Ольденбургъ возобновляетъ ее въ 1675 году, но въ отношеніяхъ между друзьями замѣтно сильное охлажденіе, находящее себѣ достаточное основаніе во взглядахъ, высказанныхъ Спинозой въ изданномъ имъ передъ тѣмъ «Теологико-политическомъ трактатѣ». Спиноза съ болью замѣчаетъ, что Ольденбургъ раздѣляетъ многіе взгляды «черни отъ философіи и теологіи». Онъ относится къ Спинозѣ съ прежнимъ уваженіемъ, но не можетъ отдѣлаться отъ боязни, что въ «Этику» попадутъ взгляды, «могущіе поколебать религіозную добродѣтель». Послѣднее дошедшее до насъ письмо Ольденбурга написано за годъ до смерти Спинозы.

Извлечемъ изъ этой переписки нѣкоторыя данныя, представляющія интересъ для біографіи Спинозы и исторіи его произведеній. Уже въ первомъ письмѣ Спинозы къ Ольденбургу (отъ 1661 г.) мы находимъ рядъ опредѣленій основныхъ понятій его философіи, вошедшихъ почти въ томъ же видѣ въ «Этику». Съ Декартомъ онъ расходится рѣшительно и не въ деталяхъ какихъ нибудь: Спиноза видитъ корень своего разногласія съ французскимъ мыслителемъ въ неправильномъ пониманіи послѣднимъ «первопричины и происхожденія всего сущаго... равно какъ природы человѣческаго духа. Между тѣмъ,—прибавляетъ онъ,—только человѣкъ, совершенно лишенный всякаго знанія, можетъ не видѣть, въ какой высокой степени важно вѣрное пониманіе этихъ предметовъ». Отъ невѣрнаго пониманія природы человѣческаго духа за-висит ошибочное представленіе Декарта объ истинной при-заблужденій. Декартъ, какъ извѣстно, причиной заблуж-

считалъ свободу воли, позволяющую намъ признавать истиннымъ даже то, что смутно представляется нашему уму. Воля у Декарта, какъ у многихъ послѣдующихъ философовъ до нашихъ дней включительно, является самостоятельной душевной способностью. Чѣмъ-то современнымъ вѣетъ отъ замѣчанія Спинозы по этому поводу: «Между волей и отдѣльными хотѣніями такая же разница, какъ между бѣлизной и отдѣльными предметами бѣлаго цвѣта, какъ между отвлеченнымъ понятіемъ «человѣкъ» и тѣмъ или другимъ человѣкомъ. Утверждать, что воля есть *причина* того или другого хотѣнія, такъ же невозможно, какъ невозможно понятіе «человѣкъ» считать причиной существованія Петра или Павла. *Воля есть только разсудочное понятіе.* Отдѣльныя же хотѣнія, нуждаясь для своего существованія въ особой причинѣ, не могутъ почитаться свободными, но необходимо имѣютъ характеръ, сообразный съ породившими ихъ причинами».

Что же касается первопричины и происхожденія всего сущаго, то, какъ мы узнаемъ изъ третьяго письма Спинозы (отъ того же 1661 г.), онъ сочинилъ по этому вопросу, равно какъ по вопросу объ исправленіи разума, особый «трактатецъ», обработкой котораго онъ теперь занятъ. Рѣчь идетъ, судя по этимъ словамъ, не объ одномъ, а о двухъ «трактатцахъ»: «трактатѣ объ исправленіи человѣческаго разума» и «трактатѣ о Богѣ, человѣкѣ и т. д.», получившемъ отъ Тренделенбурга удачное названіе «маленькой *Этики*» и которому Спиноза, какъ видно также изъ послѣдующей переписки съ Симономъ-де-Врисомъ и Л. Мейеромъ, придаетъ теперь геометрическую форму «большой *Этики*». Первый же трактатъ долженъ былъ представлять собой методологическое введеніе къ «Этикѣ», и потому вѣроятно Спиноза говоритъ о сочиненіяхъ, дошедшихъ до насъ въ отдѣльномъ видѣ и въ видѣ отрывковъ, какъ объ одномъ произведеніи. Работа идетъ у Спинозы однако же не особенно успѣшно. Онъ часто откладываетъ ее въ сторону, такъ какъ вопросъ объ изданіи своихъ произведеній вызываетъ у него рядъ колебаній. Онъ живо представляетъ себѣ современныхъ теологовъ, ихъ отношеніе къ его взглядамъ и съ ужасомъ думаетъ о предстоящихъ пререканіяхъ. Тутъ же онъ сообщаетъ Ольденбургу, по какимъ пунктамъ онъ ожидаетъ пререканій. Во-первыхъ, многія свойства, приписываемыя всѣми, кого онъ знаетъ, Богу, онъ относитъ къ твореніямъ, и обратно, аттрибуты, обыкновенно признаваемые свойствами сотворенныхъ вещей, относитъ къ Богу. Во-вторыхъ,—и это мѣсто весьма характер-

но—онъ не въ такой мѣрѣ раздѣляетъ Бога и природу, какъ это дѣлаютъ всѣ, о комъ онъ только имѣетъ понятіе.

Въ отвѣтъ на это письмо Ольденбургъ убѣждаетъ Спинозу «не закрывать ученымъ доступа ко всему, что выработано проницательностью вашего ума въ области философіи и теологіи и обнародовать свои труды, не обращая вниманія на то, что будутъ кричать по этому поводу господа теологи. Страна ваша—свободнѣйшее изъ государствъ. Итакъ, отбросьте опасеніе раздражить ничтожныхъ людишекъ нашего времени; вамъ нечего опасаться ни малѣйшей опасности со стороны людей благоразумныхъ. Я не оставлю васъ въ покоѣ и ни за что не допущу, чтобы плоды вашихъ размышленій, имѣющіе столь важное значеніе, остались подъ спудомъ вѣчнаго молчанія.»

Послѣдствія показали, что Спиноза несравненно лучше Ольденбурга зналъ и свою страну, и «ничтожныхъ людишекъ», и благоразумныхъ людей своего времени. Не зналъ онъ только одного, что Ольденбургъ, убѣждающій его въ томъ же письмѣ «распустить паруса истинной науки и проникнуть въ святилище природы глубже, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ», скоро свернетъ парусъ и будетъ находить за-одно съ «ничтожными людишками» своего времени и послѣдующихъ временъ, что произведенія Спинозы «колеблютъ религіозную добродѣтель».

Оба «трактатца» не увидѣли свѣта при жизни Спинозы. Одинъ изъ нихъ, «трактатъ о Богѣ и т. д.», былъ найденъ въ рукописи Бемеромъ, какъ мы говорили уже, только въ 1852 году. «Этика», въ которой онъ былъ подвергнутъ детальной переработкѣ, была издана друзьями уже послѣ смерти Спинозы. Тогда же былъ изданъ и «Трактатъ объ исправленіи человѣческаго разума», оставшійся неоконченнымъ. Зато совершенно неожиданно и для себя, и для Ольденбурга Спиноза въ 1663 году выступилъ передъ публикой съ «Основами декартовой философіи, изложенными въ геометрическомъ порядкѣ»,—единственнымъ сочиненіемъ Спинозы, напечатаннымъ при его жизни съ именемъ автора.

Какъ это нерѣдко случается съ людьми, черезчуръ требовательно относящимися къ своимъ произведеніямъ и передѣлывающими ихъ безконечное количество разъ, Спиноза выступилъ впервые передъ публикой съ произведеніемъ, носящимъ на себѣ всѣ слѣды недостаточной обработки и подготовленнымъ къ печати въ какихъ-нибудь двѣ недѣли. Въ апрѣлѣ 1663 года Спиноза, какъ онъ сообщаетъ Ольденбургу, перебрался «со всѣмъ своимъ скарбомъ» въ Ворбургъ, близъ Гааги, и оттуда отправился н[е]-сколько дней въ Амстердамъ. Здѣсь онъ познакомилъ дру[зей] продиктованной Альберту Бургу рукописью, содержавшей

изложеніе по геометрическому методу второй части «Основъ философіи» Декарта и небольшое прибавленіе, въ которомъ подробнѣе излагались основныя понятія декартовой философіи. Друзья пристали къ Спинозѣ съ просьбой издать этотъ трактатъ, и онъ поддался ихъ убѣжденіямъ. Повидимому они дѣйствовали на слабую струнку Спинозы, доказывали ему, какъ можно заключить изъ того же письма, что появленіе въ печати «Основъ декартовой философіи» облегчитъ ему впослѣдствіи изданіе произведеній, посвященныхъ его собственной философіи. Втеченіи двухъ недѣль, проведенныхъ имъ тогда въ Амстердамѣ, Спиноза написалъ изложеніе первой части «Основъ философіи» и небольшого отрывка третьей и передалъ рукопись друзьямъ подъ условіемъ, что Л. Мейеръ исправитъ ея слогъ и напишетъ предисловіе.

Такъ родилось на свѣтъ первое печатное произведеніе Спинозы, благодаря которому создалась долго поддерживавшаяся легенда о «картезіанствѣ» Спинозы. Спиноза съ своей стороны сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы предупредить такое истолкованіе. Въ написанномъ по его настоянію и въ его присутствіи предисловіи Л. Мейеръ излагаетъ, при какихъ условіяхъ возникла книга: она была продиктована ученику, котораго авторъ считалъ неудобнымъ знакомить съ своей собственной философіей и потому не находилъ возможнымъ ни на волосъ отступать отъ положеній Декарта. Поэтому читатель, рядомъ съ немногими раздѣляемыми авторомъ или прибавленными имъ отъ себя взглядами, найдетъ многое, рѣзко отличающееся отъ взглядовъ автора. Л. Мейеръ указываетъ затѣмъ въ видѣ примѣра, что Спиноза не раздѣляетъ декартова ученія о волѣ, не считаетъ протяженія и мышленія субстанціями, что духъ и тѣло не представляютъ, по его мнѣнію, двухъ различныхъ сущностей.

«Замѣтимъ наконецъ,—прибавляетъ Л. Мейеръ,—что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги читатель встрѣтитъ слова Декарта: «это превосходитъ человѣческое разумѣніе». Опять-таки не слѣдуетъ думать, что слова эти выражаютъ собой убѣжденіе нашего автора. Напротивъ того, онъ полагаетъ, что и тѣ вопросы, по поводу которыхъ они приведены, и многое другое, еще болѣе возвышенное и утонченное, можетъ не только быть ясно и отчетливо понято нами, но и вполнѣ удовлетворительно объяснено, если только человѣческій умъ покинетъ указанный Декартомъ путь. Потому что данныя Декартомъ основы науки и его дальнѣйшіе изъ нихъ выводы недостаточны для разрѣшенія труднѣйшихъ метафизическихъ вопросовъ. Необходимо вступить на другой путь, если мы желаемъ достигнуть ихъ познанія.»

Результаты изданія «Основъ декартовой философіи» не оправдали повидимому надеждъ Спинозы и его друзей. Правда, въ слѣ-

дующемъ году книга вышла въ свѣтъ въ голландскомъ переводѣ, но второе латинское изданіе (въ предисловіи обѣщано было выпустить его въ свѣтъ въ исправленномъ видѣ) не появлялось. Спиноза самъ впослѣдствіи повидимому жалѣлъ, что поддался убѣжденіямъ друзей, и въ письмѣ къ Блейенбургу говоритъ, что со времени выхода въ свѣтъ голландскаго перевода онъ болѣе не думаетъ о книгѣ и не интересуется ея судьбой. Картезіанцевъ она не могла удовлетворить, такъ какъ предисловіе возвѣщало нарожденіе новой системы, расходящейся въ существеннѣйшихъ пунктахъ съ философіей Декарта. Лица, не удовлетворявшіяся послѣдней, могли о собственныхъ взглядахъ автора догадываться только косвенно. Ольденбургъ остался поэтому рѣшительно недоволенъ книгой и, упоминая о ней съ намѣренной небрежностью, тутъ же прибавляетъ:

«Когда же наконецъ вы изложите результаты вашего собственнаго творчества и предоставите ихъ на благо и поученіе всему философствующему міру? Что же удерживаетъ васъ, другъ мой? Чего вы боитесь? Приступите, завладѣйте этой областью, имѣющей столь важное значеніе, и вы увидите, что за васъ станетъ весь сонмъ истинныхъ философовъ.»

Это небрежное отношеніе къ «Основамъ декартовой философіи» было не вполнѣ справедливо. Въ отрывочномъ, правда, и незаконченномъ изложеніи уже и здѣсь выступаютъ очертанія философіи Спинозы: «кое-что—какъ говорится въ предисловіи—прибавлено авторомъ отъ себя». И это кое-что выступаетъ сравнительно отчетливо въ приложеніи, гдѣ Спиноза не стѣсненъ порядкомъ изложенія Декарта и не принужденъ, какъ насмѣшливо выражается Ольденбургъ, «слѣдовать за нимъ по пятамъ». Отчетливо выступаютъ контуры той идеи, которая является центральнымъ пунктомъ его философіи—идеи Бога. Богъ является здѣсь съ обычно приписываемыми ему аттрибутами—вѣчности, единства, безконечности, вездѣсущности, всевѣдѣнія, но аттрибуты эти тщательно очищаются Спинозой отъ всякихъ элементовъ, вносимыхъ въ нихъ нашими привычками и пріемами мышленія. Богъ—создатель міра, но такъ какъ для сохраненія вещей въ ихъ состояніи нужны тѣ же силы, что для ихъ созданія, то творческій актъ божества не прекращается ни на мгновеніе. Богъ чуждъ всякихъ человѣческихъ страстей: Онъ не можетъ любить, ненавидѣть, ставить себѣ какія нибудь цѣли. Онъ вездѣсущъ, и потому внѣ Его ничего не существуетъ. Онъ всевѣдущъ, но это всевѣдѣніе не имѣетъ ничего общаго съ человѣческимъ знаніемъ, какъ и [illegible] различеніе Его свойствъ составляетъ пріемъ нашего мышле[illegible] Богѣ же умъ, воля и творчество слиты. Всевѣдѣніе Бо[illegible]

стоитъ въ томъ, что въ Богѣ содержится идея Бога: эта простѣйшая идея охватываетъ весь міръ, такъ какъ міровой процессъ представляетъ развертывающуюся по закону необходимости идею божества.—Рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ основныя положенія Декарта о двухъ субстанціяхъ, о волѣ, какъ самобытной сущности, о ея свободѣ, но это сопоставленіе производитъ на читателя впечатлѣніе непримиримаго противорѣчія.

Такое впечатлѣніе «Основы декартовой философіи» произвели и на одного современника Спинозы, дортрехтскаго купца, Вильгельма Блейенбурга. Какъ ни невинны были «Основы», изощренное чутье Блейенбурга почуяло въ нихъ нѣчто, не вполнѣ одобряемое «Гейдельбергскимъ катехизисомъ». Завязалась крайне тягостная для Спинозы переписка. Въ ней Спинозѣ пришлось затронуть многое и между прочимъ развить свое нравственное ученіе, доставлявшее въ дни душевныхъ бурь успокоеніе не только созерцательнымъ натурамъ, вродѣ Гёте, но и такому страстному бойцу, какъ Прудонъ,—и кажущееся разсудочнымъ, холоднымъ, «насильственно-выведеннымъ» современнымъ елейнымъ моралистамъ изъ метафизическаго лагеря.

Съ переѣздомъ въ Ворбургъ мы вступаемъ въ новый періодъ жизни Спинозы. Шесть лѣтъ, проведенныхъ имъ среди коллегіантовъ, были періодомъ сравнительнаго мира, и больной, измученный перенесеннымъ уже столкновеніемъ съ фанатиками, человѣкъ инстинктивно старается продлить эти годы покоя и мира, нужнаго ему для научныхъ занятій. Съ переѣздомъ въ Ворбургъ въ воздухѣ уже начинаютъ чувствоваться признаки приближенія бури. Даже окружающая среда въ Ворбургѣ относится къ Спинозѣ иначе. Казалось бы, та же это среда маленькаго мѣстечка, которая въ Ринсбургѣ уважала и любила Спинозу за его нравственную высоту, кротость и обходительность. И однако же нѣтъ, существуетъ громадная разница: въ Ринсбургѣ онъ жилъ среди гонимыхъ коллегіантовъ, въ Ворбургѣ—среди членовъ «господствующей церкви»... И вотъ уже вскорѣ послѣ поселенія Спинозы въ Ворбургѣ въ доносѣ, вызванномъ партійными раздорами между жителями городка по поводу выбора пастора и подписанномъ 53 гражданами, фигурируетъ имя «нѣкоего Спинозы, еврея по происхожденію, атеиста и врага всякой религіи по убѣжденіямъ, вообще опасной и зловредной личности».

Переписка съ Блейенбургомъ, относящаяся тоже къ періоду ...ргской жизни, и этотъ доносъ являются естественной пре... къ тому, что̀ воспослѣдовало. Оппозиція пока состоитъ

изъ полуобразованнаго дортрехтскаго купца, интересующагося философіей, но сознающаго свое невѣжество, и полуобразованныхъ же горожанъ маленькаго мѣстечка, дѣйствующихъ при помощи ругательныхъ кличекъ и доносовъ. Ревнители «религіи и нравственности» и впослѣдствіи будутъ дѣйствовать орудіями не болѣе высокой нравственной пробы, но это будутъ люди сильные и вліятельные, и вражда ихъ будетъ сопровождаться для Спинозы совершенно иными послѣдствіями. Времена ауто-да-фе для Голландіи миновали; отлучать Спинозу не отъ чего; но есть полная возможность отравить его существованіе, закидать его личность грязью и клеветой, сдѣлать его произведенія недоступными для читателей. Все это и будетъ сдѣлано.

VI. Ворбургъ и Гага.

«Не плакать и не смѣяться».—«Теологико-Политическій трактатъ».—Полемика. — Запрещеніе. — Возобновленіе переписки съ Ольденбургомъ.—Препятствія къ изданію «Этики».—Приглашеніе на каѳедру.—Образъ жизни Спинозы. — Лейбницъ и Спиноза. — Проектъ картины.

Война между Англіей и Нидерландами, начавшаяся въ 1665 и окончившаяся въ 1667 году, значительно затрудняетъ переписку между Ольденбургомъ и Спинозой. Эта война между двумя близкими по крови и по религіи народами, недавно еще дружно боровшимися противъ Испаніи, вызванная торговымъ соперничествомъ англичанъ и голландцевъ и ненавистью Карла II къ изгнавшимъ его нидерландамъ, окончилась, благодаря энергіи Яна-де-Витта, полнымъ пораженіемъ англичанъ. Ко времени разгара военныхъ дѣйствій относится письмо Спинозы къ Ольденбургу (отъ 1665 г.), въ которомъ онъ говоритъ:

«Во мнѣ всѣ эти треволненія не возбуждаютъ ни смѣха, ни даже слезъ, но вызываютъ меня на серьезныя размышленія и изученіе человѣческой природы. Я не считаю возможнымъ осмѣивать человѣческую природу, ни тѣмъ болѣе оплакивать ее; ибо полагаю, что люди, какъ и все вообще, составляютъ только часть природы, и мнѣ неизвѣстно, какимъ образомъ каждая часть природы согласуется съ ея цѣлымъ и въ какой зависимости она состоитъ отъ остальныхъ частей. Я думаю, что только этотъ недостатокъ знанія и былъ причиной того, что нѣкоторыя вещи, познаваемыя лишь частично, отрывочно и не вполнѣ отвѣчающія нашимъ философскимъ воззрѣніямъ, казались мнѣ прежде ничтожными, безпорядочными и нелѣпыми.»

Какъ это ни странно, въ томъ же письмѣ Спиноза сообщаетъ Ольденбургу, что работаетъ надъ «Теологико - Политичес трактатомъ», тѣмъ своимъ произведеніемъ, въ которомъ онъ смѣется и еще чаще негодуетъ. Онъ объясняетъ Ольденбург

чины, побуждающія его писать трактатъ. Это: во 1) предразсудки теологовъ, препятствующіе успѣхамъ философіи; во 2) сознаніе, что необходимо выступить съ защитой свободы слова и философскаго изслѣдованія, которыя постоянно угнетаются, и наконецъ въ 3) желаніе разсѣять составившееся о немъ въ толпѣ мнѣніе, будто онъ—атеистъ. Послѣдній пунктъ можетъ вызвать у насъ только улыбку. Именно «Теологико-Политическій трактатъ» въ несравненно-бо́льшей степени, чѣмъ философскія произведенія Спинозы, создалъ ему репутацію атеиста, тяготѣвшую надъ нимъ втеченіи цѣлаго вѣка. Ко времени изданія трактата Спиноза впрочемъ отрѣшился уже отъ этой наивной надежды: это видно и изъ предисловія къ трактату, и изъ предосторожностей, принятыхъ при его изданіи.

Судя по́ цѣльности настроенія, проникающаго книгу, «Теологико-Политическій трактатъ» написанъ вѣроятно въ короткое время, — можетъ быть въ томъ же 1665 году, когда Спиноза сообщилъ о немъ Ольденбургу. Обнародованъ онъ былъ только въ 1670 году безъ имени автора и съ невѣрнымъ обозначеніемъ мѣста печатанія. На заглавной страницѣ указано, что книга напечатана въ Гамбургѣ у Генриха Конрада, тогда какъ въ дѣйствительности она была напечатана въ Амстердамѣ у Кристофа Конрада, и «несомнѣнно, какъ замѣчаетъ Колерусъ, ни магистратъ, ни почтенные пасторы Гамбурга не допустили бы, чтобы столь богомерзкое произведеніе было напечатано и обнародовано въ ихъ городѣ». Прозрачный псевдонимъ типографа и дальнѣйшее поведеніе Спинозы, не скрывавшаго своего авторства, заставляютъ думать, что предосторожности эти были приняты исключительно ради соблюденія приличія и для огражденія отъ непріятностей со стороны теологовъ дружественно расположеннаго къ Спинозѣ правительства. Во главѣ послѣдняго стоялъ тогда Янъ-де-Виттъ, хорошо знакомый съ трактатомъ вѣроятно еще до выхода его въ свѣтъ и со стороны котораго немыслимо было ожидать какихъ-нибудь преслѣдованій.

Трактатъ — несомнѣнно тенденціозное произведеніе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже его длинное, по обычаю тогдашняго времени, заглавіе, указывающее, что читатели имѣютъ дѣло съ «*Теологико-политическимъ трактатомъ, содержащимъ нѣсколько разсужденій, въ которыхъ доказывается, что свобода мысли не только можетъ быть допущена безъ вреда для благочестія, но и не можетъ быть подавляема безъ опасности для того и другого*». Авторъ пишетъ не теоретическое только изслѣдованіе, ему важно достигнуть извѣстныхъ практическихъ результатовъ, и этимъ объясняются многія особенности трактата.

Спиноза считается съ политическими условіями своего времени и среди современныхъ ему общественныхъ силъ находитъ только одну—свѣтскую государственную власть, которая можетъ и обязана въ интересахъ мира и спокойствія гражданъ обуздать притязанія теологовъ на господство надъ человѣческой мыслью. Богословіе не имѣетъ ничего общаго ни съ наукой, ни съ философіей, и еслибы теологи всегда ясно разграничивали эти области, не вторгались въ область метафизики и усерднѣе воздѣлывали принадлежащую имъ область—практической нравственности, то человѣчество не представляло бы, какъ представляетъ теперь, множества враждующихъ, борющихся и ненавидящихъ другъ другъ сектъ. Дѣло дошло до того, что нравственные принципы, проповѣдуемые религіей, перестали оказывать вліяніе на образъ жизни людей и на ихъ нравственность; что объ исповѣданіи человѣка приходится судить не на основаніи его добрыхъ дѣлъ, а только на основаніи ненависти, питаемой имъ къ представителямъ другихъ вѣроисповѣданій. Неправильно понимая задачи религіи, теологи извратили ея смыслъ и ея нравственную основу; подставляя свои метафизическіе взгляды подъ слова Св. Писанія и произвольно истолковывая послѣднее, они превратили свои метафизическія воззрѣнія въ религіозные догматы и, призывая государство на защиту «религіи», сдѣлали его въ сущности защитникомъ устарѣлыхъ научныхъ и метафизическихъ воззрѣній, не имѣющихъ ничего общаго ни съ религіей, ни съ благомъ государства.

Ошибочно было бы думать, что выступленіе государственной власти въ несвойственной ей роли сторонницы тѣхъ или другихъ научныхъ воззрѣній можетъ водворить миръ и спокойствіе. Напротивъ того, переносъ теоретическихъ разногласій на политическую почву всегда только обостряетъ отношенія, разжигаетъ страсти. Безконечно разнообразными путями Богъ приводитъ людей къ познанію истины и къ благочестію,—и люди созданы такъ, что не могутъ примириться съ порядками, при которыхъ взгляды, признаваемые ими за истину, объявляются преступленіемъ, а то, что́ побуждаетъ ихъ любить Бога и ближнихъ, превозглашается грѣхомъ. Конечно иногда вслѣдствіе полной свободы мысли и слова могутъ возникать неудобства. Но и самыя мудрыя учрежденія связаны съ неудобствами. Нельзя все регулировать законами. Съ неизбѣжными фактами—даже если они несомнѣнное зло—приходится мириться, такъ какъ борьба съ ними можетъ только ухудшить положеніе. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ мириться съ свободою мысли, которая несомнѣнно представляетъ собой благо и не можетъ быть подавлена.

Еслибы даже можно было добиться того, чтобы люди говорили только то, что имъ велѣно говорить, то нельзя помѣшать имъ думать такъ, какъ они думаютъ. Законы, принуждающіе людей говорить противное ихъ убѣжденіямъ, могутъ развивать только ханжество и лицемѣріе, подрывающія въ корнѣ всѣ общественныя отношенія. Но достигнуть этого немыслимо, и законы, ограничивающіе свободу мысли и слова, всегда будутъ преступаться — правда, не ханжами, лицемѣрами и нищими духомъ, всѣ интересы которыхъ сосредоточены на накопленіи богатствъ и чревоугодничествѣ, а благородными, честными людьми, не могущими выносить насилія надъ своей совѣстью.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что подобные факты несутъ въ себѣ зародышъ серьезной опасности для государства. Спокойствіе государства и уваженіе къ законамъ не могутъ быть обезпечены, если послѣдніе падаютъ своей тяжестью не на дурныхъ, а на благородныхъ людей, если они не обуздываютъ преступниковъ, а ожесточаютъ честныхъ. Цѣлесообразно ли съуживать государство до такой степени, чтобы оно не могло вмѣщать въ себѣ честныхъ людей? Вспоминая о преслѣдованіяхъ противъ арминіанъ и о казни Ольдебарневельдта, Спиноза продолжаетъ:

«Развѣ не несчастье для государства, если честные люди, не могущіе думать по иному и не желающіе притворяться, изгоняются изъ страны? Если люди, не виновные ни въ какомъ преступленіи, ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ, объявляются врагами и подвергаются казни,—а эшафотъ, долженствующій быть предметомъ ужаса для преступниковъ, превращается въ трибуну, съ которой гражданамъ даются примѣры возвышеннаго самоотверженія и доблести? Потому что люди, увѣренные въ своей правотѣ, не боятся смерти и не умоляютъ о пощадѣ. Они не испытываютъ раскаянія, являющагося слѣдствіемъ преступленія, и считаютъ не наказаніемъ, а честью и славой для себя умереть за доброе дѣло.»

Значеніе «Теологико-Политическаго Трактата» не исчерпывается горячей проповѣдью въ пользу свободы мысли и слова. Для того, чтобы доказать основное свое положеніе, Спинозѣ необходимо было выяснить, что писаніе ставитъ себѣ цѣлью преподать не научныя и философскія истины, а нравственныя, что единственная его цѣль—внушить людямъ справедливость, богобоязненность и любовь къ ближнимъ. Если богословы находили въ писаніи что-либо иное, то потому, что подставляли свои собственныя воззрѣнія подъ слова писанія. Толкованіе Библіи необходимо, но оно возможно только на основаніи строго-научнаго историко-критическаго изученія ея. Спиноза устанавливаетъ правила такого изученія, съ изумительной ясностью ума предвосхищая всѣ основныя положе-

нія современнаго историко-критическаго метода (и многіе его выводы), и дѣлаетъ попытку приложенія ихъ къ библейскимъ книгамъ. Онъ пользуется громаднымъ матеріаломъ, собраннымъ средневѣковыми еврейскими комментаторами, но вноситъ въ него научный методъ и приходитъ къ выводамъ или прямо противоположнымъ, или же такимъ, которыхъ они не рѣшались высказывать открыто. Продолжателей въ области библейской критики Спиноза нашелъ только спустя полтора столѣтія. Раціоналистическая критика Реймаруса (XVIII в.) въ сравненіи со строго-научной критикой Спинозы производитъ впечатлѣніе жалкой пародіи. Только во второй четверти текущаго столѣтія лѣвые гегельянцы (Штраусъ, Бауэръ и др.) примкнули къ Спинозѣ, какъ къ своему вождю, и создали въ западномъ богословіи критику писанія. Въ этомъ смыслѣ Спинозу называютъ «отцомъ современной экзегетики».

Англійскіе біографы Спинозы прилагаютъ много стараній, чтобы объяснить своимъ читателямъ возмущеніе, вызванное «Теологико-Политическимъ Трактатомъ». Два слишкомъ вѣка, прошедшіе со времени выхода въ свѣтъ «Трактата», прошли не безслѣдно для европейской культуры. То, о чемъ Спинозѣ не разрѣшалось даже мечтать, стало одной изъ основъ государственной жизни въ цивилизованныхъ странахъ. Скромный практическій идеалъ Спинозы оказался даже превзойденнымъ: государству не пришлось стѣснять даже и свободу нетерпимыхъ теологовъ, не пришлось обуздывать ихъ притязаній на господство. Одного невмѣшательства государства въ область убѣжденій было достаточно, чтобы религіозная борьба утратила свой острый характеръ и вмѣсто гнета и насилія обратилась къ другимъ орудіямъ, болѣе свойственнымъ духу религіи,—убѣжденію и идейной пропагандѣ. Но въ 17-мъ вѣкѣ «богословская ненависть», противъ которой направленъ былъ «Трактатъ», нашла въ немъ для себя обильную пищу. Возникла цѣлая полемическая литература. Она не дала ничего. заслуживающаго вниманія. Въ ней изобилуютъ обычные полемическіе перлы: «лжеучитель, рожденный на погибель религіи и государства», «книга, полная открытій, которыя могли быть почерпнуты только въ аду» и т. д. Послѣднее выраженіе принадлежитъ извѣстному уже читателямъ Блейенбургу, бывшему корреспонденту Спинозы, выступившему теперь съ сочиненіемъ, посвященнымъ опроверженію его взглядовъ. Одинъ изъ критиковъ излагаетъ содержаніе «Трактата» въ слѣдующемъ видѣ:

«Этотъ безбожный писатель, ослѣпленный невѣроятной самонад[еян]ностью, простеръ свое безстыдство и нечестіе до того, что с[...]

утверждать, будто пророчества основаны исключительно на обманчивомъ воображенiи пророковъ, будто пророки были подвержены заблужденiямъ такъ-же, какъ апостолы; причемъ и тѣ, и другiе писали, руководствуясь своимъ естественнымъ разумомъ, безъ посредства какого бы то ни было откровенiя или руководства свыше; и мало того, будто бы они старались приноровить религiю къ понятiямъ того времени, основывая ее на принципахъ наиболѣе распространенныхъ и знакомыхъ каждому, а потому и теперь при толкованiи писанiя каждому предоставляется свобода объяснять его себѣ, руководствуясь собственнымъ разумомъ и согласно собственнымъ взглядамъ.»

Даже добродушный Колерусъ, съ глубокимъ уваженiемъ относящiйся къ нравственной личности Спинозы, приходитъ въ ужасъ отъ такого нечестiя и восклицаетъ: «Да разразитъ тебя Господь, сатана, и да сомкнетъ нечестивыя уста твои!» Полемическая литература играла впрочемъ въ борьбѣ противъ «Трактата» ничтожную роль; скоро на первый планъ выступила другая «литература»—доносовъ и «представленiй».

Анонимъ автора раскрытъ былъ скоро. Спиноза лично не прилагалъ никакихъ старанiй, чтобы скрыть свое авторство. Обыкновенно столь осторожный, когда дѣло шло о *неизданныхъ* произведенiяхъ, онъ въ 1671 году предлагаетъ совершенно ему незнакомому Лейбницу экземпляръ «Теологико-Политическаго Трактата» въ благодарность за присланную Лейбницемъ статью по оптикѣ. Трогательное впечатлѣнiе производитъ оговорка, дѣлаемая при этомъ Спинозой: «если только вамъ это не будетъ непрiятно». Какой травлѣ долженъ былъ онъ подвергаться, если у него могла возникнуть такая мысль по отношенiю къ произведенiю, въ которое вложено было много труда, таланта и убѣжденiя! И предлагалось съ такой деликатностью это произведенiе молодому человѣку, только-что выступившему на литературное поприще со слабой статьей, по отношенiю къ которому при нормальныхъ условiяхъ подарокъ Спинозы былъ бы мало заслуженнной честью... Съ «Трактатомъ» Лейбницъ былъ знакомъ однако уже ранѣе; о томъ, что написалъ его Спиноза, авторъ извѣстныхъ Лейбницу «Основъ декартовой философiи», ему сообщилъ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ «Трактата» утрехтскiй его корреспондентъ, Гревiй. Точно также типографъ, замѣнившiй на заглавномъ листѣ книги свое имя вымышленнымъ, привезъ Колерусу нѣсколько экземпляровъ «Трактата», «не подозрѣвая, въ какой мѣрѣ это сочиненiе было зловреднымъ». Все это подтверждаетъ высказанное нами ранѣе предположенiе, что предосторожности, принятыя при печатанiи «Трактата», имѣли цѣлью оградить отъ непрiятностей правительство, расположенное къ Спинозѣ и не желавшее принимать противъ его книги

крутыхъ мѣръ. Теологи принудили однако-же правительство сдѣлать послѣднее. Въ началѣ 1671 года «Трактатъ» былъ запрещенъ утрехтскими властями, въ 1674 — голландскими, когда послѣ умерщвленія де-Виттовъ власть перешла въ руки оранской партіи. На книгу продолжалъ тѣмъ не менѣе существовать спросъ, и типографы нашли выгоднымъ для себя отпечатать ее (въ 1673 г.) въ трехъ контрабандныхъ изданіяхъ подъ вымышленными заглавіями, не дававшими возможности предположить, что подъ ними скрывается «столь опасная» книга. Заглавія эти были слѣдующія: 1) «Первое собраніе историческихъ сочиненій Даніила Гейнзія. Второе, исправленное и дополненное изданіе»; 2) «Новая теорія всеобщей медицины Франциска де-ла Боэ-Сильвія»; 3) «Собраніе хирургическихъ произведеній Фр. Генрикеца де-Виллакорта, лейбъ-медика королей Филиппа IV и Карла II». Послѣднимъ заглавіемъ повидимому хотѣли обезпечить книгѣ доступъ въ Испанію. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ «Трактата» затѣянъ былъ переводъ его на голландскій языкъ, но изданіе перевода было пріостановлено по настойчивой просьбѣ самого Спинозы, предвидѣвшаго, что выходъ его въ свѣтъ неминуемо повлечетъ за собой запрещеніе оригинальнаго трактата. Послѣдняго ему не удалось предотвратить, но голландскій переводъ вышелъ въ свѣтъ только въ 1693 году, спустя много лѣтъ послѣ смерти Спинозы. Нѣсколькими годами ранѣе появился англійскій переводъ, а французскій вышелъ въ свѣтъ уже черезъ годъ послѣ смерти Спинозы, въ 1678 году, также въ трехъ изданіяхъ подъ различными заглавіями.

Какъ относился Спиноза къ агитаціи, возбужденной противъ него протестантскимъ духовенствомъ, мы не знаемъ. Съ обычнымъ своимъ самообладаніемъ, заставляющимъ его избѣгать въ перепискѣ всего, что можетъ вызвать личное сочувствіе въ его корреспондентахъ, онъ не касается нигдѣ этого вопроса. По всей вѣроятности она производила на него тяжелое впечатлѣніе: становилось яснымъ, что изданіе «Этики», которому онъ одно время думалъ расчистить путь «Теологико-Политическимъ Трактатомъ», встрѣтитъ непреодолимыя препятствія. Къ критикѣ, направленной противъ «Трактата», онъ однако же относится юмористически.

«Книгу, написанную противъ меня утрехтскимъ профессоромъ (Мансфельдомъ), – пишетъ онъ неизвѣстному корреспонденту въ 1674 г., — я видѣлъ выставленною въ окнѣ одного книгопродавца и изъ того немногаго, что успѣлъ прочесть въ ней, убѣдился, что она не засл[illegible]ваетъ даже прочтенія, не говоря уже о возраженіи. Поэтому я [illegible]вилъ въ покоѣ какъ книгу, такъ и ея автора, съ улыбкой разм[illegible] о томъ, что люди наиболѣе невѣжественные постоянно выказы[illegible]

какую-то особенную смѣлость и готовность къ писанію книгъ. Невольно приходитъ въ голову, что *теологи* (догадка Мартино, въ подлинникѣ пропускъ) выставляютъ свой товаръ точно коробейники, имѣющіе обыкновеніе показывать сначала то, что похуже.»

Несравненно болѣе удручающее впечатлѣніе произвели на Спинозу письма Ольденбурга, переписка съ которымъ по почину послѣдняго (и повидимому подъ впечатлѣніемъ восторженныхъ разсказовъ находившагося тогда въ Лондонѣ друга Спинозы, Чиргауса) возобновилась въ 1675 году. Узнавъ, что подготовляется къ печати «Этика», Ольденбургъ проситъ Спинозу не помѣщать туда «ничего такого, что могло бы поколебать религіозную добродѣтель», а предложеніе Спинозы выслать нѣсколько экземпляровъ «Этики» въ Лондонъ принимаетъ съ сдержанностью, которая, по мнѣнію Мартино, была бы умѣстна развѣ по отношенію къ «бочкѣ съ динамитомъ».

«Желательно было бы получить болѣе подробныя разъясненія,—съ изумленіемъ спрашиваетъ Спиноза,—какія именно положенія моей книги («Теологико-Политическаго Трактата») вы считаете способными поколебать религіозную добродѣтель. Ибо въ моихъ глазахъ все, согласное съ разумомъ, не можетъ принести дѣлу истинной добродѣтели ничего, кромѣ величайшей пользы...»

Слѣдующія письма съ очевидностью раскрываютъ, что между міросозерцаніемъ Спинозы и Ольденбурга существуетъ незаполнимая пропасть, что Ольденбургъ въ сущности никогда не понималъ Спинозу, не представлялъ себѣ, въ какой степени міровоззрѣніе Спинозы расходится съ общепринятымъ. Въ письмѣ отъ 1675 года (іюль) Спиноза сообщаетъ Ольденбургу, что въ іюнѣ онъ отправился въ Амстердамъ для печатанія «Этики.

«Пока однако же я хлопоталъ объ этомъ,—пишетъ онъ,—распространился слухъ, что я печатаю какую-то книгу о Богѣ, и что въ этой книгѣ я будто бы пытаюсь доказать, что никакого Бога не существуетъ. Это послужило поводомъ для нѣкоторыхъ теологовъ сдѣлать на меня тайный доносъ принцу и магистрату. Къ нимъ примкнуло нѣсколько тупоумныхъ картезіанцевъ, которые не переставали и не перестаютъ открещиваться отъ всѣхъ моихъ мнѣній и писаній. Узнавъ все это, я рѣшился отложить изданіе, пока не выяснится, какой оборотъ приметъ все это дѣло. Между тѣмъ дѣла идутъ со дня на день все хуже, и я не знаю еще, что предприму.»

Извѣстіе это Ольденбургъ, нѣкогда уговаривавшій Спинозу не смущаться толками черни отъ философіи и теологіи, убѣждавшій его «распустить паруса», встрѣчаетъ теперь безъ особеннаго огорченія. По всей вѣроятности онъ даже радовался, что не выйдетъ въ свѣтъ книга, «могущая поколебать религіозную добродѣтель». «Этика» такъ и не вышла въ свѣтъ при жизни Спинозы. Она издана была уже послѣ его смерти друзьями, обставившими изданіе

такой таинственностью, что имя издателя (д-ра Г. Шуллера) удалось выяснить только недавно.

Среди этой травли, поднятой теологами, волненій и неудачъ Спинозу должно было крайне изумить письмо, полученное имъ въ 1673 году—спустя три года по выходѣ въ свѣтъ «Трактата»—отъ профессора теологіи гейдельбергскаго университета, совѣтника курфюрста пфальцскаго, Л. Фабриціуса. Въ сдержанныхъ выраженіяхъ, показывающихъ, какъ непріятна была профессору теологіи возложенная на него миссія, Фабриціусъ пишетъ Спинозѣ слѣдующее:

«Знаменитѣйшій мужъ,—

мой всемилостивѣйшій государь, свѣтлѣйшій курфюрстъ пфальцскій, поручилъ мнѣ написать къ вамъ, — лицу, мнѣ до сихъ поръ незнакомому, но весьма отличаемому свѣтлѣйшимъ княземъ, — съ тѣмъ, чтобы спросить васъ: согласны ли вы будете принять на себя должность ординарнаго профессора философіи въ его знаменитомъ университетѣ. Нигдѣ въ иномъ мѣстѣ вы не встрѣтите государя, въ такой мѣрѣ покровительствующаго всѣмъ выдающимся людямъ, къ числу которыхъ онъ причисляетъ и васъ. Вамъ будетъ предоставлена полнѣйшая свобода философствовать, которою, онъ надѣется, вы не станете пользоваться для потрясенія основъ государственнаго вѣроисповѣданія. Я не могъ ослушаться повелѣнія мудрѣйшаго государя... Покорнѣйше прошу васъ отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе. Отъ себя прибавлю только, что, переѣхавъ сюда, вы будете имѣть возможность вести жизнь, достойную философа и преисполненную наслажденій...»

Спиноза отвѣтилъ спустя полтора мѣсяца. Повидимому онъ долго раздумывалъ надъ предложеніемъ. Оно исходило отъ одного изъ гуманнѣйшихъ государей Европы, Карла-Людвига, воскресившаго гейдельбергскій университетъ, построившаго въ своей резиденціи—въ вѣкѣ, не отличавшемся вѣротерпимостью,—храмъ Согласія трехъ христіанскихъ исповѣданій. Обращенное къ «еврею, отлученному за свои чудовищные взгляды отъ синагоги» (такъ характеризовалъ Спинозу Лейбницъ въ 1672 году) и подвергавшемуся теперь травлѣ со стороны протестантскихъ теологовъ, оно свидѣтельствовало о высокой вѣротерпимости курфюрста. О томъ, что Спиноза былъ авторомъ «Теологико-Политическаго Трактата», курфюрстъ не могъ не знать. «Трактатъ» получилъ широкую, общеевропейскую и малолестную по тогдашнимъ понятіямъ для автора извѣстность. Семья курфюрста долгое время жила въ изгнаніи въ Нидерландахъ и имѣла тамъ связи, далеко превосходившія связи Лейбница, которому однакоже имя автора «Трактата» стало извѣстно скоро. Оговорка относительно государственной религіи ясно показывала, что курфюрстъ и Фабриціусъ знаю-
кѣмъ они имѣютъ дѣло. Между тѣмъ въ Нидерландахъ пол
дѣлъ существенно измѣнилось къ худшему. Янъ-де-Виттъ

убитъ въ предшествовавшемъ году и во главѣ республики опять стояла оранская партія, покровительствовавшая ортодоксальнымъ кальвинистамъ. Предложеніе представлялось заманчивымъ. Оговорка относительно государственной религіи въ предложеніи, обращенномъ къ автору «Теологико-Политическаго Трактата», могла въ сущности, по остроумному замѣчанію Бэйля, имѣть только значеніе необходимой любезности по адресу теологовъ, смягчавшей горечь возмутительнаго съ ихъ точки зрѣнія факта. Тѣмъ не менѣе оговорка въ письмѣ была, и авторы письма могли придавать ей болѣе серьезное значеніе. Принятіе профессуры на такихъ условіяхъ могло поставить Спинозу въ ложное положеніе, являлось бы отказомъ отъ свободы изслѣдованія, которую онъ купилъ такой дорогой цѣной и отстаивалъ цѣной всякихъ лишеній.

«Если бы,—отвѣтилъ Спиноза Фабриціусу,—я когда-либо стремился занять каѳедру на какомъ-либо факультетѣ, то конечно я могъ бы желать лишь той, которую мнѣ предлагаетъ черезъ васъ свѣтлѣйшій курфюрстъ—особенно въ виду свободы изслѣдованія, предоставляемой мнѣ всемилостивѣйшимъ княземъ. Но такъ какъ я никогда не имѣлъ намѣренія выступать на поприщѣ публичнаго преподаванія, то, сколько я ни размышлялъ, я никакъ не могъ рѣшиться воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ. Во-первыхъ, я думаю, что обученіе юношества воспрепятствовало бы моимъ дальнѣйшимъ философскимъ занятіямъ; во-вторыхъ, я не знаю, въ какихъ предѣлахъ должна заключаться предоставляемая мнѣ свобода философствованія, чтобы не вызвать подозрѣнія въ посягательствѣ на государственную религію. Причиной раздоровъ по религіознымъ вопросамъ бываетъ обыкновенно не столько страстность самаго религіознаго чувства, сколько различныя чисто-человѣческія страсти и тотъ духъ противорѣчія, благодаря которому все, даже правильно сказанное, можетъ быть извращено и подать поводъ къ осужденію. Испытавъ подобныя непріятности даже въ моей одинокой частной жизни, я имѣю тѣмь большее основаніе опасаться ихъ по достиженіи высшаго положенія. Итакъ вы видите, славнѣйшій мужъ, что не надежда на какую-либо лучшую участь удерживаетъ меня, но лишь любовь къ спокойствію, которую я надѣюсь до нѣкоторой степени обезпечить себѣ воздержаніемъ отъ публичныхъ чтеній. Въ виду всего этого покорнѣйше прошу свѣтлѣйшаго курфюрста, чтобы онъ соблаговолилъ освободить меня отъ предназначенной мнѣ обязанности»...

Тутъ же кстати отмѣтимъ, что Спиноза былъ противникомъ государственнаго университетскаго преподаванія. Мотивы такого отношенія, ярко характеризующіе этотъ смѣлый и свободный духъ, состоятъ въ томъ, что «государственныя учебныя заведенія ставятъ себѣ задачей не столько воспитаніе умовъ, сколько дрессировку ихъ. Науки и искусства могутъ процвѣтать только въ томъ случаѣ, если всякому предоставлена свобода учить на свой рискъ и страхъ». («Политич. Трактатъ», гл. VIII)

Письмо Фабриціуса застало Спинозу въ Гаагѣ. Онъ жилъ здѣсь

съ 1669 года, сначала на полномъ пансіонѣ у вдовы ванъ-Вельденъ, потомъ, найдя, что жить на пансіонѣ ему не по средствамъ, переѣхалъ къ живописцу ванъ-деръ-Спику. Въ томъ домѣ, гдѣ вдова ванъ-Вельденъ сдавала жильцамъ комнаты съ пансіономъ, жилъ впослѣдствіи Колерусъ. Память о Спинозѣ была еще свѣжа. Живы были еще люди, не только лично знавшіе его, но близко знакомые до мелочей со всей обстановкой его жизни. Колерусъ заинтересовался разсказами о своемъ предшественникѣ по квартирѣ и сталъ собирать о немъ свѣдѣнія. Послѣднія настолько противорѣчили небылицамъ, распущеннымъ врагами, что честный пасторъ счелъ своимъ долгомъ возстановить въ памяти потомства истинный образъ мыслителя, оклеветаннаго современниками. Колерусу несимпатичны убѣжденія философа, но на всемъ его разсказѣ лежитъ печать глубокаго уваженія, которое нравственная личность Спинозы внушала простодушнымъ свидѣтелямъ его будничной жизни. Послѣдуемъ за Колерусомъ и попробуемъ возстановить образъ жизни Спинозы, извѣстный намъ, благодаря обстоятельности біографа, до мелочей.

Несмотря на то, что Спиноза переѣхалъ въ Гаагу изъ Ворбурга, уступая настойчивымъ просьбамъ гаагскихъ друзей, желавшихъ почаще имѣть возможность видѣться съ нимъ, онъ жилъ здѣсь въ высшей степени уединенно и рѣдко выходилъ изъ дому. «Онъ принималъ больше визитовъ, чѣмъ возвращалъ». Случалось, онъ по два, по три дня не выходилъ изъ своей комнаты. Разъ какъ-то онъ не оставлялъ своей комнаты втеченіи трехъ мѣсяцевъ, какъ разсказываютъ издатели его посмертныхъ произведеній. Писалъ онъ ночью и въ ночные часы, съ 10 до 3, написана большая часть его произведеній, эти «дѣтища мрака», какъ справедливо ихъ поэтому называетъ Кортгольтъ. Чтобы освѣжить свой умъ, онъ развлекался, наблюдая борьбу мухъ и пауковъ и разсматривая подъ микроскопомъ «мельчайшихъ насѣкомыхъ»; Спиноза говорилъ при этомъ, что наблюдаемые имъ факты вполнѣ согласуются съ другими его выводами. Другимъ его развлеченіемъ было рисованіе. Онъ удачно набрасывалъ портреты углемъ и перомъ. Колерусъ видѣлъ альбомъ рисунковъ Спинозы, между которыми были портреты близкихъ къ нему государственныхъ дѣятелей, а также самого Спинозы въ костюмѣ Мазаніэлло, знаменитаго вождя неаполитанскихъ мятежниковъ. На основаніи этого каприза перомъ одинъ изъ англійскихъ біографовъ дѣлаетъ заключеніе о политическихъ патіяхъ Спинозы. Портретъ, по словамъ ванъ-деръ-Спика, чался большимъ сходствомъ.

Значительную часть своего времени Спиноза принужденъ былъ посвящать труду, ускорившему вѣроятно его смерть: вдыханіе мелкой стекольной пыли вредно отзывалось на его больныхъ легкихъ. Въ числѣ его друзей были богатые люди, считавшіе своей обязанностью облегчить его положеніе и не разъ упрашивавшіе его принять ихъ помощь. Но предложенія помощи всегда встрѣчали со стороны Спинозы рѣшительный отпоръ. Когда одинъ изъ лучшихъ его друзей, членъ близкаго къ Спинозѣ интимнаго кружка, Симонъ-де-Врисъ, упрашивалъ его принять 2.000 флориновъ, Спиноза вѣжливо, но твердо отклонилъ подарокъ, заявляя, что ни въ чемъ не нуждается, и что такая большая сумма отвлекла бы его отъ занятій. Передъ смертью Симонъ-де-Врисъ, умершій въ молодыхъ лѣтахъ, хотѣлъ завѣщать Спинозѣ все свое состояніе, но Спиноза уговорилъ его этого не дѣлать и заставилъ написать завѣщаніе въ пользу законнаго наслѣдника. брата. Горячо привязанный къ Спинозѣ Симонъ-де-Врисъ обязалъ однако же въ завѣщаніи брата выплачивать Спинозѣ ежегодную пенсію въ 500 флориновъ. Уступая настояніямъ наслѣдника, Спиноза согласился принимать пенсію, но, находя, что пятисотъ флориновъ для него слишкомъ много, уменьшилъ ее до трехсотъ. Въ послѣдніе годы его жизни къ этой пенсіи присоединилась другая небольшая пенсія, завѣщанная ему Яномъ-де-Виттомъ въ благодарность за руководство въ научныхъ занятіяхъ и «за совѣты въ политическихъ дѣлахъ», какъ полагаютъ нѣкоторые біографы. Но этой поддержкой Спиноза могъ пользоваться только въ ту пору жизни, когда изнурительная болѣзнь довела его до крайней степени истощенія.

Отклоняя помощь со стороны друзей, Спиноза въ то же время былъ такъ бѣденъ, что принужденъ былъ отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ. Пансіонъ у вдовы ванъ-Вельденъ оказался ему не по средствамъ, и, переѣхавъ къ ванъ-деръ-Спикамъ, онъ самъ готовилъ себѣ пищу. Объ этой скудной пищѣ сохранилъ подробныя свѣдѣнія Колерусъ. Иногда Спиноза втеченіи цѣлаго дня обходился молочнымъ супомъ и кружкой пива. «И хотя, прибавляетъ біографъ, онъ часто получалъ приглашенія къ обѣду, однако предпочиталъ свою скудную пищу вкуснымъ обѣдамъ на счетъ другихъ». Но даже при такихъ условіяхъ Спиноза едва сводилъ концы съ концами и шутя сравнивалъ себя по этому поводу съ «змѣей, держащей въ зубахъ конецъ собственнаго хвоста». Чтобы удержать «въ зубахъ конецъ собственнаго хвоста», онъ составлялъ для себя годичную смѣту и тщательно подводилъ свои счета каждые три мѣсяца, чтобы не истратить болѣе, чѣмъ въ ней значилось.

Одѣвался онъ бѣдно, ходилъ въ одеждѣ «простого мѣщанина», и добросовѣстный біографъ сохранилъ анекдотъ о халатѣ Спинозы небезукоризненной чистоты.

Такую суровую жизнь велъ мыслитель, не видѣвшій въ аскетизмѣ добродѣтели. Спиноза высоко цѣнилъ греческій идеалъ здоровой, веселой, гармонически-развитой личности.

«Только мрачное и печальное суевѣріе,—пишетъ онъ въ «Этикѣ»,—можетъ препятствовать намъ наслаждаться. Въ самомъ дѣлѣ, почему болѣе подобаетъ утолять голодъ и жажду, чѣмъ прогонять меланхолію? Мое мнѣніе таково: никакое божество и никто, кромѣ ненавидящихъ меня, не можетъ находить удовольствіе въ моемъ безсиліи и моихъ несчастіяхъ и ставить намъ въ достоинство слезы, рыданія, страхъ и прочее въ этомъ родѣ, свидѣтельствующее о душевномъ безсиліи. Наоборотъ, чѣмъ большему удовольствію мы подвергаемся, тѣмъ къ большему совершенству мы переходимъ, т. е. тѣмъ болѣе мы становимся необходимымъ образомъ причастными божественной природѣ. Такимъ образомъ дѣло мудреца пользоваться вещами и, насколько возможно, наслаждаться ими,—но не до отвращенія, ибо это уже не есть наслажденіе. Мудрецу слѣдуетъ,—говорю я,—поддерживать и возстановлять себя умѣренной и пріятной пищей и питьями, а также благоуханіемъ и красотой зеленѣющихъ растеній, красивой одеждой, музыкой, играми и упражненіями, театромъ и другими подобными вещами, которыми каждый можетъ пользоваться безъ всякаго вреда другому. Вѣдь тѣло человѣческое слагается изъ весьма многихъ частей различной природы, которыя безпрестанно нуждаются въ новомъ и разнообразномъ питаніи для того, чтобы все тѣло было одинаково способно ко всему, что можетъ вытекать изъ его природы, и слѣдовательно, чтобы душа также была способна къ совокупному постиженію многихъ вещей.»

Этого «лучшаго образа жизни» не могъ вести Спиноза: обстоятельства его жизни сложились такъ, что сохранить свою духовную свободу и независимость онъ могъ только при жизни полной лишеній и нужды. Бремя матеріальныхъ лишеній и нравственныхъ ударовъ Спиноза несъ съ замѣчательной выдержкой.

«Никто не видалъ его ни сильно опечаленнымъ, ни особенно веселымъ,—разсказываетъ Колерусъ.—Онъ умѣлъ удивительно господствовать надъ своими страстями, владѣть собой въ минуты досады и непріятностей, встрѣчавшихся на его жизненномъ пути, и не допускалъ никакихъ внѣшнихъ проявленій своего душевнаго настроенія. Если же ему случалось выдать свое огорченіе какимъ нибудь словомъ или движеніемъ, онъ тотчасъ же удалялся.»

Спокойное и ровное настроеніе, въ которомъ всегда видѣли Спинозу, какъ видно уже изъ приведеннаго отрывка, не было апатичнымъ равнодушіемъ тряпичной души, смиренно преклоняющейся передъ житейскими бѣдами, не имѣющей за собой ничего, что она желала бы видѣть осуществленнымъ во внѣшнемъ мір[illegible] этой смѣлой и гордой душѣ жили страсти. Объ этомъ сви[illegible]ствуетъ уже желѣзный, сильный и мужественный языкъ п[illegible]

деній Спинозы, мѣстами доходящій до краснорѣчія политическаго трибуна, часто переходящій въ безпощадный сарказмъ. Но эти страсти обуздывала сильная воля, а свѣтлый умъ направлялъ ихъ въ единственное возможное, соотвѣтствующее требованіямъ разума и справедливости русло. Ненависть къ людямъ Спиноза осуждалъ, такъ какъ «не обольщался ложнымъ призракомъ человѣческой свободы». Но къ теоремѣ, гласящей, что «ненависть никогда не можетъ быть хороша», онъ дѣлаетъ многозначительную оговорку, что имѣетъ въ виду *только ненависть къ людямъ*. Нѣтъ ничего полезнѣе для человѣка, чѣмъ человѣкъ, и люди, виновные въ вопіющихъ несправедливостяхъ по отношенію къ намъ, при другихъ общественныхъ условіяхъ могли бы быть надежнѣйшими нашими помощниками, вѣрнѣйшими союзниками. Не люди виновны въ общественныхъ неправдахъ, виновны въ нихъ формы общественной жизни, общественныя условія и создаваемыя тѣми и другими понятія, разъединяющія людей, въ сущности являющихся сотрудниками на общей нивѣ. «Не плакать и не смѣяться» поэтому слѣдуетъ по поводу недостатковъ человѣческой природы, а вникать въ причины явленій и вести противъ этихъ причинъ разумную, цѣлесообразную, не ослѣпляемую страстями борьбу. Равнодушнаго отношенія къ общественнымъ неправдамъ Спиноза не допускалъ. Въ «Теологико-Политическомъ трактатѣ» онъ вмѣняетъ въ обязанность гражданину бороться противъ неправды всѣми доступными законными средствами, и лично себя онъ не считалъ вправѣ уклоняться отъ этой обязанности гражданина. Противъ административной высылки своей изъ Амстердама онъ считалъ своимъ долгомъ протестовать. Когда послѣ смерти отца сестры Спинозы оспаривали права его на наслѣдство, утверждая, что отлученіе влечетъ за собой лишеніе всѣхъ гражданскихъ правъ, то Спиноза, такъ старательно избѣгавшій всего, что могло нарушить мирное теченіе его жизни, предъявилъ искъ, чтобы не создавать опаснаго въ политическомъ отношеніи прецедента. Искъ Спиноза выигралъ и тогда уступилъ причитавшуюся ему долю наслѣдства сестрамъ. Только сознаніе гражданскаго же долга—въ болѣе широкой сферѣ—могло заставить Спинозу отложить окончаніе давно задуманныхъ произведеній и выступить противъ глубокой общественной язвы своего времени—религіозной и политической нетерпимости—съ «Теологико-Политическимъ трактатомъ».

Бесѣды Спинозы—разсказываетъ Колерусъ—были кротки и спокойны. Онъ любилъ простыхъ людей и, почувствовавъ усталость послѣ занятій, часто спускался къ хозяевамъ выкурить

трубку табаку и «бесѣдовалъ съ ними о всякихъ пустякахъ». Въ обращеніи онъ былъ очень простъ и привѣтливъ, часто разговаривалъ со своей хозяйкой, когда она была больна послѣ родовъ, и со всѣми жившими въ домѣ, если съ ними случалось какое-нибудь горе или болѣзнь. Тогда Спиноза старался утѣшить ихъ и внушить имъ терпѣніе къ перенесенію страданій. Онъ не навязывалъ сожителямъ своихъ убѣжденій и любилъ бесѣдовать съ ними по поводу проповѣдей предшественника Колеруса, пастора Кордеса, «мужа ученаго, добраго и извѣстнаго своей примѣрной жизнью», причемъ старался обращать ихъ вниманіе на вытекающій изъ проповѣди нравственный выводъ. Иногда, чтобы имѣть матеріалъ для этихъ бесѣдъ, Спиноза самъ отправлялся послушать Кордеса. Жена ванъ-деръ-Спика, видѣвшая въ своемъ кроткомъ жильцѣ чуть ли не святого, обратилась къ нему разъ съ вопросомъ, можетъ ли она спастись, принадлежа къ исповѣдуемой ею религіи. Спиноза отвѣтилъ ей: «ваша религія хороша, вы не должны искать другой и сомнѣваться въ своемъ спасеніи, если только вы не будете довольствоваться внѣшнею набожностью, но будете въ то же время вести кроткую и мирную жизнь».

Кромѣ этихъ простыхъ людей, свидѣтелей его будничной жизни, которыхъ Спиноза привязалъ къ себѣ своей кротостью и простотой, кромѣ ряда лицъ, обращавшихся къ нему за разъясненіемъ научныхъ вопросовъ или по поводу своихъ личныхъ невзгодъ и встрѣчавшихъ всегда со стороны Спинозы полную готовность помочь имъ, у Спинозы былъ еще кружокъ интимныхъ друзей. Отъ этихъ друзей у него не было ничего завѣтнаго: имъ посылались не только законченныя произведенія, но и первые ихъ наброски, отдѣльныя положенія, письма, получавшіяся Спинозой, и его отвѣты. Въ этотъ кружокъ «посвященныхъ» Спиноза естественно вводилъ не легко, а въ послѣдніе годы его жизни, подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, усилившихъ его замкнутость, доступъ въ кружокъ сдѣлался еще болѣе затруднительнымъ. Отъ вводимыхъ въ него Спиноза требовалъ не только значительнаго умственнаго развитія, но и извѣстныхъ нравственныхъ качествъ. Любопытна съ этой стороны исторія отношеній между Лейбницемъ и Спинозой.

Врядъ ли можно найти въ исторіи новой философіи болѣе противоположныя натуры, чѣмъ эти два «короля европейской мысли» XVII вѣка. Одинъ—убѣжденный боецъ за свободу мысли и слова, другой — двадцатидвухлѣтнимъ юношей (такая молодость и такая зрѣлость!) сочиняетъ проектъ строгой цензуры противъ ... нихъ ученій». У одного личное «я» совершенно отсутствуе

сутствіе тщеславія доходитъ у него до того, что онъ запрещаетъ выставить на своихъ посмертныхъ произведеніяхъ свое имя, «ибо кто желаетъ помогать людямъ совѣтомъ, не будетъ привлекать вниманіе людей съ тою цѣлью, чтобы извѣстное ученіе получило отъ него свое имя», и въ то же время это—гордый мыслитель, считающій «награду» оскорбленіемъ, возстающій противъ постановки памятниковъ великимъ людямъ, «потому что за заслуги награждаютъ только рабовъ» Другой вѣчно носится съ своимъ блестящимъ и въ то же время столь мелочнымъ и ничтожнымъ «я», гоняется за мелкими отличіями, весь погружается въ омутъ придворныхъ интригъ... Исканіе нравственной правды проходитъ красной нитью черезъ всю жизнь, черезъ все творчество Спинозы. Надъ вопросомъ объ «истинномъ благѣ» останавливался еще юноша и посвятилъ ему свое первое рукописное произведеніе; ему же посвященъ самый зрѣлый великій его посмертный трудъ. Но въ то же время Спиноза убѣжденъ, что «все, согласное съ разумомъ, не можетъ принести дѣлу добродѣтели ничего, кромѣ величайшей пользы». Лейбницъ всю свою жизнь «спасаетъ» религію и нравственность отъ посягательствъ разума; другъ патеровъ и сильныхъ міра, старающійся угодить своими философскими изслѣдованіями іезуитамъ, онъ сыплетъ на-право и на-лѣво обвиненіями въ атеизмѣ и безнравственности «не столько подъ вліяніемъ страстности самаго религіознаго чувства, какъ говоритъ глубокій знатокъ человѣческаго сердца, Спиноза, сколько подъ вліяніемъ чисто-человѣческихъ страстей» и нарекаетъ себя за свои заслуги передъ «религіей и нравственностью» *Теофиломъ* (боголюбомъ)... И судьба обоихъ была различна. Спиноза жилъ и умеръ пролетаріемъ, Лейбницъ къ концу жизни получилъ возможность украсить свою фамилію частичкой «von». Когда ученіе Спинозы лежало погребеннымъ подъ слоемъ позора и клеветы, правовѣрная философія Лейбница, болѣе поздняя по времени, болѣе старая по духу, неограниченно царствовала надъ европейскою мыслью, и Лейбницъ не стѣснялся называть ученіе своего великаго предшественника, и безъ того внушавшее всѣмъ ужасъ, опаснымъ и вреднымъ. Кто изъ нихъ былъ счастливѣе? Каждый вѣроятно былъ счастливъ и несчастливъ по-своему. Спиноза страдалъ отъ того, что ему «мѣшаютъ помогать людямъ совѣтомъ», Лейбницъ, не удовлетворяясь частицей «von», мечталъ о титулѣ барона. Но въ числѣ горькихъ элементовъ жизни Лейбница извѣстную роль игралъ и Спиноза. Всю жизнь Лейбницъ страдалъ отъ того, что въ «Перепискѣ» Спинозы, по недосмотру печатавшихъ ее друзей Спинозы (и пріяте-

лей Лейбница) напечатано было письмо его къ покойному мыслителю. Даже на склонѣ своей жизни, оканчивая «Теодицею», Лейбницъ, достаточно доказавшій свою благонамѣренность, «спасшій религію и нравственность», не можетъ отдѣлаться отъ боязни, что его скомпрометтируетъ знакомство съ опаснымъ философомъ, и онъ старается выставить на видъ невинный характеръ этого знакомства, умалить значеніе своего визита къ Спинозѣ. Но, что еще горче, Лейбницу воздаютъ тѣми же обвиненіями, которыми онъ самъ такъ злоупотреблялъ. Его, съ такой страстностью открещивавшагося отъ Спинозы, бранившаго Спинозу при всякомъ случаѣ, обвиняютъ въ «спинозизмѣ», и не безъ основанія. Въ его набожную философію вкрались элементы этого мощнаго ученія, и теологи съ ужасомъ отмѣчаютъ, что люди, не могущіе достать сочиненій Спинозы, ставшихъ библіографической рѣдкостью, отыскиваютъ «слѣды спинозизма» въ сочиненіяхъ Лейбница — Вольфа.

Письмо, доставившее столько грустныхъ минутъ Лейбницу, было написано имъ въ 1671 году вскорѣ послѣ того, какъ Лейбницъ узналъ, кто авторъ «Теологико-Политическаго трактата». Одной изъ основныхъ чертъ натуры Лейбница была повидимому страсть къ авантюрамъ. За три года передъ тѣмъ онъ написалъ свой проектъ цензуры по отношенію къ крайнимъ ученіямъ и, стало быть, зналъ, какъ они опасны и вредны. И однакоже запретный плодъ его манитъ. Въ письмѣ къ своему учителю Томазію онъ называетъ «Левіаѳанъ» Гоббса чудовищной книгой и чудовищными же объявляетъ взгляды Спинозы. Тѣмъ не менѣе ему очень хочется познакомиться съ тѣмъ и другимъ. Гоббсу онъ пишетъ льстивое письмо, но чувствительный вообще къ лести Гоббсъ почему-то ему не отвѣтилъ. Раздраженный Лейбницъ пишетъ Томазію, что «по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Англіи, Гоббсъ впадаетъ въ дѣтство», и однакоже спустя два года опять старается завязать знакомство съ престарѣлымъ англійскимъ мыслителемъ, обнаруживая при этомъ «настойчивость, граничащую съ назойливостью» (проф. Штейнъ). Спинозѣ онъ посылаетъ при любезномъ письмѣ свою статью по оптикѣ, и Спиноза съ обычной своей вѣжливостью отвѣчаетъ молодому писателю, высказываетъ свое мнѣніе объ его статьѣ и предлагаетъ выслать ему свой «Теологико-Политическій трактатъ», такъ какъ, въ виду полнаго молчанія Лейбница объ этомъ предметѣ, полагаетъ, что тотъ его не знаетъ. Лейбницъ знакомъ съ «Трактатомъ», но онъ — осто[illegible] ный дипломатъ. Письмо его стбитъ прочесть: какъ глубо[illegible] счастливъ былъ этотъ человѣкъ, если это ничтожное пись[illegible]

вершенно не касающееся философскихъ и богословскихъ вопросовъ, могло отравлять его существованіе... Трудно рѣшить, продолжалась ли переписка, но во всякомъ случаѣ она продолжалась недолго. Въ 1675 году Лейбницъ знакомится въ Парижѣ съ графомъ Чирнгаусомъ, однимъ изъ членовъ близкаго къ Спинозѣ кружка. Чирнгаусъ, разрушившій своими восторженными разсказами о Спинозѣ предубѣжденія Ольденбурга, сильно заинтересовалъ ими и Лейбница. Недавно найденъ набросокъ послѣдняго, въ которомъ Лейбницъ записалъ основныя положенія философіи Спинозы въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ запомнилъ изъ разговора съ Чирнгаусомъ. Но Лейбницу хотѣлось бы познакомиться съ имѣющимися у Чирнгауса рукописями (копіями) неизданныхъ произведеній Спинозы, и Чирнгаусъ черезъ Шуллера обращается къ Спинозѣ съ просьбой разрѣшить ему показать эти рукописи Лейбницу. Дѣло въ томъ, что члены кружка дали Спинозѣ торжественное обѣщаніе никому не показывать имѣющихся у нихъ рукописей безъ его разрѣшенія. Объясняется это конечно не таинственностью ученія Спинозы. Это «таинственное» ученіе (рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ «Этикѣ») Спиноза все время желаетъ опубликовать, и таинственнымъ дѣлаютъ его теологи и «тупоумные картезіанцы», пишущіе на него доносы принцу и магистрату. И если Спиноза затрудняется давать доступъ къ этимъ рукописямъ недостаточно извѣстнымъ ему лицамъ, то потому, что онъ не желаетъ, чтобы это ученіе сдѣлалось таинственнымъ навсегда. Если уже подъ вліяніемъ однихъ слуховъ о содержаніи «Этики» печатаніе ея встрѣчаетъ препятствія, то слухи эти, поддержанные лицами, могущими доказать, что они знакомы съ «Этикой», въ состояніи погубить ее еще въ рукописи, сдѣлать недоступнымъ знакомство съ нею даже для послѣдующихъ поколѣній. И вотъ Чирнгаусъ, прося у Спинозы разрѣшенія, сообщаетъ, что Лейбницъ обладаетъ всѣми качествами, которыхъ повидимому требовалъ отъ посвященныхъ Спиноза:

«Г. Лейбницъ не перестаетъ работать надъ усовершенствованіемъ своего ума, что̀ онъ считаетъ самой полезной и благодарной работой; въ нравственномъ отношеніи г. Лейбницъ весьма усовершенствованъ,— настолько, что въ разговорѣ свободенъ отъ вліянія аффектовъ и руководствуется однимъ только разумомъ. Въ вопросахъ физическихъ, а еще болѣе метафизическихъ — о Богѣ и душѣ—онъ также весьма искусенъ. Означенный Лейбницъ весьма высоко цѣнитъ вашъ «Теологико-Политическій трактатъ» (о дипломатъ!), о которомъ онъ, если помните, нѣкогда писалъ вамъ.»

Спиноза отвѣчаетъ на эту просьбу въ высшей степени сдержанно. Лейбница онъ знаетъ по письмамъ, и тотъ произвелъ на

него впечатлѣніе человѣка свободомыслящаго и свѣдущаго во всякаго рода наукахъ.

«Но какимъ образомъ, будучи франкфуртскимъ совѣтникомъ, онъ попалъ во Францію? Желательно было бы прежде разузнать, что́ онъ дѣлаетъ во Франціи, и услышать о немъ мнѣніе нашего Чирнгауса послѣ того, какъ послѣдній ближе познакомится съ нимъ и глубже всмотрится въ его характеръ.»

Отвѣтнаго письма Чирнгауса мы не знаемъ, но свѣдѣнія, которыя онъ могъ сообщить, были не особенно утѣшительнаго характера. Лейбницъ попалъ во Францію ради политическихъ интригъ. Онъ хотѣлъ втянуть Францію въ войну съ Турціей, соблазнялъ ее завоевать Египетъ и мечталъ объ аудіенціи у короля-солнца, ненавистнаго всей свободомыслящей Европѣ преслѣдователя гугенотовъ и коварнаго врага горячо любимой Спинозой родины. Кромѣ того Лейбницъ носился съ проектомъ возсоединенія протестантской и католической церквей, что́ могло имѣть слѣдствіемъ только усиленіе и безъ того сильной клерикальной реакціи и совмѣстную борьбу съ крайними ученіями въ тогдашнемъ непомѣрно-широкомъ смыслѣ этого слова (это и было выдвинуто въ проектѣ). Къ «Этикѣ» Лейбницъ не былъ допущенъ—«какой-то добрый геній вродѣ Сократовскаго, пишетъ Куно-Фишеръ, внушилъ Спинозѣ эту сдержанность». Аудіенціи у короля-солнца Лейбницъ также не добился и направилъ свои стопы въ сторону свѣтила несравненно меньшей величины, герцога ганноверскаго, назначившаго его своимъ библіотекаремъ. Отправляясь въ Ганноверъ, гдѣ его ждала блестящая и столь цѣнимая имъ участь: чинъ гофрата, потомъ гехеймрата и наконецъ драгоцѣнная частичка «von». Лейбницъ поѣхалъ черезъ Англію и Голландію, гдѣ хотѣлъ видѣться со Спинозой. Спиноза, бывшій тогда на краю могилы, повидимому колебался принять его, но наконецъ свиданіе состоялось. О чемъ была рѣчь на немъ, мы въ точности не знаемъ. Въ «Теодицеѣ» Лейбницъ старается придать этому компрометтирующему свиданію невинный характеръ и говоритъ, что Спиноза разсказалъ ему много интересныхъ политическихъ анекдотовъ. Изъ писемъ Лейбница къ аббату Галлуа и изъ недавно найденнаго философскаго наброска, написаннаго Лейбницемъ во время разговора со Спинозой, видно, что въ разговорѣ этомъ были затронуты и философскіе вопросы. Можно пожалѣть, что мелочныя соображенія помѣшали Лейбницу оставить намъ болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ свиданіи—одномъ изъ интереснѣйшихъ свиданій: встрѣтил[illegible] только двѣ противоположныхъ натуры, но и два противо[illegible] ныхъ міросозерцанія,—старое, сидящее своими корнями [illegible]

въ схоластикѣ и теологіи, стремящееся къ обоснованію схоластическихъ догматовъ, и новое—отрѣшившееся отъ всякой связи съ схоластикой, выросшее на почвѣ научнаго движенія. Гомперцъ справедливо полагаетъ, что это свиданіе могло бы быть благодарной темой для талантливаго художника, и набрасываетъ проектъ картины. Вольнымъ изложеніемъ этого наброска (у насъ нѣтъ въ настоящее время подъ руками статьи Гомперца) мы и закончимъ настоящую главу.

Поздняя осень. Задняя комнатка въ домикѣ ванъ-деръ-Спика. Въ окна видны оголенныя деревья: дѣйствіе происходитъ въ богатой растительностью Гаагѣ. Скудная обстановка. Видное мѣсто въ ней занимаютъ станокъ для шлифовки стеколъ, первобытнаго устройства микроскопъ, отшлифованныя стекла. Книгъ немного. На стѣнахъ нѣсколько гравюръ и эстамповъ, о которыхъ упоминаетъ Колерусъ, перечисляя инвентарь. Нѣсколько странный контрастъ съ общей жалкой обстановкой представляетъ солидная семейная кровать, которую только Спиноза и оставилъ себѣ изъ приходившагося на его долю наслѣдства, «un lit qui était vraiment bon», какъ говоритъ Колерусъ. Въ комнатѣ два человѣка. Старшій, хозяинъ, съ правильными чертами смуглаго лица южнаго типа (Лейбницъ говорилъ впослѣдствіи, что по наружности Спинозы можно было заключить, что предки его росли подъ андалузскимъ небомъ), съ густыми, вьющимися волосами и длинными черными бровями. Лицо его носитъ на себѣ печать изнурительной болѣзни, которая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сведетъ его въ могилу, но оно спокойно и ясно, это лицо «свободнаго человѣка, никогда не думающаго о смерти». Простая одежда его, носящая явственные слѣды всеразрушающаго времени, представляетъ рѣзкій контрастъ съ изящнымъ дорожнымъ костюмомъ гостя, тридцатилѣтняго еще человѣка, но уже съ слегка полысѣвшей головой (ее можно прикрыть парикомъ), дорожащаго своей внѣшностью. Они только-что оживленно разговаривали, и теперь гость садится къ письменному столу и набрасываетъ свои мысли на бумагу, отъ времени до времени поднося ее къ своимъ сильно-близорукимъ глазамъ.

«Какъ жаль,—заканчиваетъ Гомперцъ свою статью,—что честный живописецъ ванъ-деръ-Спикъ не подслушалъ, о чемъ говорятъ собесѣдники... Могъ ли онъ впрочемъ знать, что въ этотъ моментъ подъ его скромной кровлей нашли себѣ пріютъ двѣ эпохи въ исторіи человѣческой мысли, причемъ, по странной прихоти судьбы, въ лицѣ старшаго изъ собесѣдниковъ воплотилась болѣе молодая эпоха, въ лицѣ младшаго—старая...»

VII. Смерть. Анаоема и апоѳеозъ.

Смерть Яна-де-Витта.—Загадочный эпизодъ.—„Опасный человѣкъ".—Смерть Спинозы.—„Посмертныя произведенія".—Судьбы философіи Спинозы въ XVII и XVIII вѣкахъ.—Гаттемисты.—Возрожденіе философіи Спинозы.—Поздняя почесть.

Однимъ изъ наиболѣе грустныхъ событій послѣднихъ лѣтъ жизни Спинозы была смерть Яна-де-Витта въ 1672 году. Янъ-де-Виттъ былъ растерзанъ настроенной его врагами чернью въ то время, когда онъ возвращался изъ тюрьмы, гдѣ посѣтилъ брата своего Корнелія, заключеннаго по тому же обвиненію въ измѣнѣ. Объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ трагическую смерть братьевъ де-Виттовъ, мы говорили въ первой главѣ. Извѣстіе объ этомъ событіи — если вѣрить Лейбницу — лишило Спинозу обычнаго самообладанія. Онъ волновался и ночью пришелъ въ такое возбужденное состояніе, что порывался отправиться на площадь, гдѣ убитъ былъ великій патріотъ, и приклеить тамъ прокламацію, въ которой убійцы названы были «презрѣннѣйшими варварами». Ванъ-деръ-Спикъ, отчаявшись въ возможности убѣдить Спинозу въ безразсудствѣ такого поступка, рѣшился запереть своего обыкновенно столь спокойнаго и сдержаннаго жильца.

Ко времени того же разбойничьяго нападенія Людовика XIV на Голландію относится другой эпизодъ, остающійся до сихъ поръ невыясненнымъ. Въ 1673 году во время военныхъ дѣйствій Спиноза получилъ письмо, приглашавшее его пріѣхать въ Утрехтъ, гдѣ находилась тогда французская главная квартира, для свиданія съ принцемъ Конде, желавшимъ познакомиться со Спинозой. Приглашалъ Спинозу швейцарецъ, полковникъ Ступъ, состоявшій на французской службѣ, занимавшійся въ часы досуга философіей и уже до этого переписывавшійся со Спинозой. Спиноза принялъ приглашеніе. Что происходило въ Утрехтѣ, остается до сихъ поръ загадкой. Ванъ-деръ-Спикъ, ссылаясь на слова самого Спинозы, разсказывалъ Колерусу, что Спиноза не засталъ принца, уѣхавшаго по дѣламъ, и что маршалъ Люксембургъ, по порученію послѣдняго, предложилъ Спинозѣ посвятить какое-либо сочиненіе французскому королю, за что ему обѣщана была пожизненная пенсія. «Не имѣя ни малѣйшаго расположенія посвящать что либо королю Франціи», Спиноза отклонилъ предложеніе. Французскіе современники, напротивъ того, разсказываютъ, что неоднократно видѣли Спинозу бесѣдующимъ съ принцемъ. Когда
ноза вернулся въ Гаагу, среди черни возникло волненіе.
отношенія его къ покойному вождю республиканской парті

хорошо извѣстны, и толпа, обвинившая въ прошломъ году Яна-де-Витта въ измѣнѣ, теперь обвиняла Спинозу въ шпіонствѣ и говорила, что «необходимо избавиться отъ такого опаснаго человѣка». Ванъ-деръ-Спикъ былъ не на шутку испуганъ и боялся, что разъяренная толпа ворвется въ его домъ. Но Спиноза спокойно отвѣтилъ ему: «не безпокойтесь на мой счетъ; мнѣ весьма легко оправдаться: многимъ гражданамъ и нѣкоторымъ членамъ правительства хорошо извѣстно, что̀ побудило меня къ поѣздкѣ. Но̀ въ случаѣ чего, при малѣйшемъ шумѣ черни у вашей двери, я самъ пойду къ ней на встрѣчу, хотя бы даже она намѣрена была поступить со мной, какъ съ несчастными де-Виттами. Я—честный республиканецъ и никогда не имѣлъ въ мысляхъ ничего, кромѣ пользы и славы моей родины». Мотивы этой загадочной поѣздки до сихъ поръ не выяснены. При любви Спинозы къ независимости, при стремленіи его избѣгать всего, что могло бы нарушить спокойствіе его уединенной жизни, нельзя допустить, чтобы онъ поѣхалъ въ непріятельскую армію ради знакомства съ принцемъ Конде. Болѣе правдоподобно предположеніе, что республиканское правительство рѣшило воспользоваться обращеннымъ къ Спинозѣ приглашеніемъ для переговоровъ съ вождемъ непріятельской арміи, и что Спиноза не счелъ себя вправѣ отказаться отъ этого порученія. Слова его, обращенныя къ ванъ-деръ-Спику, подтверждаютъ такое предположеніе. Толпу, должно быть, успокоили, потому что она дала «опасному человѣку» умереть естественной смертью. Жить Спинозѣ оставалось недолго.

Отъ природы хилаго и болѣзненнаго сложенія, Спиноза болѣе двадцати лѣтъ страдалъ наслѣдственной въ его семьѣ болѣзнью, чахоткой. Въ письмѣ къ д-ру Брессеру онъ уже въ 1665 году сообщаетъ о сильной лихорадкѣ, мучившей его, «несмотря на кровопусканія», и проситъ прислать обѣщанное снадобье изъ розъ. «Но теперь,—шутливо прибавляетъ онъ,—благодаря строгой діэтѣ, я прогналъ ее и пустилъ гулять во всѣ четыре стороны; куда она пойдетъ, не знаю, лишь бы сюда не возвращалась». Но, несмотря на строгую діэту, лихорадка возвращалась въ это слабое тѣло неоднократно, и если сожители Спинозы не замѣчали его опаснаго состоянія, то потому что въ этомъ тѣлѣ жилъ сильный и мужественный духъ. Друзья Спинозы—врачи—давно знали, что онъ не жилецъ на свѣтѣ, а въ концѣ января 1677 года одинъ изъ нихъ, Шуллеръ, сообщаетъ Лейбницу: «не могу скрыть отъ васъ опасенія, что мы скоро лишимся Спинозы». 21 февраля 1677 г. его не стало. Наканунѣ Спиноза спустился еще къ хозяевамъ,

велъ съ ними продолжительную бесѣду и рано легъ спать. Должно быть, онъ чувствовалъ себя уже нехорошо, потому что вызвалъ изъ Амстердама Л. Мейера. Мейеръ пріѣхалъ на слѣдующій день, велѣлъ хозяевамъ «купить стараго пѣтуха и приготовить бульонъ» и остался на-единѣ со Спинозой, такъ какъ ванъ-деръ-Спики, не подозрѣвая всей опасности положенія своего жильца, отправились въ церковь. Когда они вернулись, Спиноза былъ уже мертвъ. «Онъ мирно испустилъ духъ», говоритъ другой біографъ Спинозы, Кортгольтъ, и прибавляетъ, что «ученые много спорили о томъ, достоинъ ли такой смерти атеистъ».

Ученые не только много спорили объ этомъ вопросѣ, но и рѣшили его въ отрицательномъ смыслѣ. Вскорѣ послѣ смерти Спинозы распущенъ былъ о послѣднихъ дняхъ его жизни рядъ небылицъ. Спиноза изображался кающимся грѣшникомъ, вздыхающимъ, когда въ его присутствіи произносятъ имя Божіе, и т. д. Наконецъ, не желая допустить, чтобы «нечестивый атеистъ удостоился мирной естественной смерти» послѣ двадцатилѣтней чахотки, распустили слухъ, будто онъ отравился. Колерусъ съ негодованіемъ опровергаетъ всѣ эти выдумки. На основаніи разсказовъ ванъ-деръ-Спиковъ онъ заявляетъ, что Спиноза «втеченіи послѣдняго изнурительнаго періода своей болѣзни выказывалъ твердость духа по истинѣ стоическую и всегда увѣщевалъ другихъ, если имъ случалось жаловаться или проявлять въ болѣзняхъ недостатокъ мужества и излишнюю чувствительность».

Умеръ пролетарій, и смерть его сопровождалась обстоятельствами, столь обычными въ жизни трудящихся массъ. Тѣло покойнаго было арестовано аптекаремъ, заявившимъ, что онъ не позволитъ похоронить его, пока ему не будетъ уплачено нѣсколько гульденовъ за лекарства, взятыя во время болѣзни. Въ участи Спинозы тѣсно переплетались факты самаго противоположнаго свойства—безграничные восторги и возмутительная клевета, почести и обиды,—и освобожденные друзьями изъ-подъ ареста останки были погребены съ нѣкоторою торжественностью: «за гробомъ слѣдовало много знатныхъ лицъ и шесть каретъ». Имущество Спинозы было описано и продано; вырученной суммы едва хватило на покрытіе мелкихъ долговъ, оставшихся послѣ покойнаго, и сестра его поспѣшила отказаться отъ своихъ правъ на наслѣдство.

Въ послѣдніе дни своей жизни Спиноза просилъ ванъ-деръ-Спика немедленно послѣ его смерти выслать ящикъ съ рукописями его произведеній въ Амстердамъ. Ванъ-деръ-Спикъ доб
совѣстно исполнилъ порученіе, и въ концѣ того же года вы

въ свѣтъ «Посмертныя произведенія — Opera posthuma». Въ виду того, что Спиноза рѣшительно запретилъ выставить на нихъ свое имя, они вышли въ свѣтъ безъ имени автора, съ одними его иниціалами. Въ составъ «Посмертныхъ произведеній» вошли: «Этика», «Переписка» и три неоконченныя произведенія: «Трактатъ объ исправленіи разума», «Политическій трактатъ» и «Грамматика еврейскаго языка».

«Трактатъ объ исправленіи разума» долженъ былъ представлять собой методологическое введеніе къ «Этикѣ» и начатъ былъ давно, но потомъ Спиноза оставилъ его, найдя очевидно, что производительнѣе творить на основаніи метода, чѣмъ излагать самый методъ. Вообще дедуктивному методу не везло. Въ «Разсужденіи о методѣ» Декарта методу собственно отведено нѣсколько страницъ, прочее—занимательная автобіографія мыслителя. Спиноза бросилъ свое методологическое сочиненіе, не дописавъ его до конца. Фактъ этотъ нельзя признать случайнымъ. Если «отецъ новой философіи» и творецъ «Этики» не могли написать методологическаго трактата и принуждены были—первый заполнить пустое пространство автобіографіей, второй – оборвать сочиненіе въ самомъ началѣ, то произошло это отъ того, что оба они невѣрно признавали дедуктивный методъ исключительнымъ орудіемъ открытія новыхъ истинъ. Всякая попытка представить его въ этомъ свѣтѣ должна была окончиться неудачей. Въ творчествѣ обоихъ дедуктивный методъ игралъ, если не второстепенную, то во всякомъ случаѣ не исключительную роль. Въ частности, въ положенія философіи Спинозы вложена масса конкретнаго матеріала, точныхъ наблюденій; при постройкѣ системы видную роль играли убранные потомъ индуктивные лѣса, и этому обстоятельству философія Спинозы обязана богатствомъ своего содержанія, своей близостью къ современному научному міросозерцанію.

«Политическій трактатъ» Спиноза началъ писать незадолго до смерти и не успѣлъ его окончить. Трактатъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ фантазіями на общественныя темы, къ категоріи которыхъ принадлежатъ «Республика» Платона, «Утопія» Томаса Мора и т. д. Ближе всего Спиноза подходитъ въ немъ къ конституціоннымъ писателямъ XVIII вѣка. Онъ строго старается держаться фактической почвы и обнаруживаетъ основательное для своего времени знакомство съ исторіей государственныхъ формъ. Постановка вопроса характерна для XVII вѣка, это—та же постановка вопроса, которая позволила Стевину разрѣшить задачу о наклонной плоскости, о которую разбивались усилія

предшествующихъ изслѣдователей втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ: Спиноза изучаетъ *условія равновѣсія* общественныхъ силъ, статику государственной жизни. Философія Спинозы, какъ и современная ему наука, посвящена статикѣ. Идея развитія, которою наука XIX вѣка дополнила научное міросозерцаніе XVII вѣка (сохраняющее свое значеніе, по скольку дѣло идетъ о статикѣ міровыхъ силъ), чужда какъ послѣднему, такъ и философіи Спинозы, Изъ «Политическаго трактата» до насъ дошли только главы о монархіи (представительной) и аристократіи. Отъ главы о демократіи до насъ дошли только начальныя строки, дописать ее Спиноза не успѣлъ. Но изъ полныхъ воодушевленія страницъ «Теологико-Политическаго трактата», а также изъ вскользь брошенныхъ замѣчаній «Политическаго трактата» мы знаемъ, что демократія была та форма государственнаго строя, которой Спиноза всего болѣе сочувствовалъ.

«Грамматику еврейскаго языка» Спиноза писалъ по чувству долга. Въ «Теологико-Политическомъ трактатѣ» онъ выясняетъ, что для толкованія писанія необходимо знакомство съ языкомъ, на которомъ оно было написано, и считалъ поэтому своей обязанностью облегчить ученому міру это знакомство. По тѣмъ же мотивамъ Спиноза предпринялъ переводъ Св. Писанія на голландскій языкъ, но въ одну изъ грустныхъ минутъ, бывавшихъ и въ жизни этого спокойнаго, умѣвшаго владѣть собой, человѣка, онъ сжегъ свой трудъ. Колерусъ считалъ сожженнымъ другой еще трудъ Спинозы: «Трактатъ о радугѣ», написанный имъ на голландскомъ языкѣ, но, какъ выяснилось недавно, трактатъ этотъ былъ напечатанъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Спинозы. — Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ въ свѣтъ «Посмертныя произведенія» были запрещены, какъ «книга кощунственная, атеистическая, подрывающая существенные пункты вѣры и авторитетъ чудесъ». Они включены были также въ папскій «index» и фигурируютъ въ немъ до сихъ поръ, «на ряду со многими величайшими и нѣкоторыми грязнѣйшими произведеніями всемірной литературы», какъ замѣчаетъ Поллокъ.

Въ общемъ Спинозой написано немного. Короткая жизнь, вся вторая половина которой проведена была въ борьбѣ съ изнурительной болѣзнью, и необходимость зарабатывать себѣ средства къ существованію тяжелымъ физическимъ трудомъ, въ достаточной степени объясняютъ этотъ фактъ. Слѣдуетъ т... принять во вниманіе, что геометрическая форма «Этики ... бовала громадной, въ сущности мало производительной, ...

труда на изложеніе давно продуманной системы, такъ какъ необходимымъ условіемъ принятой Спинозою формы изложенія было строгое соподчиненіе отдѣльныхъ положеній и мыслей. Но большое вліяніе на количественную бѣдность творчества Спинозы имѣло другое еще обстоятельство. Литературная работа немыслима въ одиночествѣ. Писатель нуждается въ извѣстной духовной атмосферѣ, въ постоянномъ общеніи съ читателемъ, въ обмѣнѣ съ окружающимъ міромъ, отъ котораго онъ получаетъ впечатлѣнія, стимулирующія его умственную дѣятельность, вызывающія въ немъ подъемъ духа, укрѣпляющія убѣжденіе писателя въ плодотворности его труда. Всего этого былъ лишенъ Спиноза: небольшой кружокъ учениковъ, втихомолку изучавшихъ его произведенія, не могъ ему замѣнить «читателя».

Это духовное одиночество не окончилось со смертью Спинозы. Современному читателю даже трудно представить себѣ отношеніе къ Спинозѣ, господствовавшее въ европейской литературѣ XV.I и почти всего XVIII вѣка. Важнѣйшіе представители европейской мысли этого періода знаютъ о Спинозѣ только то, что «это былъ дерзкій атеистъ-картезіанецъ, написавшій богохульныя произведенія и поэтому преданный заслуженному забвенію». Знакомство съ произведеніями Спинозы считалось предосудительнымъ. Въ біографіи знаменитаго голландскаго врача Боэргава сообщается слѣдующій фактъ. Боэргавъ въ молодости мечталъ о богословской карьерѣ и въ университетѣ изучалъ богословіе. Разъ во время разговора, слыша ожесточенныя нападки противъ Спинозы, Боэргавъ, самъ не читавшій его произведеній, полюбопытствовалъ спросить, читалъ ли ихъ его собесѣдникъ. Этого было достаточно, чтобы богословская карьера закрылась для неосторожнаго студента навсегда. Онъ прослылъ атеистомъ, принужденъ былъ бросить богословіе и заняться изученіемъ медицины.

Лица, имѣвшія возможность ближе познакомиться и съ личностью Спинозы, и съ его произведеніями, въ лучшемъ случаѣ молчатъ. Другъ Спинозы, Чирнгаузъ, издаетъ книгу, многія страницы которой представляютъ плагіатъ по отношенію къ «Трактату объ исправленіи разума», и нигдѣ не упоминаетъ имени оклеветаннаго учителя. Лейбницъ въ своей оцѣнкѣ Спинозы присоединяется къ числу хулителей своего великаго предшественника. По отношенію къ Спинозѣ устанавливается особый тонъ, съ которымъ изъ области
ласти современныхъ намъ явленій можно сравнить развѣ тонъ
ческой реакціонной печати по отношенію къ Ренану, Штрау-
вину. Но времена существенно измѣнились. Жизнь стала

сложнѣе, нѣтъ уже того «единства мысли», объ исчезновеніи котораго сокрушаются ретрограды всѣхъ лагерей и которое было единствомъ невѣжества и нетерпимости. Возникли разнообразныя умственныя и общественныя теченія, среди которыхъ всякое смѣлое и искреннее исканіе истины всегда найдетъ себѣ горячую поддержку. Въ настоящее время немыслимо уже задержать на сто лѣтъ ростъ молодыхъ и сильныхъ побѣговъ.

Наивно было-бы приписывать указанное нами отношеніе къ философіи Спинозы исключительно вліянію запретительныхъ мѣръ. И онѣ конечно имѣли вліяніе, затрудняя доступъ къ его произведеніямъ. Но существенныя причины этого явленія лежатъ глубже,—въ самой философіи Спинозы. Она выросла, правда, на почвѣ научнаго движенія XVII вѣка и проникнута его принципами, но въ то же время она распространила эти принципы на области, которыхъ не касалась современная ей наука, вывела изъ этихъ принциповъ неизбѣжныя слѣдствія и высказала ихъ опредѣленно и ясно. Исторія человѣческой мысли показываетъ, что распространеніе признанныхъ въ извѣстной области истинъ на другія, хотя бы смежныя и родственныя области требуетъ извѣстной постепенности, извѣстнаго культурнаго процесса; необходимо время, чтобы человѣчество претворило эти истины въ свою плоть и кровь, примирилось съ неизбѣжно вытекающими изъ нихъ слѣдствіями. Въ особенности затруднительнымъ повидимому оказывается для человѣчества примириться съ вычеркиваніемъ сознательнаго элемента изъ области міровыхъ и общественныхъ явленій, съ низведеніемъ сознательнаго фактора на второстепенную роль, на роль спутника, съ закономѣрною необходимостью сопровождающаго болѣе глубокіе, протекающіе внѣ сознательной сферы процессы. Только недавно человѣчество начало примиряться съ ученіемъ о закономѣрности историческихъ явленій; убѣжденіе въ закономѣрной эволюціи экономическихъ формъ составляетъ пріобрѣтеніе вчерашняго дня. И всякій разъ, когда мысль дѣлала шагъ въ этомъ направленіи, человѣчеству казалось, что рушатся драгоцѣннѣйшіе его идеалы. Оно отворачивалось отъ открывавшейся передъ нимъ частички истины съ тѣмъ же содроганіемъ, съ какимъ нѣкогда, по словамъ легенды, юноша въ Саисѣ отвернулся отъ обнаженнаго лика богини. Такъ ли страшенъ въ самомъ дѣлѣ этотъ ликъ? Несомнѣнно, что примиреніе съ нимъ и возможно и совершается—правда, съ ужасающей медленностью и постепен

На участь произведеній Спинозы въ ближайшую къ не вліяло другое еще обстоятельство. Аристократъ въ област

Спиноза съ недовѣріемъ относился къ пониманію «толпы»; по формѣ и по изложенію его сочиненія были недоступны массѣ читающей публики. Самъ того не замѣчая, онъ обращался къ другой, несравненно худшей толпѣ,—толпѣ заплѣсневѣлыхъ рутинеровъ, съ отвращеніемъ встрѣчающихъ всякій проблескъ свѣжей и смѣлой мысли. Декартъ выказалъ несравненно болѣе вѣрное пониманіе своей эпохи, когда рѣшилъ заговорить на народномъ языкѣ, выступить не передъ схоластиками-метафизиками, а передъ большой читающей публикой. Любопытно, что если можетъ быть рѣчь о распространеніи идей Спинозы въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, то именно среди наименѣе культурной части той «толпы», къ которой онъ относился съ такимъ недовѣріемъ. И толпа, чутко понявъ, что къ ней обращается человѣкъ рѣдкой искренности и глубокаго убѣжденія, отнеслась къ идеямъ Спинозы съ обычной своей серьезностью и глубиной. Она не сдѣлала ихъ предметомъ салонной діалектики и тонкаго остроумничанія, но положила ихъ въ основу своей жизни, отвѣтила на нихъ сектантскимъ движеніемъ. Какъ выяснилъ недавно ванъ-деръ-Линде, въ Голландіи возникло религіозное движеніе, въ основу котораго было положено нравственное ученіе Спинозы. Вождемъ движенія былъ пасторъ Понтіанъ-ванъ-Гаттемъ, отъ котораго сектанты получили названіе гаттемистовъ. Число сектантовъ было повидимому велико, такъ какъ одна только изъ проповѣдницъ, служанка Дина Янсъ, обратила до семи тысячъ человѣкъ. Кальвинистская церковь долго боролась съ этимъ движеніемъ, пустившимъ глубокіе корни. Ванъ-деръ-Линде съ сокрушеніемъ отмѣчаетъ, что элементы нравственнаго ученія Спинозы вкрались современемъ даже въ ученіе ортодоксальной кальвинистской церкви.

Часъ возрожденія для философіи Спинозы пробилъ въ концѣ XVIII вѣка. Культурный процессъ, оказавшійся необходимымъ для примиренія съ ея выводами, завершился. Достаточно было одного толчка для того, чтобы брань и ругань сразу замѣнились восторгомъ и поклоненіемъ. Этотъ толчекъ былъ данъ благороднымъ борцомъ за свободу мысли, воскресителемъ Шекспира—Лессингомъ. Вскорѣ послѣ смерти Лессинга Якоби опубликовалъ свой разговоръ съ нимъ, происходившій въ 1780 году. Тѣшась остолбенѣніемъ, въ которое погружали его собесѣдника похвалы Спинозѣ, Лессингъ заявилъ Якоби, что «существуетъ одна только философія—философія Спинозы, и что еслибы ему пришлось искать учи- . то онъ обратился бы къ Спинозѣ». Эти заявленія до такой ни компрометтировали Лессинга, что друзья его, въ томъ

числѣ извѣстный еврейскій реформаторъ и популяризаторъ философъ, Мендельсонъ, сочли нужнымъ вступиться за намять покойнаго писателя, снять съ него тяжелое обвиненіе въ спинозизмѣ, взведенное Якоби. Завязалась оживленная полемика и слѣдствіемъ ея, какъ свидѣтельствуетъ Гердеръ уже въ 1800 году, было то, что «Спиноза, имя котораго еще недавно упоминалось съ отвращеніемъ, сталъ предметомъ восторженнаго поклоненія».

Однимъ изъ первыхъ его восторженныхъ поклонниковъ былъ Гёте. Онъ познакомился съ «Этикой», какъ разсказываетъ онъ самъ въ своей автобіографіи, въ періодъ юношескихъ душевныхъ бурь, и «Этика» дала ему успокоеніе. «Передо мной—говоритъ онъ—открылась свободная и смѣлая перспектива на нравственный и физическій міръ. Особенно привлекало меня безграничное отсутствіе себялюбія, сквозившее въ каждой фразѣ. Чудныя слова: «Кто истинно любитъ Бога, тотъ не будетъ стремиться къ тому, чтобы Богъ въ свою очередь любилъ его», стали средоточіемъ моихъ думъ»... Много лѣтъ спустя Гёте попалось въ руки какое-то старинное полемическое произведеніе противъ Спинозы, и онъ опять принялся за чтеніе «Посмертныхъ произведеній». Воспоминанія объ юношескихъ впечатлѣніяхъ ожили съ прежней силой.

«Я погрузился въ чтеніе,—продолжаетъ онъ,—и мнѣ казалось, что никогда еще я съ такой ясностью не понималъ вселенной. Мой взглядъ на міръ—не взглядъ Спинозы, но еслибы мнѣ нужно было назвать книгу, ближе всѣхъ подходящую къ моимъ взглядамъ, то я назвалъ бы „Этику". Я предпочитаю чтить Бога съ этимъ такъ-называемымъ атеистомъ и предоставляю Якоби и его союзникамъ то, что имъ угодно называть религіей.»

Гёте неразъ потомъ возвращался къ Спинозѣ и «Этика» стала любимой книгой его старости. Въ свою неоконченную поэму о «Вѣчномъ жидѣ» Гёте хотѣлъ включить сцену, посвященную Спинозѣ: онъ долго обдумывалъ ее, но сцена осталась ненаписанной. Слѣды изученія Спинозы встрѣчаются во многихъ произведеніяхъ Гёте.

Девятнадцатый вѣкъ, казалось, рѣшилъ загладить несправедливость по отношенію къ Спинозѣ своихъ предшественниковъ. Въ увлеченіи философіей Спинозы, какъ нѣкогда въ борьбѣ противъ нея, сходятся люди самыхъ разнообразныхъ лагерей и убѣжденій. Уже Якоби, лично не сочувствовавшій взглядамъ Спинозы, причисляетъ его къ лику святыхъ.

«Да будешь ты благословенъ,—восклицаетъ онъ,—великій, святой Бенедиктъ! Каковы бы ни были твои взгляды на природу высша щества, какъ бы ты ни заблуждался на словахъ, истина Его б твоей душѣ и любовь къ Нему была твоя жизнь.»

Съ подобнымъ же увлеченіемъ будущій великій протестантскій богословъ Шлейермахеръ приглашаетъ

«принести жертву тѣни святого, отверженнаго Спинозы! Его проникалъ великій міровой духъ, вселенная была его единственной и вѣчной любовью: онъ былъ полонъ религіи и святого духа, и потому стоитъ онъ—одинокій и недосягаемый—высоко надъ цехомъ ученыхъ, безъ послѣдователей и безъ права гражданства...»

Шеллингъ и Гегель признаютъ философію Спинозы единственной истинной философіей и объявляютъ, что постигнуть философію можетъ только тотъ, кто хоть разъ въ жизни погрузился въ глубину спинозизма. Но идеи Спинозы проникли и въ другія сферы, болѣе родственныя ему по духу и по направленію его реформаторской дѣятельности. Черезъ посредство Шеллинга онѣ проникли въ нѣмецкую натурфилософію, и отсюда въ естествознаніе. Знаменитый нѣмецкій физіологъ Іоганнесъ Мюллеръ въ своемъ «Руководствѣ къ физіологіи», на которомъ воспиталось цѣлое поколѣніе нѣмецкихъ естествоиспытателей, перепечатываетъ цѣликомъ ученіе Спинозы объ аффектахъ, заявляя, что онъ ничего болѣе не можетъ сказать по этому вопросу. Идеи Спинозы о взаимныхъ отношеніяхъ между духомъ и тѣломъ и о закономѣрности психическихъ явленій становятся основными понятіями научной психологіи. Отъ нихъ ведетъ начало современный монизмъ. Лѣвая группа учениковъ Гегеля, имѣвшая, по общественнымъ своимъ симпатіямъ, и научнымъ взглядамъ, мало общаго и съ своимъ учителемъ, и съ реакціоннымъ ядромъ школы, примыкаетъ къ Спинозѣ въ своей критикѣ библейскаго преданія.

Отмѣчая эти факты, мы считаемъ необходимымъ предостеречь читателя отъ возможныхъ увлеченій. Фактическихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о размѣрахъ вліянія возрожденной философіи Спинозы на развитіе современнаго научнаго міросозерцанія у насъ слишкомъ мало. Но вѣскія апріорныя соображенія заставляютъ насъ значительно ограничить предѣлы этого вліянія. Прежде всего философія, начинающая дѣйствовать на умы спустя столѣтіе послѣ своего возникновенія, уже въ силу одного этого утрачиваетъ значительную часть своей «живой силы». Она обращается къ читателямъ на устарѣвшемъ языкѣ (которому соотвѣтствуютъ конечно устарѣвшія, получившія впослѣдствіи болѣе полную и точную разработку, понятія). Въ распоряженіи читателей имѣется несравненно болѣе богатый фактическій матеріалъ, не укладывающійся часто вполнѣ въ рамки системы, создавшейся на матеріалѣ, сравнительно ... Во-вторыхъ, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что условія, подготовившія почву

для возрожденія философіи Спинозы, т. е., говоря иными словами, ведшія къ сходнымъ выводамъ, продолжали конечно дѣйствовать и впослѣдствіи и притомъ съ все возростающей интенсивностью. Если одинъ изъ современныхъ итальянскихъ изслѣдователей (Торрелли) говоритъ, что «всюду въ современномъ научномъ міросозерцаніи мы наталкиваемся на Спинозу», то это – увлеченіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемъ тождественные взгляды, мы чаще имѣемъ дѣло съ совпаденіемъ взглядовъ, полученныхъ независимо и разными путями, чѣмъ съ прямымъ вліяніемъ одного міросозерцанія на другое. Не умаляя нашего уваженія къ генію того, кто при скудномъ фактическомъ матеріалѣ въ XVII вѣкѣ съумѣлъ предвосхитить важнѣйшія положенія современной науки и связать ихъ въ стройное міросозерцаніе, эта точка зрѣнія только вводитъ вопросъ въ должныя историческія рамки...

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія европейская мысль пережила новый кризисъ. Непрерывно совершавшійся втеченіи двухъ столѣтій ростъ біологическихъ наукъ заставилъ опять подвергнуть пересмотру вѣковѣчные вопросы. Нить празднаго словоговоренія, которую метафизики подхватили у средневѣковыхъ схоластиковъ и предполагали было прясть до безконечности, опять напряглась и порвалась. Наступилъ новый кризисъ, подобный тому, который европейская мысль пережила въ XVII вѣкѣ подъ вліяніемъ необычайныхъ успѣховъ астрономіи и механики. Опять рѣзко обозначилась противоположность между новою мыслью, стремящейся претвориться въ дѣло, сознающей всю трудность изученія природы и пользующейся для этого всѣми пріобрѣтеніями все-развивающейся науки, и старой метафизикой-схоластикой, лѣниво прядущей свою нить словоизверженія, пренебрежительно относящейся къ наукѣ, отвѣчающей на запросы пытливой мысли призывомъ вернуться назадъ, на запросы возмущеннаго общественнаго чувства—елейной моралью смиренія и самосовершенствованія. Спиноза оказался слишкомъ современнымъ мыслителемъ, чтобы не быть вовлеченнымъ въ эту борьбу. Основныя понятія его философіи—объ отсутствіи цѣлей въ мірозданіи, строгой закономѣрности всѣхъ совершающихся въ природѣ явленій, объ относительномъ характерѣ понятій добра и зла и т. д.—нашли себѣ только подтвержденіе и дополненіе въ новыхъ біологическихъ и соціологическихъ ученіяхъ. Спиноза оказался родоначальникомъ и духовнымъ отцомъ ученій, на которыя опя
сыпались старинныя обвиненія въ «безбожномъ матеріал
«безнравственности». Это не могло не вызвать охлажд

нему среди защитниковъ отживающихъ свой вѣкъ теченій. Современные метафизики стараются съ одной стороны сдѣлать Спинозу безвреднымъ, объявляя его, по примѣру Лейбница, картезіанцемъ, чуть ли не дуалистомъ, съ другой стороны они противопоставляютъ его безнравственной, чрезъ мѣру послѣдовательной философіи набожную философію все-примиряющаго Лейбница. Тѣмъ не менѣе интересъ къ философіи Спинозы не ослабѣлъ. Съ каждымъ годомъ все растетъ и безъ того громадная литература о Спинозѣ; въ богатыхъ литературахъ Запада ежегодно выходятъ въ свѣтъ посвященныя ему изслѣдованія и популярныя изложенія его философіи. На русскомъ языкѣ за послѣднія восемь лѣтъ вышли два перевода «Этики», изъ которыхъ одинъ въ текущемъ году вышелъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ.

Столѣтняя годовщина смерти Спинозы прошла среди полнаго забвенія. Двухсотлѣтняя была торжественно отпразднована въ 1877 году. Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1880 году, въ Гаагѣ на пожертвованія, стекавшіяся изъ различныхъ странъ, открытъ былъ памятникъ Спинозѣ,—«поздняя почесть, говоритъ Куно-Фишеръ, въ которой изъ всѣхъ великихъ людей міра онъ менѣе всѣхъ нуждался, потому что онъ не дорожилъ славой».

VIII. Философія Спинозы.

Метафизическій элементъ.—Основныя понятія.—Психологія.—Нравственное ученіе.

Мы не беремъ на себя непосильной задачи на нѣсколькихъ остающихся въ нашемъ распоряженіи страницахъ дать сколько-нибудь полное изложеніе философіи Спинозы. Все, что мы имѣемъ въ виду, это познакомить читателя съ содержаніемъ «Этики». Мы будемъ вмѣстѣ перелистывать эту великую книгу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ останавливаться надъ тѣмъ, что́ намъ покажется существеннымъ и важнымъ, или страннымъ и малопонятнымъ.

1. *Метафизическій элементъ.*

Метафизическій элементъ—не главное въ философіи Спинозы. Онъ является для нея даже мало-характернымъ. Это—наслѣдіе, доставшееся Спинозѣ въ удѣлъ отъ его предшественниковъ и перешедшее въ послѣдующую философію, гдѣ оно живетъ до сихъ поръ. Знакомство съ этимъ элементомъ однакоже необходимо; его присутствіемъ объясняются нѣкоторыя черты міровоззрѣнія Спи-
[illegible] и форма, въ которую вылились его произведенія.

[illegible]режде всего мы отмѣтимъ убѣжденіе Спинозы въ существо-

ванiи вѣчныхъ необходимыхъ истинъ, доступныхъ человѣческому разуму. XVII вѣкъ, какъ мы выяснили уже раньше, былъ эпохой рѣдкихъ успѣховъ въ области математики и точныхъ наукъ. Усилія человѣческой мысли въ области послѣднихъ сопровождались такими блестящими результатами, что, сопоставляя послѣдніе со сбивчивыми нашими свѣдѣніями въ другихъ областяхъ, естественно было прійти къ слѣдующему выводу. Существуютъ два способа познанія міра. Одинъ—путь опыта и наблюденія, приводящій къ знанію единичныхъ фактовъ, болѣе или менѣе случайному, противорѣчивому въ показаніяхъ различныхъ изслѣдователей и слѣдовательно, носящему въ значительной мѣрѣ субъективный характеръ. Другой путь приводитъ къ познанію вѣчныхъ и необходимыхъ истинъ, столь же незыблемыхъ, какъ положеніе, что сумма угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ. Какъ и послѣдняя истина, онѣ могутъ быть добыты исключительно черезъ посредство разума. Это отдѣленіе разума отъ ума и воображенія, это противопоставленіе опытныхъ знаній необходимымъ и вѣчнымъ математическимъ и философскимъ истинамъ не было открытіемъ XVII вѣка; оно перешло къ нему отъ предыдущихъ вѣковъ, отъ греческой философіи. Но научное движеніе XVII вѣка могло только укрѣпить такое убѣжденіе, особенно въ такихъ «тонкихъ математическихъ умахъ», обладающихъ въ рѣдко встрѣчающейся степени способностью къ отвлеченному мышленію, какимъ былъ Спиноза. Только послѣдующая англійская психологія выяснила, что противопоставленіе опытныхъ знаній математическимъ истинамъ ошибочно по существу, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ истинами одинаковаго порядка, что математическія истины добыты тѣмъ же опытнымъ путемъ, и что достигнутые въ области точныхъ наукъ положительные результаты объясняются большей общностью изучаемыхъ въ нихъ фактовъ, чаще поэтому подлежащихъ наблюденію и представляющихся поэтому съ бóльшей ясностью нашему уму.

Благодаря такому воззрѣнію на особый характеръ математическаго метода, позволяющаго выяснять необходимыя и вѣчныя истины вмѣсто случайныхъ обобщеній, получаемыхъ опытнымъ путемъ, и возникла геометрическая форма «Этики». «Этика» начинается опредѣленіями и аксіомами, на которыхъ основываются послѣдующія теоремы. Но доказательства теоремъ, выводимыя изъ предшествующихъ теоремъ, опредѣленій и аксіомъ, носятъ до такой степени искусственный, натянутый характеръ, что читателю с[illegible] становится яснымъ, что *мыслить* такимъ образомъ Спин[illegible] могъ. Когда опытныя истины (вродѣ того, что «различны

могутъ подвергаться со стороны одного и того же объекта различнымъ аффектамъ») «выводятся» при помощи «доказательства» изъ ряда постулятовъ, теоремъ и леммъ, имѣющихъ часто отдаленное отношеніе къ этимъ истинамъ, то для читателя ясно, что онъ имѣетъ дѣло не съ методомъ мышленія, а съ извѣстнымъ методомъ изложенія, достоинства котораго къ тому же весьма спорны: теоріи Спинозы—въ этомъ согласны многіе изслѣдователи—лучше его доказательствъ.

Искусственность изложенія «Этики» лишаетъ насъ возможности проникнуть въ тайну творчества Спинозы. Попытки нѣкоторыхъ историковъ философіи возсоздать этотъ творческій процессъ производятъ комическое впечатлѣніе: не уступая методу изложенія «Этики» по искусственности, эти попытки вывода положеній Спинозы не изъ тѣхъ положеній, на которыя онъ самъ указываетъ, а изъ другихъ положеній, его ли собственныхъ, или взятыхъ у Декарта, страдаютъ полнымъ произволомъ. Курьезнѣе всего то, что историки философіи, такъ тонко и основательно мыслящіе за Спинозу и выводящіе всю его систему изъ немногихъ основныхъ положеній, сами, имѣя передъ собой безчисленное множество отправныхъ пунктовъ (всѣ положенія всѣхъ философовъ), ни къ какой оригинальной системѣ не приходятъ и могутъ прійти только къ системамъ Спинозы, Декарта и т. д. Очевидно, что для созданія оригинальной системы недостаточно имѣть нѣсколько отправныхъ пунктовъ и владѣть діалектикой. Необходимы еще тонкая наблюдательность и геніальная способность къ обобщенію, къ которой и сводится столь цѣнимая Спинозой «математическая» способность отвлекаться отъ второстепенныхъ, побочныхъ условій и видѣть существенныя отношенія между явленіями. Когда *такимъ путемъ* добыты извѣстныя истины, ихъ всегда легко, какъ доказываетъ искусственное построеніе «Этики», связать съ любыми основными положеніями при помощи логическихъ схемъ.

Убѣжденіе въ существованіи необходимыхъ и вѣчныхъ истинъ, постигаемыхъ при посредствѣ разума, отразилось не только на формѣ изложенія «Этики». Существуютъ вѣчныя истины, стоящія внѣ и выше нашего опыта. Онѣ не представляютъ собой обобщенныхъ впечатлѣній, производимыхъ *на нашъ умъ* внѣшними явленіями и возникающихъ при извѣстныхъ условіяхъ. Онѣ безусловны и выражаютъ самую сущность вещей. Равенство суммы угловъ треугольника двумъ прямымъ—вѣчная истина не въ томъ смыслѣ, пока находились, находятся и будутъ находиться люди, споые точно опредѣлять отношенія между явленіями, они всегда

будутъ наблюдать это равенство. Оно было истиной еще до Эвклида, до появленія людей. Это истина вѣчная, какъ сама природа, потому что она лежитъ въ природѣ вещей. Идеи, правда, самыя общія, т. е. возникающія въ человѣческомъ умѣ при всѣхъ извѣстныхъ намъ условіяхъ, но во всякомъ случаѣ представляющія продуктъ человѣческаго ума, такимъ образомъ были перенесены во внѣшній міръ, получили объективное существованіе.

Въ тѣсной связи съ такой объективаціей идей находится странное положеніе Спинозы, что «слѣдствіе отличается отъ причины какъ-разъ въ томъ, что оно получаетъ отъ нея». Такъ напр., человѣкъ по сущности совершенно сходенъ съ другимъ человѣкомъ, отличается онъ отъ него по условіямъ существованія. Но сущности своей онъ не получаетъ отъ другого человѣка (она— вѣчная истина), получаетъ онъ только существованіе, т. е. то, чѣмъ онъ отъ него отличается.

Трудно сказать, къ чему могло бы привести послѣдовательное, строго-логическое развитіе этихъ положеній. Можетъ-быть оно привело-бы къ глубокомысленнымъ и въ то же время столь мало говорящимъ уму изреченіямъ, которыми такъ богата позднѣйшая метафизика, вродѣ напр. «тождества бытія съ небытіемъ» и т. д. Къ счастью, у Спинозы мы встрѣчаемъ коррективъ въ формѣ постояннаго обращенія къ опыту и наблюденію. Подобно наукѣ XVII вѣка, философія Спинозы даже въ широчайшихъ своихъ обобщеніяхъ связана безчисленнымъ множествомъ нитей съ реальнымъ міромъ. Не разъ читатель «Этики» будетъ чувствовать себя стоящимъ на краю пропасти, и ему будетъ казаться, что единственный возможный исходъ — броситься въ бездну празднаго, глубокомысленнаго и туманнаго словоговоренія. Но тотчасъ же рядъ теоремъ, носящихъ опытный характеръ, выведетъ его на путь наблюденія и вдумчиваго истолкованія природы и покажетъ ему, что все время, во время самыхъ отвлеченныхъ своихъ разсужденій, Спиноза не упускалъ изъ виду конкретной дѣйствительности. Въ частности, рядомъ съ вышеупомянутымъ метафизическимъ положеніемъ объ отношеніяхъ между причиной и слѣдствіемъ мы встрѣчаемъ теорему: «вещи, не имѣющія ничего общаго между собой, не могутъ быть причиной одна другой», вполнѣ соотвѣтствующую дѣйствительности. Убѣжденію же въ объективномъ существованіи «сущностей» постоянно противодѣйствуетъ стремленіе Спинозы строго различать «разсудочныя понятія» и дѣйствительные факты.

Изложеннымъ исчерпывается метафизическій элементъ философіи Спинозы. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть дѣло съ исти

нами опытнаго характера и гипотетическими положеніями, выдерживающими прямо или косвенно опытную провѣрку: они или стоятъ въ согласіи съ наблюдаемыми фактами, или покрайней мѣрѣ имъ не противорѣчатъ, объединяя ихъ въ то же время въ цѣльное міросозерцаніе. Не представляютъ исключенія въ этомъ отношеніи и тѣ теоремы, на которыя неожиданно для себя читатель наталкивается въ пятой части «Этики». Всѣ онѣ допускаютъ точный переводъ на языкъ современнаго научнаго міросозерцанія, и переводъ этотъ—на основаніи данныхъ самимъ Спинозой опредѣленій—съ успѣхомъ дѣлали нѣкоторые изъ современныхъ комментаторовъ Спинозы. Тѣмъ не менѣе ошибочно было бы видѣть въ нихъ *только* то, что склоненъ въ нихъ видѣть современный читатель. Уже самая торжественность выраженій, въ которыя онѣ облечены, и полу-мистическій ихъ языкъ показываютъ читателю, что сухой, раціоналистическій переводъ не можетъ во всей полнотѣ передать мысли Спинозы. Приходится считаться со слѣдами строго-религіознаго воспитанія и съ чувствомъ, которымъ окрашена система. Истины, сплошь да рядомъ не связанныя у насъ съ эмоціональнымъ элементомъ, были несомнѣнно связаны съ нимъ у Спинозы, и этотъ элементъ игралъ вѣроятно важную роль въ личной жизни Спинозы, согрѣвая его одинокую и грустную жизнь. Любовь къ міровому порядку,—кажущаяся намъ, умѣющимъ любить только самихъ себя и въ лучшемъ случаѣ немногихъ близкихъ людей, кажущаяся намъ, въ виду чрезмѣрной общности ея объекта, фразой, искажающей къ тому же самый смыслъ слова «любовь»,—не была у Спинозы ни фразой, ни искусственнымъ пріемомъ изложенія. Искать аналогичныхъ чувствованій мы можемъ, правда, только въ поэзіи, и едва ли не наиболѣе полнымъ, сознательнымъ выраженіемъ той же любви къ міровому порядку является поэзія родственнаго Спинозѣ по міровоззрѣнію, предпринявшаго даже переводъ «Теологико-политическаго трактата» на англійскій языкъ, Шелли.

2. Основныя понятія.

Какъ ни различны по внѣшнему виду вода, ледъ и водяные пары, всѣ они, какъ извѣстно, представляютъ видоизмѣненія одного и того же вещества. Это вещество представляетъ въ свою очередь одно изъ видоизмѣненій единой матеріи. Но и матерія не является конечнымъ элементомъ нашего анализа. Существуетъ безконечная, ...чная, недѣлимая *субстанція*, по отношенію къ которой мате... играетъ ту же роль, какую жидкая вода и ледъ играютъ по ...ошенію къ химическому соединенію H_2O: матерія является од-

нимъ изъ видоизмѣненій, *модусовъ* этой субстанціи, лежащей въ основѣ всѣхъ явленій, какъ матеріальныхъ, такъ и психическихъ.

Въ противоположность измѣнчивымъ преходящимъ модусамъ — явленіямъ, субстанція вѣчна. Тогда какъ въ модусахъ вѣчна только ихъ сущность (субстанція и ея законы), существованіе же ихъ носитъ только временный характеръ, субстанція обладаетъ вѣчностью какъ сущности, такъ и существованія. Вѣчность существованія субстанціи исключаетъ возможность въ примѣненіи къ ней творческаго акта. Она самодѣятельна и модусы возникаютъ въ ней въ силу заложенныхъ въ ней самой законовъ. Творческій актъ исключается также безконечностью субстанціи. Она есть все, кромѣ нея и ея модусовъ ничего не существуетъ; она есть вселенная въ самомъ широкомъ и полномъ смыслѣ слова; она есть natura naturans (природа производящая) и natura naturata (природа созданная) въ одно и то же время.

Остается сдѣлать одинъ шагъ и объявить, что вселенная, Богъ и субстанція — понятія тождественныя. Богъ есть имманентная (лежащая внутри вещей) причина послѣднихъ, а не дѣйствующая извнѣ. Отдѣльныя вещи представляютъ состоянія, модусы Бога. Вещь, опредѣленная къ какому либо дѣйствію, необходимо опредѣлена такимъ образомъ Богомъ, а не опредѣленная Богомъ сама себя къ дѣйствію опредѣлить не можетъ.

Мыслителя съ менѣе научнымъ складомъ мысли такая постановка вопроса могла-бы привести къ отрицанію науки. Разъ всякое дѣйствіе опредѣлено Богомъ, разъ творческій актъ божества не прекращается ни на мгновеніе, наука, выясняющая причины явленій, теряетъ всякое значеніе. Спиноза тщательно ограждаетъ свой пантеизмъ отъ возможности подобнаго истолкованія. Не удовлетворяясь аксіомой третьей, гласящей, что «изъ данной опредѣленной причины необходимо вытекаетъ слѣдствіе и обратно», онъ тотчасъ же вслѣдъ за теоремой, превозглашающей Бога причиной всѣхъ явленій, выставляетъ слѣдующую теорему:

«Все единичное, иными словами, всякая конечная и ограниченная по своему существованію вещь, можетъ существовать и опредѣляться къ дѣйствію только въ томъ случаѣ, если она опредѣляется къ существованію и дѣйствію какой-либо другой причиной, также конечной и ограниченной по своему существованію. Эта причина въ свою очередь также можетъ существовать и опредѣляться къ дѣйствію только въ томъ случаѣ, если она опредѣляется къ существованію и дѣйствію третьей причиной, также конечной и ограниченной по своему существова и такъ до безконечности.»

Міръ явленій распадается такимъ образомъ на безконе цѣпь причинъ и слѣдствій. Единство лежащей въ ихъ основѣ

станціи и непрерывный творческій актъ божества проявляются только въ существованіи вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ, опредѣляющихъ необходимую связь между явленіями. Въ природѣ вещей нѣтъ ничего такого, въ силу чего ихъ можно было бы считать случайными. Онѣ называются случайными только по несовершенству нашего знанія. Когда мы не знаемъ причинъ, съ неизбѣжностью вызвавшихъ наступленіе совершившагося факта, когда мы не знаемъ обстоятельствъ, не позволяющихъ совершиться предполагаемому событію, мы называемъ фактъ и событіе случайными. Въ природѣ ничего случайнаго нѣтъ, но все опредѣляется къ существованію и дѣйствію по необходимымъ законамъ. Вещи не могли быть произведены иначе, чѣмъ онѣ существуютъ. Дѣйствуя по необходимымъ законамъ своей природы, Богъ свободенъ, такъ какъ единственное правильное опредѣленіе свободы состоитъ въ возможности дѣйствовать по законамъ своей собственной природы, безъ чьего либо внѣшняго принужденія.

Предупреждая возможное ошибочное истолкованіе своихъ положеній въ другомъ еще направленіи, Спиноза въ блестящемъ прибавленіи къ первой части «Этики» указываетъ, что постоянный творческій актъ божества не только не предполагаетъ цѣлесообразности всѣхъ совершающихся въ природѣ явленій, но, напротивъ того, исключаетъ возможность приложенія человѣческихъ понятій о цѣли къ природнымъ явленіямъ. Являясь въ міръ съ стремленіемъ искать полезнаго для себя, люди сознаютъ свои стремленія и вытекающія изъ нихъ цѣли и не знаютъ причинъ, располагающихъ ихъ къ этимъ желаніямъ и стремленіямъ. Не зная причинъ окружающихъ ихъ явленій, они судятъ о нихъ на основаніи своихъ знаній о себѣ. Не будучи знакомы съ силами и могуществомъ природы, они пришли къ заключенію, что человѣческое тѣло съ его искуснымъ строеніемъ могло быть создано не механическими силами, а только сверхъестественнымъ искусствомъ. Встрѣчая въ своемъ организмѣ и во внѣшней природѣ много полезнаго для себя, они смотрятъ на естественные предметы, какъ на средства для своей пользы. Они убѣждены, что глаза созданы для того, чтобы видѣть, растенія и животныя—для питанія,—солнце для освѣщенія, море—для выкармливанія рыбъ и т. д. Они знаютъ, что эти средства найдены ими, а не приготовлены ими самими, и это даетъ имъ поводъ вѣрить, что есть кто-то другой, кто приготовилъ эти вещи, такъ какъ, глядя на нихъ какъ на средства, они не могли уже думать, что эти вещи сами себя сдѣлали такими. Объективируя далѣе свои представленія и не зная ничего о природѣ вещей,

они увидѣли въ природѣ добро и зло, причемъ добромъ называютъ способствующее ихъ благосостоянію или почитанію боговъ, зломъ—противоположное, увѣрены, что въ вещахъ существуетъ порядокъ и безпорядокъ. Въ природѣ нѣтъ ни цѣлей, ни добра, ни зла, ни порядка, ни безпорядка. Существуетъ только безконечный рядъ явленій, тѣсно связанныхъ между собой причинной связью, существуетъ цѣпь причинъ и слѣдствій, развертывающихся изъ единой субстанціи въ силу необходимыхъ законовъ ея природы.

Безконечно-многіе модусы единой субстанціи могутъ быть по своимъ свойствамъ распредѣлены въ группы все большей и большей общности. Въ концѣ концовъ мы доходимъ до основныхъ свойствъ субстанціи, которыя не могутъ быть сведены одно на другое. Свойствъ этихъ, *аттрибутовъ* въ безконечной субстанціи съ безконечно-многими модусами должно быть безконечно много. Но намъ доступны только два. Въ конечномъ анализѣ всѣ извѣстныя намъ явленія распадаются на двѣ группы: явленій физическихъ, относимыхъ Спинозою по унаслѣдованной отъ Декарта и схоластиковъ терминологіи къ аттрибуту протяженія, и психическихъ, относимыхъ имъ къ аттрибуту мышленія.

Эти двѣ группы явленій не могутъ быть сведены одна на другую, такъ какъ физическія и психическія явленія различаются однимъ кардинальнымъ признакомъ: первыя допускаютъ только объективное изученіе, вторыя доступны субъективному наблюденію. Еслибы у насъ не существовало самосознанія, то у насъ была бы только одна группа явленій—физическія. Самосознаніе указываетъ намъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ физическія перемѣны сопровождаются у насъ особаго порядка состояніями—психическими, и по аналогіи мы допускаемъ существованіе психическихъ явленій всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ соотвѣтствующія физическія перемѣны. Кардинальный признакъ, отличающій эти группы явленій одну отъ другой, носитъ слѣдовательно всецѣло субъективный характеръ, зависитъ отъ способа нашего воспріятія. Ошибочно было бы считать это различіе лежащимъ въ основѣ субстанціи. Субстанція едина и недѣлима. Аттрибуты—это тѣ свойства, которыя въ ней «усматриваются нашимъ умомъ». И одни и тѣ же явленія, относимыя при объективномъ изученіи къ аттрибуту протяженія, становясь доступными субъективному наблюденію, должны быть отнесены къ аттрибуту мышленія. Мышленіе и протяженіе такимъ образомъ представляютъ собой и то же, это—двѣ стороны одного и того же факта. Въ п къ Симону-де-Врису Спиноза приводитъ примѣръ, поясн

его мысль. Предметъ, сполна отражающій всѣ падающіе на него лучи, вызываетъ въ насъ ощущеніе бѣлаго цвѣта. Первое его свойство—способность отражать всѣ лучи—имѣетъ объективный характеръ и можетъ быть уловлено объективными способами наблюденія. Второе—бѣлизна—имѣетъ чисто субъективный характеръ, существуетъ только для глаза извѣстнаго строенія и при извѣстныхъ условіяхъ. Между тѣмъ мы въ сущности имѣемъ дѣло съ однимъ свойствомъ, объективно представляющимся въ одной формѣ, субъективно—въ другой. Это не два свойства, а двѣ стороны одного и того же свойства.

Такая постановка вопроса, усвоенная и современной научной психологіей, избавляла Спинозу отъ необходимости пріискивать объясненія параллелизму между психическими и физическими явленіями. Становились излишними тѣ невыдерживающія критики объясненія, которыя до него давались Декартомъ и окказіоналистами, послѣ него—Лейбницемъ. Параллелизмъ между обѣими группами явленій представляетъ необходимое слѣдствіе изъ данной Спинозою постановки вопроса: обѣ стороны одного и того же факта обязательно должны сопутствовать одна другой, какъ—говоря словами отца современно психофизики, Фехнера,—вогнутая сторона свода сопровождаетъ выпуклую.

Возникъ за то другой вопросъ—о границахъ этого параллелизма: гдѣ кончается постоянное совмѣстное присутствіе обоихъ элементовъ? Непреодолимое препятствіе для положительнаго рѣшенія вопроса создаетъ то обстоятельство, что о психической жизни внѣ насъ мы можемъ судить только по аналогіи. Поэтому сравнительно недавно еще отрицалась «душа» у животныхъ, и Декартъ считалъ послѣднихъ механическими автоматами. Въ настоящее время мы не сомнѣваемся въ существованіи у животныхъ психической жизни, достигающей въ нѣкоторыхъ группахъ высокой степени развитія. Но гдѣ границы этой одушевленности? Прекращается ли она, когда мы, спускаясь постепенно къ организмамъ все болѣе и болѣе простого строенія, доходимъ до комочковъ живой матеріи, протопласмы, или же она безгранична, является свойствомъ всего существующаго. Въ физическомъ мірѣ мы не встрѣчаемъ нигдѣ рѣзкихъ граней, всюду передъ нами переходы, явленія различаются другъ отъ друга количественно, а не качественно. Существуетъ ли такая грань въ области пси-[illegible]ческихъ явленій, столь неизмѣнно и постоянно сопутствующихъ [illegible]ніямъ физическимъ въ сферѣ, доступной нашему непосредствен-[illegible] наблюденію? Спиноза отвергаетъ существованіе грани. Для него

вся природа одушевлена. Его субстанціи, Богу или природѣ, одинаково свойственны оба аттрибута: протяженія и мышленія. Онъ протестуетъ, когда подъ его субстанціей понимаютъ «какую-то мертвую глыбу матеріи». Субстанція есть живой безконечный организмъ, состоящій изъ безчисленно-многихъ строго-соподчиненныхъ частей, вѣчно измѣняющихся въ силу необходимыхъ заложенныхъ въ субстанціи законовъ, и постоянно остающійся однимъ и тѣмъ же, несмотря на постоянно совершающіяся въ немъ перегруппировки.

3. Психологія.

Неудачная терминологія значительно затрудняетъ чтеніе первой половины второй части «Этики», посвященной выясненію основныхъ психологическихъ вопросовъ. Уже доставшіеся Спинозѣ отъ предшественниковъ термины «протяженіе» и «мышленіе» вызываютъ недоразумѣнія у читателя. Подъ протяженіемъ Спиноза разумѣетъ физическую сторону явленій природы, то, что мы теперь называемъ матеріей и силой вмѣстѣ. Въ письмѣ къ Чирнгаусу Спиноза указываетъ, что значеніе, приданное «протяженію» Декартомъ, понимавшимъ подъ нимъ инертную массу, которой движеніе сообщается извнѣ, противорѣчитъ его взглядамъ; это отрицаніе въ матеріи присущаго ей движенія дѣлаетъ даже, по словамъ Спинозы, «естественно-научные принципы Декарта совершенно безполезными, если не нелѣпыми». И однакоже неудачный терминъ тяготѣетъ надъ читателемъ, какъ нѣкогда надъ Чирнгаусомъ, и обычный общепринятый смыслъ его затрудняетъ пониманіе «Этики». Столь же неудаченъ терминъ «мышленіе», подъ которымъ принято понимать довольно высокій актъ психической жизни, достигшей значительной степени сложности, тогда какъ у Спинозы онъ обозначаетъ психическую жизнь вообще, объединяетъ и мышленіе въ общепринятомъ значеніи этого слова, и волевые акты, и чувствованія.

Еще болѣе затрудненій вызываетъ другое обстоятельство. Для Спинозы (какъ и для Декарта уже) было совершенно ясно то основное положеніе современной теоріи познанія, въ силу котораго наши такъ называемыя объективныя знанія носятъ глубоко-субъективный характеръ. Въ созданіи всякаго нашего воспріятія участвуетъ не только внѣшній объектъ, но и нашъ мозгъ. Наше познаніе по существу дѣла имѣетъ всегда субъективный характеръ: оно не можетъ быть внѣшнимъ міромъ, а только *на* *познаніемъ*, т. е. фактомъ субъективнымъ. Если мы отл въ нашихъ воспріятіяхъ субъективные признаки, напр.

тѣла, отъ объективныхъ, то въ сущности мы отдѣляемъ только признаки, носящіе на себѣ специфическій характеръ дѣятельности опредѣленныхъ органовъ чувствъ, отъ признаковъ, создаваемыхъ взаимодѣйствіемъ нѣсколькихъ или всѣхъ органовъ чувствъ. Зная это, мы тѣмъ не менѣе говоримъ о дверяхъ, окнахъ и т. под. внѣшнихъ предметахъ, не считая необходимымъ постоянно указывать, что наши свѣдѣнія о нихъ имѣютъ субъективный характеръ, такъ какъ это усложнило бы нашу рѣчь и взаимное пониманіе до крайности. Спиноза, напротивъ того, въ психологическомъ отдѣлѣ «Этики» постоянно отмѣчаетъ это обстоятельство. Наше объективное понятіе о кругѣ, то, что въ научномъ языкѣ называемъ просто «кругомъ», является въ «Этикѣ»—идеей круга. И желая указать, что это понятіе о кругѣ очищено отъ элементовъ, имѣющихъ индивидуальный характеръ, что это—научное понятіе о кругѣ, Спиноза называетъ кругъ —идеей круга въ безконечномъ разумѣ Бога. Опасаясь дать поводъ къ произвольному истолкованію этихъ словъ, къ олицетворенію божества, Спиноза указываетъ, что умъ, конечный или безконечный, можетъ относиться къ Богу только, если мы разсматриваемъ его, какъ natura naturata (природа созданная), а не natura naturans. Такимъ образомъ безконечный разумъ Бога представляетъ у Спинозы всего только—пользуясь излюбленнымъ терминомъ русскихъ метафизиковъ—соборное пониманіе всѣхъ мыслящихъ существъ, а идея какого либо объекта въ безконечномъ разумѣ Бога представляетъ собой всестороннее, научное, «объективное» представленіе объ объектѣ, иными словами, —то, что мы сплошь да рядомъ называемъ просто объектомъ. Читателю необходимо поэтому постоянно переводить теоремы Спинозы на современный языкъ, чтобы не впасть въ совершенно ошибочное истолкованіе его положеній. Спиноза самъ признаетъ неясность своего изложенія и оправдывается тѣмъ, что «въ настоящее время излагать яснѣе не можетъ».

Человѣкъ, модусъ субстанціи, состоитъ изъ тѣла—модуса протяженія и души—модуса мышленія. Ошибочно было бы душу считать какой-то сущностью. Душа представляетъ собой рядъ модусовъ мышленія—идей, волевыхъ актовъ, аффектовъ,—поскольку они въ аттрибутѣ протяженія относятся къ человѣческому тѣлу. Существованіе души начинается съ возникновеніемъ перваго психическаго акта. Такое представленіе о душѣ, не какъ о сущности, а какъ объ аггрегатѣ психическихъ актовъ, объединяемыхъ общей основой, человѣческимъ тѣломъ, предполагаетъ инѣ опредѣленное рѣшеніе вопроса о личности, играющаго

такую выдающуюся роль въ современной психологіи. Вопросъ этотъ Спиноза разрѣшаетъ въ современномъ смыслѣ. Онъ не видитъ никакого основанія полагать, что личность умираетъ только тогда, когда тѣло превращается въ трупъ. «Самый опытъ учитъ совершенно другому. Иногда случается, что человѣкъ подвергается такимъ измѣненіямъ, что его едва-ли возможно будетъ назвать тѣмъ же самымъ. Я слышалъ разсказъ объ одномъ испанскомъ поэтѣ, который заболѣлъ и, хотя затѣмъ и выздоровѣлъ, однако настолько забылъ свою прежнюю жизнь, что разсказы и трагедіи, имъ написанные, не признавалъ за свои, и могъ бы быть принятъ за взрослаго ребенка, еслибы забылъ также и свой родной языкъ».

Всѣмъ психическимъ явленіямъ соотвѣтствуютъ объективныя физическія явленія: «порядокъ и связь идей тѣ же, что порядокъ и связь вещей». Ряду психическихъ явленій, составляющихъ человѣческую душу, соотвѣтствуетъ объективный рядъ состояній человѣческаго тѣла: «объектомъ человѣческой души является человѣческое тѣло». Поэтому изученіе человѣческой души немыслимо безъ изученія человѣческаго тѣла. Выставляя это положеніе, легшее въ основу современной физіологической психологіи, Спиноза мотивируетъ его: чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ сложнѣе психическая его жизнь; между физической организаціей и душевной жизнью существуетъ тѣсная и необходимая связь. Самъ Спиноза не даетъ однакоже сколько нибудь обстоятельнаго очерка своихъ физіологическихъ воззрѣній. «Этика»—не психологическій трактатъ. Спиноза желаетъ указать въ ней только «путь къ величайшему блаженству», психологическія главы представляютъ только введеніе къ этическимъ главамъ, и Спиноза, ограничившись нѣсколькими аксіомами и леммами физическаго характера, достаточными для его цѣли, переходитъ къ изложенію ученія о познаніи.

Познаніе бываетъ трояваго рода: познаніе перваго рода—воспріятіе; познаніе второго рода—при помощи разума, и наконецъ познаніе третьяго рода—интуитивное. Для того, чтобы объяснить разницу между этими рядами познанія, Спиноза, вообще крайне скупо иллюстрирующій свои положенія примѣрами, приводитъ слѣдующій примѣръ. Положимъ, требуется при данныхъ трехъ числахъ отыскать такое число, которое относилось бы къ третьему такъ же, какъ второе къ первому. Разныя лица будутъ отыскивать требуемое число различно. Одни механически помножатъ второе число на третье и раздѣлятъ на первое, такъ какъ не за[...] правила, слышаннаго ими нѣкогда отъ учителя. Другіе сдѣ[...] это, зная, на основаніи Эвклида, что произведеніе второго чис[...]

третье въ пропорціи равняется произведенію перваго на четвертое. Наконецъ третьи, имѣющіе навыкъ въ обращеніи съ числами и ясно представляющіе себѣ ихъ отношенія, сразу назовутъ четвертый членъ пропорціи, чтó очень легко въ тѣхъ случаяхъ, когда отношенія между данными числами просты, напримѣръ когда намъ дано: 2: 3 = 4: X. Любопытно, что въ юношескомъ своемъ трактатѣ Спиноза считалъ интуитивное познаніе чѣмъ-то вродѣ вдохновенія, предшествующаго всякому опыту. Въ «Этикѣ» онъ отрѣшился отъ этого взгляда; интуитивное знаніе, какъ онъ говоритъ здѣсь, ведетъ отъ точнаго знанія закономѣрныхъ отношеній между явленіями къ точному знанію конкретныхъ фактовъ, т. е. сводится къ научной дедукціи. Въ «Трактатѣ объ исправленіи разума» Спиноза съ подкупающей искренностью признается, что самъ онъ до сихъ поръ позналъ весьма немногое при помощи этого рода познанія. Въ дальнѣйшихъ частяхъ «Этики» онъ часто говоритъ вмѣстѣ о второмъ и третьемъ родѣ познанія, и дѣйствительно различіе между ними несущественно: тотъ и другой представляютъ собой виды научнаго метода—научную индукцію и дедукцію, тѣсно связанные между собой и которые можно различать только въ абстракціи.

Характеризуя первый родъ познанія, Спиноза указываетъ, что наши воспріятія отъ внѣшнихъ тѣлъ представляютъ результаты воздѣйствія послѣднихъ на наше тѣло, и потому «идеи, которыя мы имѣемъ о внѣшнихъ тѣлахъ, болѣе относятся къ состояніямъ нашего тѣла, чѣмъ къ природѣ тѣлъ внѣшнихъ». Точное познаніе внѣшнихъ явленій, при помощи одного только наблюденія конкретныхъ фактовъ, поэтому невозможно. Невозможно оно еще потому, что всякое конкретное явленіе представляется звеномъ въ безконечной цѣпи явленій, и знаніе перваго безъ знанія послѣднихъ невозможно. Такое знакомство будетъ носить отрывочный характеръ, фактъ будетъ изучаться внѣ окружающихъ тѣсно связанныхъ съ нимъ фактовъ, и знакомство съ нимъ можетъ быть только крайне неполно. Это будетъ, по остроумному сравненію Спинозы, заключеніе безъ посылокъ.

Кромѣ того при познаніи перваго рода—познаніи черезъ безпорядочный опытъ, какъ называетъ его въ одномъ мѣстѣ Спиноза—явленія представляются носящими случайный характеръ. Если мальчикъ нѣсколько дней подрядъ видитъ утромъ Петра, вечеромъ Павла, то, не входя въ изслѣдованіе причинъ, вызывающихъ такую послѣдовательность явленій, онъ, въ силу ассоціаціи идей, увидѣвъ утромъ Петра, будетъ ожидать встрѣтить вечеромъ Павла. Если въ какой-нибудь день онъ увидитъ вмѣсто послѣдняго Се-

мена, то ассоціація потеряетъ свой опредѣленный характеръ; на слѣдующій день онъ уже не будетъ увѣренъ, что увидитъ Павла, и встрѣча съ послѣднимъ будетъ носить случайный характеръ. Точное знаніе достижимо только путемъ изученія сущности явлений и управляющихъ ими законовъ. При такомъ изученіи явленія будутъ обязательно представляться необходимыми и закономѣрными.

Въ этомъ видѣ ученіе Спинозы о познаніи совпадаетъ съ современными нашими представленіями о томъ же предметѣ. Существуетъ два вида знанія. Одинъ—знаніе, доставляемое будничнымъ опытомъ и наблюденіемъ, отрывочное и неполное, часто приводящее къ установкѣ совершенно произвольныхъ связей между явленіями. Такимъ путемъ напримѣръ, рядомъ со многими цѣнными наблюденіями, въ народной медицинѣ установилось представленіе о вліяніи заговора на остановку крови при кровотеченіяхъ. Другой видъ знанія — научное, многостороннее и методическое наблюденіе, приводящее къ опредѣленію закономѣрныхъ отношеній между явленіями и знакомству съ вызывающими ихъ причинами.

И однакоже между нашими современными взглядами на познаніе и взглядомъ Спинозы существуетъ немаловажное различіе. Для насъ различіе между будничнымъ опытомъ и научнымъ— только количественное и сводится къ бо̀льшей широтѣ и систематичности наблюденій. Трудно указать границу между тѣмъ и другимъ, и сплошь да рядомъ обыденное знаніе совпадаетъ съ научнымъ, а многія наблюденія изъ житейскаго опыта перешли въ науку. Для Спинозы этой связи повидимому не существуетъ. Онъ нигдѣ не отвергаетъ ея категорически. Познаніе перваго рода онъ называетъ познаніемъ черезъ *безпорядочный опытъ* и, стало быть, видитъ недостатокъ его только въ неупорядоченности. Онъ совершенно вѣрно указываетъ, что ошибочныя наши идеи—если онѣ не представляютъ пустого набора словъ—имѣютъ въ своей основѣ совершенно точныя воспріятія, и ошибочность ихъ зависитъ только отъ *недостатка* знанія, отъ отсутствія другихъ параллельныхъ воспріятій, дополняющихъ и ограничивающихъ первыя. Спиноза такъ близокъ къ тому, чтобы признать различіе между будничнымъ и научнымъ знаніемъ только за количественное, что можно удивляться, отчего онъ этого не сдѣлалъ. Невѣрное представленіе о математическихъ истинахъ съ ихъ кажущейся независимостью отъ опыта, тяготѣвшее надъ нимъ, какъ надъ многими послѣдующими философами до нашихъ дней, помѣшало ему сдѣл[...] рѣшительный шагъ. Только англійской психологіи выпало на [...] выяснить тождество по существу между будничнымъ наблюден[...]

и научнымъ мышленіемъ, показать, что въ основѣ какъ того, такъ и другого лежитъ та-же ассоціація идей, законы которой такъ прекрасно выяснены Спинозой во второй части «Этики», физіологическую основу которой онъ такъ ясно понималъ.

Въ стройномъ зданіи «Этики» ученіе объ аффектахъ (страстяхъ, эмоціяхъ, чувствованіяхъ) занимаетъ центральное мѣсто, представляя естественное введеніе къ теоремамъ чисто-этическимъ и переплетаясь съ ними. Въ предисловіи къ третьей части Спиноза заявляетъ, что и эту прихотливую область душевной жизни онъ будетъ изучать по тому же методу, которому слѣдовалъ въ другихъ частяхъ «Этики»:

«Въ природѣ нѣтъ ничего, что можно было бы приписать ея недостатку, ибо природа всегда остается одной и той же и одна вездѣ. Ея сила и могущество дѣйствія, т. е. законы и правила природы, по которымъ все происходитъ и измѣняется изъ однѣхъ формъ въ другія, всегда и вездѣ одни и тѣ же, а потому и способъ познанія природы вещей, каковы бы онѣ ни были, долженъ быть одинъ и тотъ же, а именно—это должно быть познаніе изъ всеобщихъ законовъ и правилъ природы. Такимъ образомъ аффекты ненависти гнѣва, зависти и т. д., разсматриваемые сами по себѣ, вытекаютъ изъ той же необходимости и могущества природы, какъ и всѣ остальныя вещи, и слѣдовательно они имѣютъ извѣстныя причины, черезъ которыя уразумѣваются, и извѣстныя свойства, настолько же достойныя нашего познанія, какъ и свойства всякой другой вещи, въ простомъ разсматриваніи которой мы находимъ удовольствіе. Итакъ, я буду разсматривать человѣческія дѣйствія и влеченія точно такъ же, какъ еслибы вопросъ шелъ о линіяхъ, поверхностяхъ и тѣлахъ.»

Спиноза различаетъ три основныхъ аффекта: желаніе, удовольствіе и неудовольствіе. Желаніе представляетъ собой только случай приложенія закона инерціи въ психической сферѣ. Подобно тому какъ «всякая вещь стремится пребывать въ своемъ существованіи неопредѣленное время», такъ и психическія явленія, и параллельныя имъ состоянія тѣла стремятся пребывать неопредѣленное время въ своемъ существованіи. Это стремленіе, будучи сознано, называется желаніемъ. Какъ извѣстно, позднѣйшая метафизика (въ лицѣ Шопенгауэра и его послѣдователей) одухотворила это «стремленіе» вещей пребывать въ своемъ существованіи и признала волю субстратомъ всего сущаго, открыла въ ней столь долго и тщетно отыскиваемую «вещь саму въ себѣ». Строго-научный характеръ философіи Спинозы можетъ-быть сильнѣе всего проявляется въ постоянномъ его стремленіи предупреждать подобныя метафизическія истолкованія. Тотчасъ же вслѣдъ за теоре-
устанавливающей всеобщность закона инерціи, онъ выста-
ъ теорему: «стремленіе вещи пребывать въ своемъ суще-

ствованіи есть не что иное, какъ дѣйствительная (актуальная) сущность самой вещи», или—говоря современнымъ языкомъ—есть не что иное, какъ самый фактъ существованія вещи. Вещь существуетъ, и пока не является причина, измѣняющая ея существованіе, она продолжаетъ пребывать въ томъ же видѣ,—въ этомъ, и только въ этомъ состоитъ «стремленіе» вещи пребывать въ своемъ существованіи неопредѣленное время. Ни о какой волевой сущности не можетъ быть рѣчи.

Что касается до двухъ другихъ основныхъ аффектовъ—удовольствія и неудовольствія, то причиной, побудившей Спинозу прибѣгнуть къ такой классификаціи, было наблюденіе надъ вліяніемъ аффектовъ на психическую жизнь. Съ этой точки зрѣнія аффекты распадаются на двѣ группы: одни изъ нихъ задерживаютъ, другіе—ускоряютъ теченіе представленій. До нѣкоторой степени совпадаетъ съ этимъ дѣленіемъ кантовское дѣленіе аффектовъ на стеническіе и астеническіе. Подъ удовольствіемъ Спиноза разумѣетъ аффектъ, черезъ который душа переходитъ къ бóльшему совершенству, черезъ неудовольствіе—къ меньшему. Изъ сложенія трехъ основныхъ аффектовъ получаются всѣ прочіе аффекты, и третья, а въ значительной части также и четвертая часть «Этики» посвящены анализу аффектовъ и желѣзнымъ законамъ, управляющимъ человѣческими страстями. Этотъ отдѣлъ «Этики»—одно изъ лучшихъ созданій генія Спинозы по строгости проведенія основной идеи, по мастерству анализа, по тонкой и глубокой наблюдательности—не поддается сокращенному изложенію.

Представленіе, желаніе и дѣйствіе у человѣка совпадаютъ. На примѣрѣ дѣтей Спиноза показываетъ, какъ тѣсно и неразрывно связаны эти элементы психической жизни, расчленяемые нашимъ анализомъ: дѣти плачутъ и смѣются, когда видятъ (безъ всякаго иного повода), какъ плачутъ и смѣются другіе. Человѣкъ реагируетъ на внѣшнія воздѣйствія психическими рефлексами, но реакція эта можетъ носить различный характеръ. Въ однихъ случаяхъ она быстра и отличается крайней простотой. Въ другихъ—внѣшнее воздѣйствіе, подѣйствовавъ на нашъ мозгъ, проходитъ въ немъ длинный путь, на разные лады соединяется съ существующими здѣсь слѣдами прежнихъ возбужденій, видоизмѣняется и направляется по путямъ, созданнымъ всей предшествовавшей душевной жизнью личности. Эта душевная жизнь налагаетъ на наступающую въ такомъ случаѣ реакцію рѣзкую индивидуальную печать; внесенные личностью элементы играютъ въ реакціи такую громад[illegible] роль, что передъ ними отступаетъ на задній планъ дѣйствіе [illegible]

вичнаго возбужденія. Короче говоря, душевная жизнь можетъ носить пассивный и активный характеръ. Чѣмъ значительнѣе переработка внѣшнихъ впечатлѣній личностью, тѣмъ болѣе активный характеръ носитъ психическая жизнь.

Это разграниченіе—имѣющее съ современной точки зрѣнія количественный характеръ, но неизбѣжное при анализѣ душевныхъ явленій,—у Спинозы принимаетъ болѣе рѣзкія очертанія въ соотвѣтствіи съ громаднымъ различіемъ, проводимымъ имъ между первымъ и двумя прочими видами познанія. При первомъ видѣ познанія душевная дѣятельность носитъ пассивный характеръ, при второмъ и третьемъ—активный. Въ томъ и другомъ случаѣ теченіе психической жизни видоизмѣняется аффектами. Но если смутныя и искаженныя идеи, получаемыя при не-критическомъ воспріятіи, сопровождаются разнообразными аффектами, возникающими вслѣдствіе сложенія аффектовъ удовольствія, неудовольствія и желанія, то эмоціональная жизнь у личности съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ имѣетъ высшій характеръ. Поскольку душевная дѣятельность носитъ активный характеръ, она сопровождается только аффектами удовольствія и желанія; неудовольствіе съ его вредно отзывающимися на теченіи психической жизни послѣдствіями возникаетъ только при безсиліи человѣческаго ума совладать съ извѣстными фактами, т. е. когда душа оказывается пассивной и единственно поскольку она оказывается пассивной. Самъ фактъ познанія всегда сопровождается удовольствіемъ и усиленіемъ интенсивности душевной жизни.

Возможно ли полное устраненіе изъ душевной жизни пассивнаго элемента? Мыслимо ли исчезновеніе аффектовъ? Спиноза отвѣчаетъ на этотъ вопросъ серьезнымъ и категорическимъ отрицаніемъ. Человѣческія силы слабы, человѣкъ—только часть природы, и могущество послѣдней далеко превосходитъ силы отдѣльнаго человѣка. Внѣшнія воздѣйствія могутъ достигать такой силы, что объ индивидуальной переработкѣ ихъ не можетъ возникать рѣчи. «Различнымъ образомъ возбуждаемся мы внѣшними причинами и волнуемся, какъ волны моря, гонимыя противоположными вѣтрами, не зная о нашемъ исходѣ и нашей судьбѣ».

Но если полное освобожденіе не возможно, то частичная свобода возможна. Если «невозможно, чтобы человѣкъ не былъ частью природы и не слѣдовалъ общему ея порядку», то мыслимо, чтобы дѣйствія человѣка въ значительной ихъ части опредѣлялись преимущественно природой самого человѣка, какъ части этой природы. Въ этомъ и состоитъ единственная возможная для человѣка сво-

бода, такъ какъ послѣдняя не есть отсутствіе необходимости, законности и порядка, а только—слѣдованіе необходимымъ законамъ своей собственной природы и отсутствіе извнѣ привходящаго принужденія. Когда реакція личности на внѣшнее воздѣйствіе носитъ на себѣ рѣзкую индивидуальную печать, наложенную на нее интеллектуальнымъ и нравственнымъ міромъ личности,—эта реакція свободна; она полезна для личности и въ этическомъ смыслѣ хороша.

Среди желѣзныхъ законовъ, управляющихъ аффектами, мы встрѣчаемъ рядъ законовъ, дѣлающихъ такую частичную свободу возможной. Во-первыхъ, между аффектами возможна борьба. Аффектъ, какъ неоднократно указываетъ Спиноза, можетъ быть уничтоженъ только аффектомъ; истина, поскольку она—истина, не можетъ противодѣйствовать аффектамъ, но она можетъ нейтрализовать ихъ, по скольку она сама связана съ аффектомъ. Кромѣ аффектовъ, сопутствующихъ пассивнымъ состояніямъ, существуютъ еще аффекты, сопровождающіе активную разумную дѣятельность. Даже аффективныя натуры могутъ поэтому быть свободны въ вышеупомянутомъ смыслѣ, если пассивнымъ аффектамъ они въ состояніи противопоставить аффекты, вытекающіе изъ активныхъ ихъ душевныхъ состояній. На исходъ борьбы будутъ вліять различныя условія, излагаемыя Спинозой въ четвертой и началѣ пятой части.

Другимъ моментомъ, обезпечивающимъ свободу личности въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову Спиноза, является возможность такого душевнаго строя, при которомъ цѣлый рядъ аффектовъ совершенно выпадаетъ. Аффекты, возникающіе при извѣстныхъ обстоятельствахъ по отношенію къ извѣстнымъ явленіямъ, исчезаютъ, когда выясняются болѣе глубокія причины явленій. У взрослаго не возникаетъ чувства гнѣва по отношенію къ камню, о который онъ ушибся, такъ какъ онъ не считаетъ, подобно ребенку, камень виновникомъ ушиба. И если мы часто испытываемъ чувства неудовольствія, гнѣва и ненависти по отношенію къ фактамъ, о которые ушибаемся, то потому что не знаемъ болѣе глубокихъ, сокровенныхъ ихъ причинъ, потому что обольщаемся ложнымъ призракомъ человѣческой свободы и не видимъ законовъ, управляющихъ природой и общественной жизнью. Тамъ, гдѣ эти глубокія причины ясны, не возникаетъ даже борьбы между аффектами: явленія, вызывающія у большинства людей аффекты гнѣва, ненависти и т. д. по отношенію къ невольн
ихъ виновникамъ, здѣсь непосредственно ассоціируются съ
отдаленными ихъ причинами, по отношенію къ которымъ
аффекты невозможны.

Третьимъ факторомъ, могущимъ вліять на упорядоченіе душевной жизни личности, является тѣсная связь между послѣдней и физической организаціей, на что Спиноза не устаетъ обращать вниманіе читателя. Чѣмъ разностороннѣе и сильнѣе физическая организація, тѣмъ богаче и полнѣе душевный міръ личности. Гармонически-развитая съ физической стороны личность въ громадномъ большинствѣ случаевъ не будетъ реагировать на внѣшнія воздѣйствія тѣми ненормальными, уродливыми актами, какими отвѣчаетъ односторонне-развитой, болѣзненный мозгъ. Является болѣе шансовъ, что личность съумѣетъ совладать даже съ могущественными внѣшними воздѣйствіями и подвергнуть ихъ индивидуальной переработкѣ.

Такимъ образомъ существуетъ рядъ путей, при помощи которыхъ личность можетъ оградить свой душевный міръ отъ вреднаго вліянія аффектовъ. Но Спиноза неоднократно обращаетъ вниманіе читателя на то, что эта способность не безгранична, что для нея существуютъ предѣлы, создаваемые ограниченностью человѣческихъ силъ и могуществомъ природы, въ которой человѣкъ является только частью и законамъ которой онъ подчиненъ.

4. *Нравственное ученіе.*

Шопенгауэръ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что Спиноза, Лейбницъ и Кантъ часто слѣдовали совѣту Эмпедокла: «дважды и трижды повторяй прекрасное», и любили повторять свои основныя положенія. У Спинозы это вытекаетъ не только изъ стремленія «повторять прекрасное». Природа съ его точки зрѣнія вездѣ и всегда одна и та же, ея законы и правила всюду тождественны,— поэтому во всѣхъ областяхъ, захватываемыхъ «Этикой», мы встрѣчаемъ тѣ же основные принципы. Принципъ строгой закономѣрности всѣхъ явленій природы, проходящій красной нитью черезъ всю философію Спинозы, мы встрѣчаемъ и въ нравственномъ его ученіи.

Все происходящее въ природѣ совершается по необходимымъ законамъ: все, что совершилось, должно было совершиться именно въ томъ видѣ, въ какомъ совершилось, и не могло совершиться иначе. Если извѣстные факты представляются намъ нелѣпыми и странными, то потому, что мы не знаемъ вызвавшихъ ихъ причинъ и мѣста, занимаемаго этими фактами въ цѣпи природныхъ явленій. Въ природѣ нѣтъ ничего совершеннаго или несовершеннаго, ...шаго или дурного. Существуетъ только безконечная цѣпь ...ій, связанныхъ между собой опредѣленными закономѣрными ...ошеніями и складывающихся въ міровой порядокъ. Съ этой

абсолютной точки зрѣнія этическая оцѣнка явленій невозможна. Этика по существу дѣла можетъ носить только относительный характеръ. Въ человѣческой этикѣ мѣриломъ для оцѣнки всѣхъ явленій является польза человѣка.

Среди разнообразныхъ явленій природы одни полезны для человѣка, другія вредны. Къ числу этихъ явленій природы относятся и дѣйствія самого человѣка, какъ части природы. Вытекая сплошь да рядомъ не изъ природы самого человѣка, опредѣляясь могущественными внѣшними воздѣйствіями, эти дѣйствія не имѣютъ прямого отношенія къ пользѣ человѣка, а косвенно могутъ быть для послѣдняго или полезны, или вредны. Все, что содѣйствуетъ сохраненію природы человѣка, этически хорошо, такъ какъ является полезнымъ для личности, поддерживаетъ основное ея стремленіе—пребывать въ своемъ существованіи неопредѣленное время. Общій законъ всего существующаго является и основнымъ этическимъ закономъ. Стремленіе всѣхъ явленій пребывать въ своемъ существованіи неопредѣленное время принимаетъ въ этической сферѣ характеръ закона самосохраненія, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ,—не только сохраненія тѣла, но и утвержденія въ существованіи идей и вообще душевныхъ состояній человѣка. Въ этомъ смыслѣ все, вытекающее исключительно или главнымъ образомъ изъ природы самого человѣка,—а слѣдовательно активныя душевныя состоянія — этически хорошо, пассивныя же состоянія, опредѣляющіяся главнымъ образомъ внѣшними воздѣйствіями, могутъ быть или хороши, или дурны, смотря по тому, оказываются ли они въ результатѣ полезными или вредными для личности. Идеальнымъ человѣкомъ слѣдовательно съ этической точки зрѣнія является свободный человѣкъ, дѣйствующій по руководству разума.

Въ основѣ нравственнаго ученія Спинозы лежитъ такимъ образомъ эгоистическій принципъ самосохраненія. Но читатель, знакомый съ превратностями историческихъ судебъ нравственныхъ ученій, знаетъ, что на почвѣ альтруистическихъ теорій нерѣдко выростали ядовитые цвѣты человѣко-ненавистничества и бездушнаго топтанія личности, и обратно: на почвѣ принципа пользы— ученія, проповѣдывавшія самоотверженное и беззавѣтное служеніе общему благу. Онъ не удивится поэтому, когда встрѣтитъ въ нравственномъ ученіи Спинозы идеалъ, приближающійся къ стоическому, но превосходящій его по строгости научнаго обоснованія и носящій рѣзко-общественную окраску. Въ самомъ дѣлѣ, дленно вслѣдъ за теоремой, объявляющей стремленіе къ со ной пользѣ величайшей добродѣтелью, мы находимъ теорем

зывающую, что нѣтъ ничего полезнѣе для человѣка, чѣмъ общество себѣ подобныхъ. Личное самосовершенствованіе, достиженіе идеала свободнаго человѣка возможно только въ обществѣ, благодаря услугамъ со стороны людей и работѣ на пользу людей. Сохраненіе общественнаго союза, всего того, что поддерживаетъ согласіе между людьми, существенно важно для интересовъ личности. Въ числѣ этихъ интересовъ у человѣка, какъ существа общественнаго, существуетъ стремленіе, чтобы другіе любили то же, что любитъ онъ самъ. Осуществленіе этого стремленія возможно вполнѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда личность исповѣдуетъ разумный идеалъ, такъ какъ «высшее благо тѣхъ, которые слѣдуютъ указаніямъ разума, общее для всѣхъ и всѣ одинаково могутъ имъ наслаждаться». Поэтому человѣкъ, исповѣдующій такой идеалъ, будетъ стремиться не только къ достиженію высшаго блага для себя, но—какъ говоритъ Спиноза въ «Трактатѣ объ исправленіи разума»—также къ созданію такого общественнаго строя, при которомъ возможно бо́льшее количество лицъ могло бы легко и вѣрно достигнуть того же блага. Интересы личности и общества такъ тѣсно связаны, что на вопросъ: «Еслибы человѣкъ могъ посредствомъ вѣроломства избавиться отъ смертельной опасности, развѣ разумъ въ виду собственнаго самосохраненія не посовѣтовалъ бы ему быть вѣроломнымъ?» Спиноза отвѣчаетъ: «Еслибы разумъ совѣтовалъ это, то онъ совѣтовалъ бы людямъ только лживо условливаться соединять свои силы и имѣть общія права,—а это нелѣпо». Такимъ образомъ рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, неизбѣжно вытекающихъ изъ основныхъ положеній, эгоистическая мораль Спинозы переходитъ въ проповѣдь самоотверженнаго служенія общему благу,—и притомъ не во имя аскетическихъ идеаловъ, а во имя драгоцѣннѣйшихъ реальныхъ интересовъ личности и общества. И если аскетическая мораль, съ пренебреженіемъ относясь къ конкретнымъ запросамъ личности, переноситъ то же пренебреженіе въ область общественной этики и въ сущности освобождаетъ личность отъ общественной работы,—то вытекающее изъ принципа пользы ученіе Спинозы требуетъ отстаиванія для общества тѣхъ же условій, которыя необходимы для достиженія высшаго блага отдѣльнымъ человѣкомъ: извѣстнаго минимума матеріальнаго благосостоянія, обезпечивающаго возможность гармониче- физическаго и умственнаго развитія, и свободы высшихъ — умст- къ и нравственныхъ—проявленій человѣческой дѣятельности. ке изъ сказаннаго ясно, какъ мало основанія имѣетъ часто вляемое противъ нравственнаго ученія Спинозы обвиненіе

въ квіэтизмѣ. Это нелѣпое обвиненіе, противорѣчащее вполнѣ опредѣленнымъ заявленіямъ Спинозы, основывается, во-1-хъ на детерминистскомъ характерѣ его философіи,—а, по довольно распространенному поверхностному взгляду, детерминизмъ обязательно связанъ съ квіетизмомъ, во-2-хъ—на горячей проповѣди Спинозы въ пользу обузданія аффектовъ. При извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ естественно возникаетъ культъ аффектовъ, и низкая оцѣнка послѣднихъ Спинозой можетъ производить впечатлѣніе проповѣди квіэтизма. Но не подавленіе въ себѣ впечатлительности и реакцій проповѣдуетъ Спиноза. Онъ желалъ бы только, чтобы личность перешагнула черезъ стадій поверхностной впечатлительности и безпорядочныхъ рефлексовъ, чтобы она отвѣчала на внѣшнія воздѣйствія организованными и цѣлесообразными реакціями, чтобы впечатлительность ея не была внѣшней оболочкой, такъ легко спадающей къ зрѣлымъ годамъ, когда молодые энтузіасты превращаются въ разжирѣлыхъ «буржуевъ», но опиралась на весь интеллектуальный и нравственный міръ личности, была бы связана съ прочно-обоснованнымъ міросозерцаніемъ. Спиноза неоднократно указываетъ, что нѣтъ ни одного дѣйствія, обычно вытекающаго изъ аффектовъ, которое не могло бы быть произведено по указанію разума. Пониманіе всего, приводящее къ прощенію личности, совершенно не предполагаетъ оставленія понятаго зла въ его настоящемъ видѣ, а только облагораживаетъ и дѣлаетъ болѣе цѣлесообразными дѣйствія, направленныя къ устраненію его. Отъ судьи мы требуемъ, чтобы, карая преступника, онъ не руководился чувствами ненависти и мести; общественная польза можетъ только выиграть, если наказаніе будетъ сообразовано съ условіями преступленія и индивидуальностью преступника. Того же мы должны требовать отъ всякой личности, поскольку она является общественнымъ дѣятелемъ. Намъ придется можетъ-быть устранить съ нашего пути врага, если того потребуютъ интересы общественной пользы—какъ убиваемъ мы ядовитую змѣю, хотя не винимъ ее въ томъ, что такова ея природа,—но мы не будемъ издѣваться и ругаться надъ нимъ; напротивъ того, зная, что онъ является продуктомъ извѣстныхъ условій, мы часто будемъ направлять свою борьбу не противъ личностей и отдѣльныхъ фактовъ, а противъ создающаго ихъ общественнаго строя.

Не приводя къ квіэтизму, детерминизмъ налагаетъ на г ственное ученіе Спинозы характерную печать. Убѣжденіем строгой закономѣрности всѣхъ явленій объясняется выдаю роль, отводимая Спинозой въ этической сферѣ познанію.

Съ той точки зрѣнія, которая факторомъ дѣятельности че
вѣка признаетъ свободную, ничѣмъ не опредѣляемую волю, чело
ческая исторія напр. представляетъ хаотическую смѣсь акт
злой и доброй воли, изученіе которой безцѣльно и представля
развѣ интересъ матеріала для легкаго чтенія. Совершенно и
значеніе получаетъ познаніе въ детерминистской системѣ Спин
Оно освѣщаетъ путь личности, выясняетъ ея личные и обществ
ные идеалы; личность перестаетъ быть пассивнымъ орудіемъ
рукахъ общественныхъ силъ,—орудіемъ, «не вѣдающимъ, что т
ритъ»; она сознательно содѣйствуетъ, выражаясь словами Герц
«родамъ будущаго». Поэтому величайшее блаженство личн
состоитъ въ познаніи истины и сознательномъ сліяніи съ м
вымъ порядкомъ. Сквозь сдержанный, математическій яз
теоремъ и схолій «Этики» начинаетъ пробиваться тепло и стр
ность проповѣдника, желающаго пріобщить всѣхъ къ сво
идеалу, когда Спиноза изображаетъ душевное умиротворе
свободу отъ низшихъ страстей, твердость духа и мужество,
ваемыя познаніемъ причинной связи между явленіями. Вѣнц
такого познанія является «познавательная любовь къ Богу». Сл
эти, звучащія мистически, если воспользоваться данными Спино
опредѣленіями, получаютъ вполнѣ опредѣленный и ясный смыслъ
выше мы указали уже, что раціоналистическій переводъ, точно
редающій мысль Спинозы, не передаетъ эмоціональнаго оттѣ
съ которымъ она была связана въ душевной жизни мыслител

Достижимо ли это высочайшее блаженство? Слова, кото
оканчивается «Этика», звучатъ серьезно, но не отнимаютъ
дрости и надежды: «Если путь, ведущій къ нему, и кажется ве
труднымъ, то все же его можно найти. Да онъ и долженъ
труднымъ, ибо его такъ рѣдко находятъ. Въ самомъ дѣлѣ,
бы спасеніе было у всѣхъ подъ руками и могло быть на
безъ особеннаго труда, то какъ же могли бы почти всѣ прен
гать имъ? Но все прекрасное такъ же трудно, какъ и рѣдко

й.

ѣятельност
мую волю, к
ую смѣсь и
) и предста
Совершени
системѣ Сп
ные и общес
имъ орудіе
ющимъ, что
словами Гер
енство лич
сліяніи съ
ическій и
тепло и ст
ѣхъ къ о
умиротвор
мужество,
ями. Вѣк
ь Богу». С
ными Спи
ый смыслъ
одъ, тепло
аго отт
мыслите
а, котор
имаютъ
ется вес
женъ б
дѣлѣ, ес
ъ найд
пренебр
рѣдко».

B 3997 .P36
B. Spinoza :
Stanford University Libraries
C.1
3 6105 036 704 372